

ГЕРЦ

Возлюбленная принца

ШЕРИЛ СОЙЕР

ГЕРЦОГИНЯ

Возлюбленная принца

Шерил Сойер — современная австралийская писательница, лауреат престижных литературных премий. Ее любовно-исторические романы покорили миллионы читателей во всем мире. Хитроумные интриги и опасные приключения, яростные погони и жестокие схватки, безумная страсть и настоящая любовь... Вместе с отважными героинями романов Шерил Сойер вы побываете

на плантациях Мартиники, на королевских балах в Версале, на палубе корсарского брига, в старинных замках Англии... У вас уже были «Анжелика», «Марианна», «Унесенные ветром»?.. Теперь есть книги ШЕРИЛ СОЙЕР!

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ!

1642 год. Англия. Король Англии Карл I может потерять трон из-за своей горячности. Восхитительная, пылкая красавица Мэри Вильерс, дочь покойного герцога Бэкингема, движимая чувством преданности королевской семье, с риском для собственной репутации пытается не допустить гражданской войны. Но ее противник — принц Богемии Руперт, избалованный женским вниманием, — решительный и отважный сорвиголова, которому нет равных на поле боя, едет в Англию только чтобы воевать. Встретившись на перекрестке судьбы, смогут ли их страстные сердца противостоять силе своих чувств?

ШЕРИЛ СОЙЕР

ГЕРЦОГИНЯ

Возлюбленная принца

Использование текста, а также его фрагментов
без разрешения правообладателя запрещается
и преследуется по закону.

Со́йер, Шерил

- С54 Герцогиня. Возлюбленная принца /Пер. с англ.
Н.А. Якобсон. – М.: ООО ТД «Издательство Мир книги»,
2008. – 288 с.

1642 год. Англия. Восхитительную красавицу Мэри Вильерс, жену верного советника короля герцога Ричмонда, шокирует, что она находится в оппозиции к своему королю, который фактически заменил ей отца. Карл Первый решил объявить войну парламенту и тем самым своему народу. Мэри предпринимает опасную попытку помочь спасти трон Англии для законного монарха. Но сначала она должна иметь дело с харизматичным племянником короля принцем Рупертом Богемским...

ББК 84(4)

© Cheryl Hingley, 2007

All rights reserved

© Kristy Anne Smith,

фото на 4-й стороне обложки

© Якобсон Н.А., перевод, 2007

© ООО ТД «Издательство Мир книги»,

издание на русском языке, 2008

ISBN 978-5-486-01922-7

Нашему Летнему принцу Артуру Сэмюэлю Хингли

Безбрежной щедрости дар
Прижился в моей душе
Меня не привлекал
Никто из всех на земле.
Но я была добра
Ко всем, хоть имела власть,
До того, как свела с ума
Меня эта страсть.

Эфелия

Пролог

В Уайтхолле выпал снег, превратив калейдоскоп крыш и дворики в сверкающую мозаику, такую же сложную, как торт, украшенный сотней кусочков разноцветного сахара, который придворный кондитер любил печь специально для короля.

— Принц Руперт* приезжает! — От новости, мгновенно разлетевшейся по дворцу, большинство военных недовольно нахмурились, а леди отверну-

* Принц Руперт Пфальцский (1619—1682 гг.) — лидер противников парламента в ходе английской Гражданской войны, Рейнский пфальцграф. Сын Фридриха V и Елизаветы Стюарт. Племянник Карла I. С 1622 в Нидерландах воевал на стороне нидерландских повстанцев против Испании. В ходе Тридцатилетней войны также сражался на стороне протестантов, но был захвачен в плен в Австрии и освобожден в 1641 под честное слово не воевать против Священной Римской империи. В 1642 назначен главнокомандующим английской королевской кавалерией. В 1643 взял Бристоль. После падения Оксфорда в 1646 жил в изгнании, однако после Реставрации 1660 вернулся в Англию и защищал её интересы в ходе войн с Нидерландами. Принимал деятельное участие в колонизации Канады в качестве основателя Компании Гудзонова залива, где его именем названы река и порт. (Здесь и далее примеч. ред.).

Англия Руперта и Мэри, 1642-1644

Сражения Руперта
в этот период

лись, чтобы скрыть румянец, предательски заливавший щеки.

Король Карл Первый не делал секрета из своей радости. Для него Руперт был самым образцовым солдатом, которого он только мог призвать на свою сторону, самым преданным и нечестолюбивым, если только дело не касалось службы и славы. Некоторые придворные удивлялись, при этом испытывая уколы ревности, почему король в свои сорок лет думает о том, чтобы передать командование двадцатилетнему юнцу, но Карла, казалось, это совершенно не волновало. Руперт был сыном его эффектной сестры Элизабет и с ранней юности зарекомендовал себя как совершенный солдат. Несколько лет принц провел в австрийской тюрьме за то, что развязал войну с императором Священной Римской империи.

Едва вернувшись в Голландию из плена, Руперт послал известие, что он садится на корабль, в ближайшее время отплывающий в Англию. Принц никогда не менял своего решения, а это значило, что в новом 1642 году он будет в Лондоне.

— Принц Руперт приезжает. *Dieu merci** , — сказала королева с улыбкой, приподнявшей хорошенькую верхнюю губу, обнажив выступающие ровные зубы, что делало ее похожей на шаловливого ребенка. Фрейлины поддакнули ей, не забыв при этом выразить хорошо отрепетированное удивление, за исключением Мэри Вильерс, герцогини Ричмонд, которая стояла у окна и наблюдала за падающим снегом. Мэри осталась стоять спиной ко всем остальным, думая об одаренном мальчике, о котором она впервые слышала, когда он еще жил в Голландии, и который так любил проказить, что еще в детстве заработал

* Слава богу (франц.).

прозвище Руперт-дьявол. Позднее, во время его визита в Лондон, она уже увидела невероятно высокого молодого человека с редкой злобной улыбкой, которая, как гласила молва, очаровывала тех, кому он нравился, и глубоко нравилась тем, кого он очаровывал.

Снежинка упала на ромб оконной рамы и прилипла к нему. Мэри обернулась и увидела, что королева наблюдает за ней.

Королева Генриетта-Мария обратилась к ней по-французски:

— Вы не изумлены, мадам?

Мэри улыбнулась.

— Нет, но я рада, в первую очередь, за вас. Я знаю, как вы надеялись на это.

— Мои надежды связаны с Англией. Если Руперт принесет утешение моему мужу, я буду счастлива, — Генриетта-Мария вздохнула. — Принц дал о себе знать так быстро, ответил с таким пылом... в это время нужды.

На глаза королевы навернулись слезы. Это всегда оказывало воздействие на Мэри. Она шагнула вперед, села на стул у ее колен и продолжила по-французски, потому что это был родной язык Генриетты-Марии, и та говорила на нем, когда искала сочувствия. Это был также язык, благодаря которому Мэри часто заставляла королеву смеяться, хотя сегодня им было не до веселья.

— Он не приведет с собой армию. Он придет один.

— Я думаю, что с ним прибудет небольшой отряд, который сражался с ним в Европе. Среди них есть англичане и шотландцы. Люди короля будут рады перенять их опыт.

Мэри сомневалась в этом. Гвардейцы Уайтхолла, число которых Карл сильно увеличил и назначил им нового командира, скорее всего, ревнова-

ли короля к принцу Руперту. Она подумала, что вряд ли он сможет найти с ними общий язык, если остался таким же высокомерным, каким был раньше.

— Может быть, он изменился после всех этих лет, проведенных на войне и в тюрьме.

Глаза королевы все еще блестели.

— Вы его хорошо помните?

— О да, я помню его.

Однако дружба наша
Все крепнет, теплеет вновь,
Мне страшно подумать даже,
Что это станет любовь.
Эфелия

Глава 1

В холодный январский день, когда король Карл решил арестовать пятерых членов своего парламента, Джеймс Стюарт, герцог Ричмонд и Леннокс, проигнорировав на сегодня все другие дела, нанес визит своей жене.

Войдя в большую прихожую своего лондонского дома, он велел позвать ее, но камеристка сказала, что хозяйка просит пройти в ее личные покои. Когда герцог шел к апартаментам своей жены, он гадал, не заболела ли она. Ее здоровье было хрупким, и он думал, что, может быть, она лежит на постели в своей спальне. А это совершенно не входило в его планы. Однако, войдя в ее первую комнату, он увидел, что она одета и сушит волосы перед огнем.

— Ваш покорный слуга, мадам. Разве это обязательно делать через день?

— Да, милорд, — она выпрямилась, откинув волосы, которые рассыпались по плечам, поблескивая в искорках, отражавшихся от огня.

— Зачем подвергать себя такой опасности?

Она пожала плечами. От этого движения платье натянулось так, что очертило ее белую грудь.

— Иначе бы у меня началась чесотка, — ее приятный тембр голоса придал ответу особую интимность.

Герцог посмотрел на жену, на ее спутанные рыжевато-золотистые волосы, примирительную улыбку, ласковые темно-голубые глаза, и ему вдруг пришло в голову, что ни один другой мужчина в Англии не мог бы наблюдать за герцогиней Ричмонд в такой интимной обстановке. Эти скрытые удовольствия в его жизнь внесла она.

Он указал на стул у камина, но она шагнула вперед.

— Мясо? Напитки? Что мне заказать?

— На это нет времени, пожалуйста, сядьте.

Раздался легкий шелест, когда она усаживалась на стул, стоящий посередине комнаты.

— Хочу вам сообщить что завтра во время посещения парламента его величество будет с гвардией и арестует Пима,* Гемпдена**, Голлиса***, Строуда****

* Пим Джон (1584 — 1643 гг.) — английский политический деятель, один из главных руководителей парламентской оппозиции накануне и в первый период Английской буржуазной революции XVII века. Впервые был избран в парламент в 1614. П. — один из авторов «Петиции о праве». Роль и влияние П., наиболее яркого представителя блока джентри и буржуазии, особенно возросла с созывом в ноябре 1640 Долгого парламента. Выступал главным обвинителем на процессе Т. Страффорда (март — апрель 1641). С отъездом короля на север П. был назначен парламентом председателем образованного в сентябре 1641 особого парламентского комитета, являвшегося фактически временным правительством. 25 сентября 1643 заключил союзный договор с шотландскими пресвитерианами («Ковенант»).

** Гемпден Джон (1594 — 1643 гг.) — выдающийся деятель парламентской буржуазной оппозиции при Карле I, двоюродный брат Кромвеля. В 1637 осужден за отказ уплатить «корабельную подать», введенную Карлом I. «Дело Гемпдена» способствовало усилению борьбы против абсолютизма. Долгий парламент в 1640 отменил решение суда. С начала гражданской войны примкнул к индепендентам, участвовал в организации парламентской армии. 18 июня 1643 был смертельно ранен в бою.

*** Голлис Дензилл (1599 — 1680 гг.) — один из лидеров пресвитериан в Долгом парламенте. Впоследствии стремился к примирению с королем. В 1647 году предложил распустить революционную армию, за что был обвинен в измене и бежал во Францию. В 1660 году содействовал восстановлению на престоле Карла II и занимал при нем высокие должности.

**** Строуд Уильям (1599—1645) — лидер пуритан, боролся за очищение англиканской церкви от остатков католицизма. В 1642 году был главным инициатором развязывания гражданской войны.

и Гезелрига*, — сказал герцог и многозначительно замолчал, глядя на герцогиню, ожидая ее реакции.

Герцогиня Ричмонд с шумом выдохнула и откинулась назад:

— Кто предложил это?

Джеймс Стюарт покачал головой:

— Никто. Это решение короля.

— Он уже попросил парламент изгнать их из своих рядов, и палата лордов будет разбирать это дело. Зачем такая крайняя мера?

— Лорды созвали комитет, но король не будет ждать их вердикта, чтобы привлечь изменников к суду.

— Король восстановит против себя палату общин, — медленно произнесла Мэри.

Герцог кивнул.

— Нет нужды обсуждать гнусность этого, ни один суверен Англии никогда не действовал подобным образом! Но наши возражения наткнулись на стену из гранита. — Он заметил, что жена вздрогнула.

— Каким образом вы возражали?

— Я? — он холодно улыбнулся.

— Что навело короля на эту мысль? Какие-нибудь новые оскорбления? — герцогиня поймала взгляд мужа. — Этот парламент оскорбляет его с тех пор, как он созвал его. Но даже если король удалит таких людей, как эти, неужели он думает, что остальные сразу же склонятся перед его волей?

— Я боюсь, что в этом случае он действует неблагоприятно. Он хочет отправить их в Тауэр и собирается сделать это завтра днем.

* Гезелриг Артур (умер в 1661) — один из лидеров индпендентов в Долгом парламенте. 10 апреля 1641 года, во время процесса над Страффордом, внес «билль об опале», применявшийся против опасных политических деятелей. Был членом государственного совета республики, губернатором Ньюкасла.

Мэри приподняла волосы и повернула лицо в сторону. По ее профилю герцог понял, что она о чем-то задумалась. Розовый цвет платья контрастировал с ее бледной кожей. Герцогиня редко оставалась спокойной, ее стройное тело, казалось, находилось в непрерывном движении. Затем она искоса взглянула на него:

— Никто не сможет переубедить его?

— Вы сможете. Все самые умные и самые близкие уже пробовали. Все, кроме вас.

Глаза Мэри расширились. Муж впервые просил ее о чем-то. Герцогиня не имела права ответить ему «нет». Но если она согласится помочь ему, значит, она окажется вовлеченной в его дела, до которых он раньше не допускал ее. Джеймс Стюарт не занимал высокий пост при дворе, у него не было в подчинении большого количества людей, да ему было и ни к чему все это, потому что он являлся правой рукой короля. Карл всегда обращался к нему за советом, и герцогу не приходилось прибегать к услугам жены, чтобы быть услышанным. Этот случай, однако, сильно отличался от предыдущих.

Мэри опустила руки на колени и какое-то время молчала. Нежная кожа ее век слегка подрагивала, когда она смотрела вниз. Только в спальне герцог мог видеть ее беззащитность. Однако ее голос прозвучал жизнерадостно:

— Я польщена тем, что вы думаете, будто я смогу сделать то, что не удалось остальным, но я не уверена, что у меня это получится. Если вы считаете, будто король поступает неразумно...

— Есть возможность его переубедить, особенно у того, кому король безгранично доверяет. Он любит вас, поэтому станет слушать. — Герцогиня склонила голову. В ее глазах проскользнула усмешка:

— Я понимаю, я должна воззвать не к его уму, а к его привязанности, однако стена останется сто-

ять на месте. Король, может, и любит меня, но он ненавидит Пима и его упрямую компанию.

— Не поддавайтесь искушению вступать с королем в дискуссию, вместо этого заставьте его обратить внимание на его действия и планы.

Джеймс Стюарт наклонился вперед и с такой силой ударил ладонью о стол, что ушиб руки:

— Спросите его, в конце концов, что он ожидает выиграть подобным действием. Клянусь ранами Христа, я не могу понять этого. — Его страстность, казалось, возымела на нее обратное действие. Герцогиня успокоилась:

— Мое влияние, если я таковое имею, связано с королевой. Если я приближусь к нему самостоятельно, она решит, что я вмешиваюсь в дела за ее спиной.

— Если вы сначала обратитесь к королеве, она может запретить вам подходить к королю. Она желает этих арестов так же сильно, как и он, если не больше.

— Это меня не удивляет.

— Ваш приход будет для него полной неожиданностью. Пойдите к нему с каким-нибудь личным вопросом так, чтобы король согласился поговорить с Вами наедине, затем упомяните имя и парламент, попытайтесь выдвинуть три аргумента...

Она поднялась так внезапно, что герцогу быстро пришлось отступить на шаг.

— Милорд, не вкладывайте свои слова в мои уста, или он узнает, от кого они исходят. Я придумаю сама, что сказать.

Джеймс Стюарт не сомневался, что она так и делает. Внезапно он испугался. Он никогда не хотел, чтобы Мэри становилась близким советником короля, но теперь он сам настаивал на этом. Фрейлины оказывали значительное влияние на политическую власть. Их всегда заваливали петициями, взятками и просьбами люди, искавшие выгодных должностей.

Однако Мэри оставалась неподкупной, это было ниже ее достоинства, — просить выгоды для кого-либо у короля или королевы, потому Карл и Генриетта-Мария безгранично доверяли ей. А что, если Карл придет в ужас от ее новой роли? Он может дать ей резкий отпор, но будет еще хуже, если она погубит свою репутацию, вмешиваясь не в свои дела.

Мэри стояла на расстоянии вытянутой руки от него, в ее голубых глазах застыла решимость.

— Я понимаю, чего вы требуете от меня. Я согласна, но должна сказать, что может получиться так, и это наиболее вероятно, что я ничего не добьюсь от его величества. Мы можем ничего не выиграть от этой встречи, но я попытаюсь, чтобы мы были уверены, что сделали все возможное.

«Мы». Это слово по-новому связало их вместе. Осознав это, герцог незаметно вздрогнул. Ответ жены был мудрым. Она и без него предвидела все возможные последствия. Он был прав, что решил просить ее добровольного содействия.

Джеймс Стюарт поблагодарил ее, простился и направился к двери. На пороге он обернулся:

— Я забыл сообщить последние новости: принц Руперт приезжает в следующем месяце.

Мэри усмехнулась:

— Действительно? Какая ободряющая весть.

— Вы не разделяете всеобщий энтузиазм?

— Я не принимаю участия в этой суматохе. Прошло уже много-много дней с тех пор, как я перестала интересоваться им.

Герцог было рад услышать это. В юности принц кружил головы дамам, поэтому было вдвойне приятно знать, что герцогиня Ричмонд осталась к нему равнодушной.

— Я не заметил в нем ничего указывающего на то, что он отлично разбирается в делах войны, когда

он был здесь в последний раз, но, судя по слухам, принц прекрасный солдат. А у нас немного таких людей, поэтому я не могу выражать недовольство по поводу его приезда, — сказал он. Наступила пауза, затем герцог продолжил: — Каково ваше мнение о нем?

Мэри пожала плечами:

— Он был здесь около года назад. — Затем она весело добавила: — Ну хорошо, отвечу вам по-женски. Я полагаю, что он так же красив, как и раньше, хотя и не унаследовал огненных волос королевы Богемии. Они у него каштановые. Он крепко сложен, невероятно высок, а сейчас, насколько я знаю, стал еще выше...

— Шесть футов и четыре дюйма.

— Вот видите, даже вы знаете все детали, касающиеся принца. Не браните меня за то, что и я пытаюсь быть в курсе событий.

Герцог улыбнулся:

— Позвольте тогда перейти к мужскому ответу. Он обладает волей и всем дает это почувствовать. Он горд, безгранично верен Стюартам, считает себя более английским принцем, чем немецким, не склонен много говорить о себе. Когда он приедет, при дворе найдутся люди, которые будут считать его упрямым, и такие, кто станет бояться его.

Герцог посмотрел на хрупкую женщину, обладающую блестящим умом, которая собиралась беседовать с королем.

— А каким я найду принца Руперта?

Мэри приподняла свои совершенной формы брови и ответила:

— Вы будете восхищаться им, как и весь мир.

Перед тем как идти к королю, Мэри почувствовала дурноту и вынуждена была присесть. Она притворилась, что ей надо переделать прическу. Ее камеристка

поняла, в чем дело, но молча подчинилась. Она вынула гребни, расплела нити жемчуга, прошлась пальцами по локонам, чтобы ослабить их, а затем закрепила все сооружение таким же образом, как это было прежде.

Мэри не обращала внимания на свое отражение в зеркале. Она прерывисто дышала, разглядывая кончики своих ногтей и злясь на саму себя. Это была не одна из ее привычных слабостей, а нечто другое, с чем было так же сложно сражаться и победить. Это был страх. Страх перед неудачей, хотя она никогда не боялась Карла. Чтобы успокоиться, она начала думать о нем, о человеке, который дал ей любовь и заменил отца, который был убит. Она видела лицо короля, мягкие карие глаза, в которых теперь была забота и печаль. Она была протеже короля, но никогда не злоупотребляла его добротой. Более того, каждый день доказывала это своей преданностью королеве.

Мэри закрыла глаза и попыталась восстановить дыхание. Она могла бы пойти к нему как дочь, могла бы обсудить с ним...

Мэри открыла глаза. Нельзя было отрицать опасность этого хода. Ее отец, великий герцог Бэкингем, был самым любимым, самым богатым и знаменитым придворным в Англии, именно поэтому и ненавидели его больше всех. Когда его убили, мир Мэри рухнул, и она пообещала себе никогда не участвовать в сражении за власть, которое стоило ее отцу жизни. Ей было тогда шесть лет, она обожала его. Даже сейчас, спустя четырнадцать лет, несмотря на то, что она поняла все ошибки отца, она продолжала боготворить его. Они очень любили друг друга, и отец брал ее, еще совсем крошечную девочку, в свои долгие путешествия за границу, где его сначала встречали как любимца короля Иакова Первого Английского, а затем как фаворита Карла. Мэри шла по славно-

му пути герцога Бэкингемского, но, когда он погиб, начала колебаться, потому что эта дорога вела к смерти.

Она была достаточно похожа на своего отца, чтобы понимать, какие качества характера могли помочь возвыситься. Мэри жила в безопасности в самом сердце двора, благодаря привязанности Карла и тому, что была замужем за Ричмондом, родственником короля. Она была хорошо эрудирована и любила поговорить о высоких материях, но никто не слышал, чтобы она когда-нибудь действовала с выгодой для себя или своего мужа. Люди совершенно свободно говорили при ней о заговорах и упоминали имена заговорщиков, потому что она никогда не придерживалась конспирации. Если кто и вел себя осторожно в ее присутствии, то только потому, что Мэри была замужем за одним из самых верных советников короля, а не по какой-либо другой причине. Когда она и герцог давали приемы, гости приходили к ним, чтобы насладиться их компанией, а не в надежде на продвижение. Итак, до сегодняшнего дня Мэри была довольна тем, что могла совершенно свободно со всеми общаться, смеяться над пэрами и вместе с ними же, если ей этого хотелось, не причиняя никому вреда.

Мэри положила руки на блестящую поверхность туалетного столика, пока ее камеристка закалывала последний гребень в ее волосах. Должна ли она взяться за выполнение этого задания после того, как игнорировала все дворцовые интриги? Действительно ли у Ричмонда было право впутывать ее сейчас в неприятности и действовать наперекор их молчаливому соглашению, благодаря которому она не вмешивалась ни в какие политические действия за время их почти пятилетнего брака?

Момент был критическим. Это затрагивало всю их жизнь. Если король возьмет завтра с собой в парла-

мент вооруженных гвардейцев, он объявит открытую войну своим подданным. Или парламент заставит всех поверить в это. Король не должен допустить подобных действий. Мэри вздрогнула. Но как она может сказать об этом своему королю?

Она почувствовала, как заботливые руки камеристки разглаживают нежные кружева из Дельфта вокруг ее плеч и закрепляют на груди нитку жемчуга, которая тянулась по линии декольте от основания обоих рукавов. Мэри взглянула на знакомое надежное лицо в зеркале и сказала:

— Не могла бы ты в двух словах сказать мне, насколько сильно ненавидят его величество в Лондоне?

В серых глазах, смотревших на нее в зеркале, появился испуг. Эта камеристка служила у Мэри уже три года. Она была из Лондона, из большой уважаемой семьи, с которой часто виделась. Она гордилась своей смекалкой и никогда не лезла с новостями или советами. Этот вопрос так поразил ее, что она не могла произнести ни слова.

Мэри, понимая в чем дело, усмехнулась:

— Да, конечно, за прошедшие месяцы можно было сделать заключение, что новый год может стать свидетелем того, что две сотни шпаг вломятся в ворота королевского дворца.

— Вы не подозреваете об опасности миледи? Может быть, вам не следует сейчас отправляться во дворец?

— Нет. Подожди, позволь мне спросить по-другому, насколько, любят «короля» * Пима?

Женщина мрачно улыбнулась, услышав прозвище, придуманное ее хозяйкой:

* Роль Пима в организации наступления Долгого парламента на королевские prerogatives на первом этапе революции была настолько велика, что, как не без иронии отмечали его недруги, в подписи этого джентльмена не хватало только литеры «R» (Rex) — «король», сопровождавшей королевские указы.

— Джон Пим, миледи, выдающийся оратор, парламент может слушать его с раскрытыми ртами два часа без перерыва, подобно птенцам, просящим пищу. Подобное происходило не раз.

«Какой контраст с королем, учитывая его заикание», — подумала Мэри, затем спросила:

— А если люди не слышали его?

— Они читают его, миледи, а потом слушают, когда он повторяет свои речи. Нет другого такого пригодного для ораторов и проповедников города, как Лондон. Когда Джон Пим говорит об епископах чистой религии и об армейских заговорах...

— Я знаю, что он говорит. До самого последнего слова, — в животе у Мэри все сжалось. — Скажи мне, что случится с их любовью к Пиму, если он поведет парламент свергать королеву.

Ее служанка внимательно посмотрела на нее:

— Я никогда не слышала об этом.

— Ну а королева слышала, возможно, это сплетни, но весьма ценные.

Мэри поднялась.

— Я надену соболя. Вели подать мои носилки.

Было бесполезно дольше откладывать визит, хотя в голове у Мэри не находилось ни одного веского аргумента, чтобы вступить в разговор с королем. Если Карл готов к открытому восстанию, в случае, если он арестует Пима и его приспешников, то она должна использовать малейший шанс, чтобы переубедить его. Однако интуиция подсказывала ей, что Лондон еще не готов к восстанию. Толпы бунтовщиков слонялись по улицам, они добирались даже до ворот дворца, но все равно не решались приступить к действию. Пим был опасным человеком, и от него можно было ожидать много неприятностей, но в своих речах он не безумствовал, а, наоборот, был спокоен, неотражим и постоянно призывал к соблюдению законов.

Если Мэри попытается посеять в душе Карла еще большую панику, то это будет бесчестно. Еще не время. Но в будущем ей надо заставить короля научиться смотреть вперед и сделать так, чтобы он понял, на какую тропу готовится ступить.

В середине дня, когда король Карл отложил на некоторое время государственные дела и появился среди своих любимцев, чтобы его развлекли, то понял, что это вряд ли получится. Мужчины выглядели слишком серьезными, а женщины были подавлены из-за отсутствия королевы, которая, как он подозревал, металась по своим апартаментам и решала, то ли ей снова распаковать свою посуду, то ли добавить вещей к тюкам с ценностями, которые она уже упаковала на тот случай, если им придется бежать из Уайтхолла. Смущение и беспомощность царили среди придворных до того момента, как появилась герцогиня Ричмонд, которая зажгла среди них искру, перешедшую в обещающий тепло огонь.

Когда она сняла свои меха, Карл заметил, что на ней надето бледно-пурпурное платье, похожее на то, которое изобразил, рисуя ее портрет пять лет назад, ван Дейк. Как всегда, рядом с ней стоял карлик-паж и держал ее перчатки. Карл прекрасно помнил картину. Кто бы мог забыть этот шедевр ван Дейка! И ему захотелось сейчас сравнить живую Мэри с той высокомерной уравновешенной дамой, изображенной художником на портрете. Нежному овалу лица придавали особый характер изогнутые дуги бровей, глаза были с легкой поволокой, прямой нос с крутой переносицей и рот на картине казались меньше, чем в действительности, потому что она как будто хотела скрыть веселье, которое не желала разделять с тем, кто смотрит на ее портрет. Мэри было тогда пятнадцать, но держалась она как принцесса.

Тем временем, несмотря на свою обычную веселость, она бросила на него взгляд, сказавший ему, что она, должно быть, хочет поговорить наедине. Карл был в этом уверен, так как Мэри отослала своего карлика-пажа, потому что никогда никого не брала с собой на частную аудиенцию. Ей нравилось разговаривать с ним наедине. Итак, король знал, зачем она пришла. Он считал, что ей нужно было, чтобы он, как обычно, подбодрил ее, и Карл не хотел отказывать себе в этом.

Он принял озабоченный вид, что было не трудно. Другие, поняв намек, приготовились откланяться. Король поблагодарил всех и пригласил Мэри пойти с ним и взглянуть на его новое приобретение.

— От полотен Гольбейна исходит неземной покой, — проговорил он, подхватив ее под локоть и направляясь с ней к двери. — Я его еще не повесил, он... в комнате.

Мэри пошла с ним, опираясь на его руку и кивнув через плечо толпе придворных. Она, как всегда, ослепительно всем улыбнулась. Карл знал, что в ее улыбке нет и тени самодовольства фаворита, она была подобна подарку, который принимают с благодарностью.

— Это портрет? — поинтересовалась Мэри, когда они шли вдоль первой галереи.

— Нет, в этом-то и очарование картины.

Когда король разговаривал с Мэри о вещах, которые нравились им обоим, его заикание редко мешало ему.

— Это набросок маслом, который Гольбейн, должно быть, сделал в юности. Простая сценка у окна. Вы почти чувствуете, как он опирается о подоконник, держа кисть в одной руке, а кубок с вином — в другой. Картина доставляет редкое наслаждение. От нее веет удивительным спокойствием и миром. Я сегодня смо-

трел на нее десять раз, это было похоже на то, как будто бы я выходил в сад.

Когда Мэри увидела картину сама, она замолчала. Полотно лежало на большом инкрустированном столе рядом с высокими окнами, но не настолько близко к ним, чтобы блеклый зимний свет мог повредить ей. Она склонилась над картиной, ее руки двинулись вдоль позолоченной рамы, исследуя медленными, легкими, поглаживающими движениями. Наконец она произнесла:

— Вы правы. Посмотрите на эту тропинку, которая исчезает вдаль, она, должно быть, ведет в рай, который находится вне поля нашего зрения.

Мэри подняла голову, дразнящая искорка зажглась в ее глазах. Ее пальцы все еще поглаживали раму.

— Она не подписана. Сир, сюжет не похож на его обычные... вы уверены...

— Что это Гольбейн? — он улыбнулся. — Я думаю, что я знаю Гольбейна, мадам.

— А где вы ее повесите? Вероятно, там, где вы сможете ее увидеть при первом же луче дневного света вместо того, чтобы идти несколько акров, чтобы взглянуть на нее.

— Усилия того стоят, я не желаю вешать ее на стену так скоро.

Мэри снова посмотрела вниз. Медленно оторвала свои руки от рамы и сжала их на груди поверх своего сверкающего платья.

— Она будет жить еще долго, сир. Гораздо дольше, чем мы.

— Вы боитесь, — догадался король.

Она сжала руки еще сильнее.

— Да, — ответила она.

— Вы прибыли с охраной, я надеюсь?

— Конечно, Ричмонд и я всегда во всеоружии.

— Так же, как и весь дворец, — он строго посмотрел на нее. Когда Мэри была девочкой и играла у его колен с маленьким Карлом, строгость короля всегда безотказно действовала на детей. Благодаря этому они чувствовали себя защищенными.

— Сэр Джон Байрон безупречный командир. Он выдержал проверку и доказал, что ему можно доверять. Его мушкетеры не дрогнут, если придется стрелять в толпу. А при необходимости увеличу число людей под его командованием.

Перед тем как ответить, Мэри разжала пальцы и положила руки на стол. Полированная поверхность охладила кончики ее пальцев. Она набралась решимости и произнесла:

— Может быть, парламента следует бояться больше, чем толпы?

Выражение лица короля не изменилось.

— Возможно. Об этом я тоже подумал. Могу вам даже сказать, что завтра я арестую шестерых человек.

— Шестерых?!

— Вы знаете, что уже предъявлено обвинение Джону Пиму и еще нескольким из палаты общин. К этому списку я добавил виконта Мандевилля.

Мэри вздохнула и невидящим взглядом посмотрела на картины, а затем прислонилась к прохладной оконной раме.

— Конечно, они представляют угрозу.

— Угрозу? Я уже привык... к угрозам со всех сторон. Однако этот парламент... то... что они говорят в моем присутствии — это предательство. Нельзя позволять им продолжать вести себя подобным образом.

— По отношению к вам?

— По отношению к Англии. Их привлекут к суду за попытку внести изменения в основные законы и попытку свержения власти. Им уже предъявлены обвинения, одно из них имеет прямое отношение ко мне.

Своей низкой клеветой они поколебали веру народа в своего сюзерена.

Произнося свою язвительную речь, Карл даже не заикался. У Мэри не было сомнений в том, что он отрепетировал её. Как умно с его стороны заявлять, что это парламент поднимает против него народ, а не его собственные действия. Но если рассказать королю о том, как его не любят в Лондоне, то он еще больше укрепитя в своих намерениях. Она попыталась направить разговор немного в другое русло:

— Лондон наводнен слухами. Но вы же не думаете, что та часть страны, которую представляет парламент, настроена вероломно по отношению к вам. Иногда, находясь в этом городе, мне становится страшно, сир, — Мэри улыбнулась, тем самым давая понять, что сама корит себя за это. — Но когда я вижу, как все, от мала до велика, в королевстве преданы моему сюзерену, то перестаю опасаться за спокойствие короля.

Губы Карла чуть заметно дрогнули, и он внимательно посмотрел на нее. Он не мог понять, куда она клонит, поэтому продолжал молчать. Мэри пыталась не дать себя запутать и продолжила:

— Сигналы, посылаемые парламентской фракцией в Лондон, конечно, вызывают опасения. Однако подумайте, что будет, если преданные подданные по всей стране узнают об аресте их представителей.

— Они поймут, что я не потерплю никакого вмешательства с чьей-либо стороны в основу правления, мадам...

Король остановился, глубокая морщина прорезала его лоб. Мэри видела, что он не в состоянии объяснить ей свои действия и, что еще хуже, Карлу не нравилось, что он оказался в таком положении.

— Сир, — наконец произнесла она, — я никогда не могла даже представить, что вы можете пойти на та-

кое. Что подумают члены вашего парламента, если вы завтра поднимете оружие против них? Мне ненавистна даже мысль, что они решат, будто вы боитесь их. Я знаю о вашей безграничной смелости.

Мэри не выдержала, и у нее на глазах выступили слезы.

Карл был тронут, потому что, когда он заговорил, его голос дрожал:

— Поднять оружие? Имея около себя лишь несколько сотен гвардейцев? Я делаю это лишь по необходимости, это мое право, и никто не может опротестовать его. Они возражали против Лунсфорда, несправедливо называя его запальчивым и буйным, я пошел им навстречу и поставил над ним сэра Джона Байрона. — Карл положил свою легкую теплую руку на выступавшее из-под кружевного рукава запястье девушки. — Причина не в моих кавалерах, как они их называют, мы выясним ее завтра. Вы так же, как и мой парламент, узнаете, что слово короля сильнее тысячи вооруженных людей, могущественнее любой армии. Я не поднимаю оружие против них, я выступаю как их сюзерен за стабильное правительство и за соблюдение закона.

Он похлопал Мэри по руке и слегка ущипнул. Девушка смотрела в пол, потому что от слез щипало в глазах, у нее больше не находилось аргументов, но она все еще могла обратиться к его сердцу. Король едва ли осознал, что Мэри пыталась переубедить его, поэтому он хотел просто ее успокоить.

Когда она вернулась домой, то почувствовала себя совсем больной, и слугам пришлось помочь ей лечь в постель. Вернувшись, Ричмонд сразу пришел к ней. С первого же взгляда ей показалось, что он так же бледен, как она.

— Я специально держался подальше, — сказал он. — Поэтому я ничего не слышал. Что случилось?

Мэри покачала головой:

— Мне тяжело говорить, но ты должен знать: мы не выиграли ничего... и ничего не потеряли, все осталось без изменений.

Герцог остался стоять рядом с ней, и был момент, когда она подумала, что он прикоснется к ней рукой, чтобы успокоить. Мэри невольно вздрогнула, ее желудок сжался. Однако в конце концов Ричмонд отвернулся и тихо вышел. Она была благодарна ему за его сдержанность.

Мэри лежала с закрытыми глазами, постепенно ее голова перестала кружиться. Когда она засыпала, то поняла, что в отличие от ее собственных слов изменилось все. С этого момента она ступила на неизведанную тропу — из благодарности и своей глубочайшей признательности к тому, с какой отцовской нежностью Карл после всех ее слов прикоснулся к ее руке. Она знала, что он нужен Англии, и не могла смотреть на то, как он теряет доверие своей страны.

Глава 2

Около полуночи третьего января 1642 года женщина и ребенок, невзирая на комендантский час, шли по широкой немощеной лондонской улице по направлению к городскому дому Роберта Деверо, графа Эссекса*, ранее генерал-лейтенанта английской армии, а теперь лорда-камергера и одного из самых влиятельных пуританских** пэров Англии. Ночь была холодной, на улице дул сильный ветер. Выпавший на новый год снег уже начал таять, и на неровной поверхности улицы появились лужи. Женщина одной рукой крепко держала своего спутника, а другой — плотно прижимала капюшон своего плаща, борясь с ветром. Едва заметные фигуры продолжали свой путь в тени, отбрасываемой домами, которые нависали над ними, как будто морщась от того, что они на-

* Эссекс Роберт Деверо (1591 — 1646 гг.) — один из лидеров пресвитериан в палате лордов; во время гражданской войны был главнокомандующим парламентской армией. Сторонник компромисса.

** Пуритане — английская религиозная секта, сыгравшая большую роль в английской буржуазной революции семнадцатого века. Пуритане отличались суровостью и простотой нравов, они осуждали роскошь, легкомыслие и суетные развлечения знати. Правительство Карла I подвергало пуритан суровым преследованиям. Умеренная часть пуритан называлась пресвитерианами, более радикальная — индепендентами.

рушили тишину богатого квартала после наступления темноты.

Когда люди подошли к дому и постучали в ворота, они слышали, как привратник, ворча, приближается к ним по вымощенному внутреннему двору.

— Кто там?

— Друг, — ответил тихий голос, но он был достаточно громким чтобы его можно было услышать через щель, сквозь которую фонарь отбрасывал слабый свет, не позволявший рассмотреть посетителя. — Здесь женщина и маленькая девочка, сэр. Я думаю, вы можете открыть ворота для таких, как мы.

Возможно, тембр ее голоса или то, что она сказала слово «друг», внушили доверие. Во всяком случае привратник приоткрыл дверь на достаточное расстояние, чтобы впустить их, а затем со звоном закрыл дверь на задвижку и повел их через двор к черному входу, где уже стоял слуга, держа в руках подсвечник с ярко горевшей свечой. Просители оставались закутанными в свою одежду, и привратник мог только видеть блеск глаз женщины, когда слуга спросил:

— По какому делу вы пришли?

— Аудиенция у графа.

Он рассмеялся.

— Что заставляет тебя думать, что он...

— Всего пять минут — я знаю этот дом, я знаю его. В его комнате горит огонь, и он меня примет. Дайте ему это и спросите его.

Привратник вздрогнул, взяв то, что она протянула ему — маленький кусочек бумаги величиной не больше игровой карты, свернутый вдвое. Сверху листок был чистый, а внутри места хватало только для чьей-то подписи или короткого предложения.

— Ну ладно, графу не придется долго читать, — ответил другой слуга. — Давайте это сюда, я передам секретарю, и он решит, что делать, правда, придется

разбудить его сначала. Если уж нам приходится не спать всю эту проклятую ночь, пусть и он к нам присоединяется.

Молодой секретарь, которого буквально вытрянули из постели, пребывал в нерешительности. Возможно, женщина не представляет из себя ничего особенного, как говорят эти дураки внизу, но они внимательно не рассмотрели ее. Однако странно, что она с ребенком. А что, если все намного сложнее и она не простая нищенка? Вдруг ее дело настолько щекотливо, что граф предпочтет поговорить с ней лично? Лучше все-таки передать ему бумагу и выслушать распоряжения.

Граф Эссекс был одет в рубашку, оленьи бриджи и тяжелые сапоги с отворотами. Он сидел, опустив подбородок на руки и выставив свою рыжеватую козлиную бородку к огню. В этой позе он находился уже пару часов. Если бы не белые кружевные чулки, заметные поверх отворотов сапог, которым свет от камина придавал розоватый оттенок, его можно было бы принять за одного из его аркебузьеров на отдыхе.

— Ну? — спросил он у почтительно приблизившегося секретаря и поднял глаза.

Секретарь никогда не мог отделаться от мысли, что он находится на военном параде, когда хозяин обращался к нему. У Эссекса было крепкое телосложение и крупная голова. Его жидкие светлые волосы не скрывали квадратный лоб, короткие локоны по обе стороны лица обрамляли румяные щеки, а его усы образовывали широкую горизонтальную линию. Секретарь ясно и коротко доложил о деле, с мужеством перенесся раздражение, а затем и гнев графа.

— Я едва могу поверить своим ушам. Что за ерунду ты пытаешься всучить джентльмену посреди ночи? Дай мне бумагу.

Граф развернул ее, взглянул при свете огня, и его рыжеватые усы от изумления вздрогнули, затем наступило смущенное молчание, более долгое, чем ожидал секретарь. Наконец граф велел ему привести женщину и ребенка, после чего он должен был закрыть дверь и остаться неподалеку в ожидании распоряжений.

Эссекс, оставшись один, снова внимательно осмотрел бумагу. На ней не было ничего, кроме искусного наброска бабочки, сделанного тонким красным мелом. Может быть, к нему подослали эту женщину, чтобы подшутить над ним? Его щеки загорелись гневом. Женщина, держащая за руку ребенка... Если это насмешка его недругов, то она заплатит за нее, и не только она, но и те, кто подослал ее. Однако будет разумнее не вышвыривать ее сразу, а сначала все разузнать.

Бабочка. Ключ к разгадке? Он покачал головой — невозможно. Он знал только одну женщину, которую называли бабочкой, и то только самые близкие друзья, к которым он, уж конечно, не принадлежал. Это была герцогиня Ричмонд, она-то уж, конечно, не станет в темноте красться по улицам, как нищенка. К тому же самой последней дверью, к которой она подойдет, будет его.

Когда они вошли, не произнося ни слова, граф поднялся и очень холодно посмотрел на них. Как только дверь закрылась, ребенок забился в самый дальний угол и сел, обхватив руками колени. Женщина, подобно ведьме, продолжала стоять в капюшоне, надвинутом на лицо, а ее невидимые руки, в которых, по всей вероятности, не было оружия, трепетали под ее накидкой. Графа поразило, что она прислушивается, как шаги секретаря отдаляются от двери.

— Достаточно этой шарады, раздевайтесь.

Женщина послушалась, отбросив накидку одним движением так, что та чуть было не упала на стол пе-

ред ней, но была подхвачена белой рукой. Она дрожала, но в ее глазах читался вызов.

На мгновение он был поражен, как будто увидел призрак, потому что бледное лицо женщины и плечи резко выделялись из глубоких тонов деревянной отделки позади ее головы и ее роскошного черного платья. Затем граф узнал ее. Герцогиня Ричмонд.

Он еще не оправился от потрясения, когда темно-голубые глаза зажгли искоркой иронии и она сказала:

— Благодарю вас, что приняли меня.

Граф знал ее легкий приятный голос, но сегодня ночью он звучал слабо и тихо, как будто она находилась на пороге истощения.

— Миледи, вы удивляете меня, — он шагнул вперед и указал жестом на стул. — Присядьте поближе к огню, позвольте мне помочь вам.

Он взял накидку и неуклюже повесил ее на кожаную спинку стула, пока герцогиня садилась, затем спросил:

— Вы пришли ночью одна?

Она повернула голову, но вместо того, чтобы ответить, обратилась к фигурке в углу.

— Энн, подвинься поближе к огню, если ты замерзла.

Девочка покачала головой, и от этого стало заметно ее квадратное, нахмуренное лицо, что заставило графа Эссекса снова вздрогнуть от удивления. Это был не ребенок, а карлица. Герцогиня улыбнулась, заметив его беспомощный взгляд, кивнула сжавшейся в углу фигурке, а затем повернула голову к Эссексу.

— Я не одна, как вы видите, с миссис Гибсон. Если со мной что-нибудь случится по дороге, она может побежать домой и рассказать всем. Никто не знает о моем отсутствии. Только миссис Гибсон, но ей можно доверять.

Граф тяжело опустился на свой стул, затем снова поднялся.

— Я ничего вам не предложил. Позвольте мне...

— Спасибо, я не надолго. Я хотела бы с вами поговорить.

— Все-таки немного вина. Я настаиваю.

Он подошел к буфету и налил вина, графин звякнул о тонкий ободок бокала.

Мэри сделала маленький глоток, все еще дрожа и глядя на огонь. Ему показалось, что платье, расшитое серебром и черным янтарем, заискрилось, когда он наклонился и поднял с пола нарисованную бабочку.

Она взглянула на него, когда он сел.

— Прошу простить меня за вторжение, но вы все поймете, когда услышите, что я хочу сказать.

Но прежде чем начать, герцогиня выпила еще вина. По тому, как она глотала вино и выпрямлялась, кладя руку на талию и слегка сгибая пальцы, он видел, что она пытается унять дрожь.

Наконец Мэри заговорила:

— Вы патрон Джона Пима, — имя упало, как нечто холодное и резкое в тепло комнаты, и граф отпрянул. — Она продолжила: — Говорят, что завтра, когда его величество прибудет в Вестминстер, он сразу же арестует Пима, Холла, Строуда, Гембдона и Гезельрига. Виконту Мандевилю также предъявят обвинение. У меня нет сведений, когда или где его арестуют.

Граф, как и она, заставлял себя оставаться неподвижным и вдруг почувствовал, что затаил дыхание. Шумно вздохнув, он спросил:

— Почему вы говорите мне это?

— Потому что в ваших интересах или в интересах Джона Пима, чтобы он и четверо других не были в парламенте завтра днем.

Она поднялась, подошла к буфету и поставила туда бокал. Эссекс внимательно следил за ней.

— Однако почему вы сообщили об этом мне?

— Так подсказывает мне совесть.

Граф встал, карлица в углу испуганно подпрыгнула.

— Простите меня, ваша милость, но вы не могли прийти сюда тайно в такой час, рискуя быть разоблаченной рассказав мне о своих намерениях.

Мэри задумалась на несколько минут, потом осторожно произнесла:

— Милорд Эссекс, вы верный и честный слуга его величества. Я также являюсь его верноподданной и останусь ею на всю жизнь. Это мой долг. Я полагаю, что если мой король, — ее голос на минуту дрогнул, но затем она справилась со своею слабостью. — Что если его величество отправит членов парламента в Тауэр, не дожидаясь решения лордов, он может потерять доверие своих подданных, — в ее глазах снова появился вызов. — А он этого не заслуживает. Я хотела бы, чтобы люди по-прежнему верили ему, как вы и я, и его честь оставалась незапятнанной.

— Никто не знает, что вы здесь?

— Я пришла сюда по своей воле. Это выбор моей совести.

— Со временем вы можете обнаружить, что это очень тяжелая ноша, и пожалеете, что взвалили ее на себя.

— Никогда.

Эссекс поверил ей, потому что знал, что Бэкингеми и Стюарты, ее не заслуживающие доверия и неискренние семьи, никогда не сделали бы ничего подобного.

Мэри кивком подозвала карлицу и холодно сказала:

— Конечно, я понимаю, что, возможно, в этой беседе и не было необходимости. Потому что, если вы уже знали об арестах, мой визит бесцелен. — Она заглянула ему прямо в глаза. — Будем считать, что его не было.

Граф отдал ей дань восхищения, воспользовавшись ее намеком. Он спокойно проговорил:

— Да, я уже знал. По поводу остального не беспокойтесь, — затем он шагнул к камину и бросил клочок бумаги прямо в пламя. Огонь тут же подхватил его, скрутил, и бумага на их глазах превратилась в пепел.

Эссекс вернулся к герцогине, но она уже набросила на себя накидку, завернулась в нее и взяла карлицу за руку.

— Миледи, я не могу позволить вам возвращаться одной.

— Вы приняли меня, и за это я вам благодарна. Теперь я должна идти.

Граф позволил ей уйти, наказав секретарю не докучать ей и не давать никаких подаваний, она и так уже выпросила достаточно.

Когда герцогиня ушла, Эссексу с трудом верилось, что она была здесь. Это походило на сон, которым забываешься после долгих бессонных ночей. Он понимал, что сегодня ему также не удастся уснуть.

До того как сделать то, что собирался, граф еще немного посидел, глядя в огонь. Бабочка. Она была готова подпалить свои крылышки, причем не ради себя или Ричмонда. Он увидел смелость в той, у которой раньше замечал только изысканную природную красоту, быстрый ум и слабости, даваемые ей привилегиями, роскошью и королевской снисходительностью. Эссекс хотел бы знать, известно ли кому-нибудь еще, что герцогиня Ричмонд совсем не такая легкомысленная, какой ее считали.

Когда на следующий день Карл пошел в Вестминстер, он захватил с собой старшего брата принца Руперта, который являлся наследником Рейнского Палатината, если только когда-нибудь удастся вырвать его из рук Австрии. Принц Карл-Луи был подходящим компаньоном для того, чтобы продемонстрировать силу перед парламентом. Представительный и с врожденным достоинством, он уже некоторое

время находился при дворе своего дяди как наглядный пример непрекращающейся привязанности королевы Богемии к ее брату королю. Люди принимали его так же хорошо, как и саму Элизабет, образ которой всегда хранили в своих сердцах, несмотря на то, что она не была в Англии.

Карл-Луи предложил проделать этот короткий путь на лошадях. Это позабавило Карла, так как он сразу понял, что таким образом его племянник тактично намекает на небольшой рост короля. В действительности Карл никогда не беспокоился из-за этого, потому что монарх ростом в пять футов и четыре дюйма все же остается монархом, и если что-то волшебным образом может изменить его жизнь в этот момент, то это будет, конечно же, не рост.

Король взял с собой Карла-Луи для важной цели. Это был намек на поддержку за границей, которую король может получить, если парламент будет продолжать высказывать свои жалобы, а не согласится дать ему средства, необходимые для того, чтобы усилить английскую армию. После того как Карл правил без парламента одиннадцать лет, а затем созвал и распустил предыдущий в прошлом году, то нынешний парламент он собрал именно для этой цели. И если они не обеспечат войска, созданные для того, чтобы удержат^{*} мятежных шотландских ковенантеров от границы, им следует ожидать, что король бу-

* В ответ на попытку архиепископа Лода, преследовавшего цель заменить пресвитерианское церковное устройство, утвердившееся в Шотландии в результате реформации англиканским, и ввести в 1637 г. в Шотландии англиканскую литургию, шотландские пресвитериане заключили религиозный союз — «национальный ковенант» — и взялись за оружие. Именно в Шотландии в ходе начавшейся англо-шотландской войны 1639 — 1640 гг. был нанесен первый серьезный удар английскому абсолютизму. Впоследствии шотландские ковенантеры сыграли большую роль в победоносном для парламента развитии военных операций в первой гражданской войне в самой Англии.

дет искать помощи извне. Конечно, члены парламента постоянно распространяют слухи, что он собирается привести армию из Шотландии, но Карл не хотел так делать. Это значило в открытую бросить вызов, и прибегнуть к этому следовало лишь в крайнем случае.

Они с принцем направились в Вестминстер в сопровождении вооруженной королевской гвардии из трехсот человек. Карл накануне предусмотрительно отправил послание лорду-мэру тем самым давая понять, что не позволит городской милиции охранять парламент, но ожидает, что те откроют огонь против бунтовщиков в случае, если они появятся. Толпа, однако, им не помешала. Королю сообщили, что Пим, Гембден, Холл, Строуд и Гезельриг утром находились на своих местах в парламенте. Итак, его ожидала победа.

Карл оставил большую часть своего эскорта на улице и провел в вестибюль лишь восемьдесят человек, вооруженных пистолетами и шпагами, чтобы намеренно показать парламентариям на серьезность ситуации. Они могли видеть гвардейцев через открытые двери. Наконец-то справедливость должна была восторжествовать.

Однако, когда король с суровым выражением на лице вошел в парламент, он внезапно почувствовал охватившую его горечь. Это длинная с высокими потолками комната была свидетельницей многих сцен, причинивших ему боль. В этот момент Карл думал только о том, как его здесь унижали. Вместе с племянником он медленно прошел к месту спикера и вместо того, чтобы искать лица мятежных членов парламента в толпе, обнаружил, что пересчитывает отвратительные факты недавнего прошлого. День, когда Пим заявил перед палатой общин, что король собирается привести армию из Франции, нанятую семьей

Генриетты-Марии^{*}. Закон, который они приняли в его присутствии, осуждавший на смерть Страффорда^{**}, лорда-лейтенанта, которому он доверил Ирландию. Акты об отмене «Звездной Палаты»^{***}, которые парламентарии заставили его подписать, и суды «Высокой комиссии»^{****}. Их триумф, когда был принят декрет о том, что парламент не может быть распущен без их согласия.

Зимний свет, падавший из огромных окон, выходящих на берег реки, слепил глаза короля, когда он поднимался по ступеням. Он повернулся, сел и расправил свою подбитую горностаем мантию так, чтобы она спадала с колен в то время, как Карл-Луи оставался стоять внизу.

Над Карлом возвышалась огромная спинка кресла, которая, как он всегда думал, была украшена, подобно городским часам, позолоченным львом и единорогом, поддерживающими королевский герб. Под креслом спикера находилась обширная деревянная платформа, которая занимала всю середину комнаты. Единственными предметами мебели на ней бы-

* Дочь французского короля Генриха IV и сестра французского короля Людовика XIII.

** Томас Уэнтворт, лорд Страффорд (1593—1641 гг.) — ближайший советник Карла I. Первоначально был в парламентской оппозиции, но впоследствии перешел на сторону короля и стал ярким сторонником абсолютизма. В 1640 г. советовал Карлу I арестовать Пима и других парламентских лидеров по обвинению в государственной измене. Парламент объявил Страффорда вне закона, и под давлением народных демонстраций король был вынужден подписать смертный приговор своему любимцу. 12 мая 1641 г. Страффорд был казнен.

*** Следственный судебный орган, получивший название от одного из залов королевского дворца, потолок которого был украшен звездами. Палата выносила жестокие приговоры противникам короля. Уничтожена актом, принятым парламентом в 1641 г.

**** Суд «Высокой комиссии» был создан лордом Страффордом с целью добиться единообразия веры по английскому образцу. Занимался не столько насаждением протестантизма, сколько взиманием штрафов с католиков, чтобы пополнить лондонскую казну.

ли стол и стулья, на которых располагались протоколисты, сидевшие спиной к нему. Где-то в конце король увидел поднятый жезл в знак подтверждения его присутствия в парламенте, а вокруг платформы — обычный сбивавший с толку парад колен, потому что здание было переполнено и люди сидели вплотную. Те, кто расположился в центре, находились близко к платформе и внимательно следили за ним.

Карл заговорил медленно и величественно, он даже не заикался. Одновременно король оглядывал комнату, останавливая взгляд то там, то здесь, пытаясь отыскать изменщиков. Но никого из них так и не увидел. Карл решил, что пришло время назвать их по именам.

— Я вызываю Джона Пима. Позвольте ему пройти вперед.

Молчание.

— Я вызываю Дензела Голла. Позвольте ему пройти вперед.

Молчание. Ни движения, ни шепота. Люди даже не повернулись друг к другу, чтобы выразить удивление или обменяться репликами. Пятерых не было.

Такого не могло быть. Их обязаны передать ему. Карл испытал горечь, к горлу подкатил ком, и он произнес немного громче:

— Мистер спикер, приказываю вам сказать, где члены парламента, которых я назвал.

По рядам пробежал шепот. Уильям Лентел послушно прошел вперед. Когда он опустил на одно колено, снова наступила тишина.

— Ваше величество, я не могу сказать этого. Я говорю не от себя. Я всего лишь выражаю мнение парламента, чьим слугой я здесь являюсь.

Карлу потребовалась минута, чтобы поверить в то, что он услышал. Он вскочил на ноги, затем, чтобы не упасть со ступенек, обеими руками схватился за

тяжелые ручки кресла. Он кричал что-то невразумительное, слова, которые он даже сам не понимал, пока Лентел продолжал извиняться.

Карл спустился, весь его гнев вылился на голову спикера. Его взгляд какое-то время блуждал по переполненному залу. Затем, пошатываясь, он вышел. У Карла было такое чувство, что он промаршировал сотни миль, голова буквально раскалывалась, а на языке вертелись проклятия, которые он посылал на их предательские головы.

— Привилегия! Привилегия! — кричали все, пока он шел, все без исключения стучали кулаками по столам и топали ногами.

Карл медленно шел позади своих кавалеров, когда он вышел через широкие двери, дневной свет ослепил его. Он закрыл глаза.

Они все были, как один, и этот один был его врагом.

Глава 3

Скалы Дувра манили, принц Руперт, прислонясь к перилам, в одиночестве стоял на носу корабля и с нетерпением ждал, когда неуклюжая посудина приблизится к ним. Покинув берег Голландии, он провел несколько часов, обсуждая с офицерами и моряками, какие неполадки появились в корпусе «Экспедиции», и как можно исправить их, но в конце концов ему пришлось смириться с неспешным путешествием, совсем не похожим на его стремительное прибытие из Вены после заключения, когда он прибыл в Гаагу в тот же день, после того как курьер принес новости о его освобождении. Руперт улыбнулся про себя, вспомнив об изумлении, которое читалось на лицах людей при маленьком дворе своей матери.

Подобного удивления у короля Карла он не вызовет, но встреча тут будет более помпезной. Будь его воля, он бы тут же сел на лошадь и помчался в Уайтхолл, но, вероятнее всего, придется присутствовать на каком-нибудь нелепом приеме в Дувре, на который его позовут, а местные аристократы и мэр захотят узнать о его путешествии. Зато после он сможет помчаться к королю своим любимым аллюром.

От нетерпения у него в голове мелькали четкие и ясные картины двора его дяди. Руперт хотел войти

в Уайтхолл, или Гемптон-Корт, или в Виндзор и ощутить уникальную атмосферу, которая опустится на его плечи, подобно элегантному легкому, как перо, плащу. Его всегда хорошо принимали в семье дяди. Это трогало до глубины души еще тогда, когда он жил среди них. В то время все цвело. Они целыми днями скакали с Карлом по сельской местности. Карл был единственным человеком из тех, которых он знал, кто любил охоту еще больше, чем он. Долгие приятные часы он проводил, гуляя по дворцам и паркам, всегда с кем-то, что доставляло ему огромное удовольствие. Ему не нужно было делать ничего, чтобы нравиться, его принимали всюду, и он наслаждался этим теплым, утонченным окружением. Руперт придумывал игры в саду для своих кузенов, детей короля, он был своим для остроумной, относившейся к нему с дразнящей снисходительностью Генриетты-Марии и ее кокеток, и во всех кругах, где вращались умные, культурные женщины. Нигде больше он не смог бы получить такого образования, впитывая как губка лучшее из английских привычек, манер, искусства и умения вести светскую беседу.

Руперт подумал об этом с ностальгией, так как знал, что больше подобного не будет. Несколько дней очаровательного ничегонеделанья — это все, что он может себе позволить. Сейчас было совсем не то время, чтобы просить у Карла помощи, чтобы снова заполучить Палатинат или на какие-либо другие цели. Карл уже итак много сделал, убедив императора Священной Римской империи освободить Руперта после трех лет, которые он провел в тюрьме как военнопленный. Он явился сюда не с протянутой рукой, а чтобы поблагодарить. Он насладится искренним общением, а затем помчится по стране, чтобы собрать самую лучшую армию, которая когда-либо была у Англии.

Руперт направился в Дувр, потому что, когда они подошли к Мергейту, капитан корабля узнал, что король покинул Лондон и отправился на юго-восток. Эти известия смутили Руперта, и он надеялся, что в Дувре его не ждут никакие неприятные сюрпризы, и оттуда он двинется в глубь страны на встречу с Карлом. Они плыли без препятствий, ветер дул в нужном направлении, капитан без хлопот привел их в гавань, и они уже находились достаточно близко от берега, чтобы Руперт смог различить королевский штандарт, реющий на одной из самых высоких башен Дуврского замка *. Руперт находился с офицерами на палубе. Когда он посмотрел через подзорную трубу и поморщился, все вопросительно посмотрели на него. В какой-то момент принц подумал, что король мог послать маленького Карла, принца Уэльского, с торжественным эскортом, чтобы приветствовать его, но затем он отбросил эту мысль. Штандарт мог означать только то, что в замке находится король или королева. Для короля покинуть Лондон время было самым неподходящим, потому что, насколько знал Руперт, сессия парламента еще продолжалась, и по последним новостям, которые он получил, парламент так еще и не дал Карлу денег на армию. Он опустил подзорную трубу. Несмотря на радостные взгляды своего эскорта, у Руперта появилось плохое предчувствие, которое он попытался отогнать, когда спускался вниз, чтобы сменить одежду. В гавани собралась огромная толпа, ожидавшая, когда корабль пришвартуется. Когда спустили сходни, Руперт различил, как люди расступаются, чтобы пропустить встречавшую его кавалькаду. Перед ним появилась

* Королевский штандарт — огромное знамя с изображением королевских гербов по четырем углам с короной в центре и указующим «с неба» перстом: «воздайте кесарю должное ему».

группа богато одетых придворных, окруженных отрядом гвардейцев. Группа состояла из одних мужчин, но впереди, по каменным плитам гавани, изящно ступала золотоволосая леди, поддерживая рукой в перчатке свою юбку, чтобы не испачкать ее грязью. Она подняла глаза, когда мужчина рядом с ней сделал знак, и группа остановилась.

Руперт заметил ее голубые глаза оттенка морской волны и через секунду узнал и джентльмена рядом с ней.

Его, конечно же, пришли встречать Стюарты — герцог и герцогиня Ричмонд.

Он спустился по сходням. В толпе раздались приветственные крики, которые заставили его ухмылянуться, что вызвало еще больше радостных возгласов. Ричмонд продолжал держаться официально, остальные по порядку расположились позади него. Впереди на морском бризе развевались флаги, а в небольшом отдалении от них, за головами толпы, Руперт мог видеть группу взнузданных и оседланных лошадей, ожидавших их.

Герцог и герцогиня поклонились, и Руперт протянул свои руки, приветствуя каждого из них.

Герцог был таким, каким он помнил его: среднего роста, широкоплечим, с красивыми, правильными чертами лица. Несмотря на шум, Руперту не пришлось даже напрягаться, чтобы услышать его приятный голос:

— Ваше королевское высочество, принц Руперт Богемский, граф Рейнского Палатината. Его величество Карл, король Англии и Шотландии, очень рад вашему приезду. Как лорд — начальник пяти портов и констебль Дуврского замка, я имею поручение передать вам, насколько король рад видеть вас в Англии. Он предписывает своим подданным, которым вы оказали честь своим августейшим визитом, пора-

довав все королевство, выказывать вам полагающееся уважение, и не сомневается, что вы вызовете восхищение всех верных ему людей.

Из толпы снова раздались приветственные возгласы, и герцог произнес уже менее официальным тоном:

— Я полагаю, что ваше высочество чувствует себя хорошо, и путешествие было безопасным. Как вы перенесли плавание?

— Хорошо, благодарю вас. Его величество в Дувре?

— Король и королева со свитой остановились в замке. Для меня большая честь сопровождать к ним ваше высочество.

— Почему Дувр?

Видя, что ее муж предпочел проигнорировать этот резкий вопрос, герцогиня ответила:

— Двор покинул Уайтхолл, мы выехали из Лондона десятого числа прошлого месяца и провели некоторое время в Гемптоне, затем сели на корабль в Гринвиче, чтобы приплыть сюда.

Руперт посмотрел на нее, но ничего не ответил. На прекрасном лице герцогини появилось выражение легкого отвращения, и он не мог сказать, относится ли это к нему или к переезду из Уайтхолла.

— Его величество, — продолжил герцог, — с нетерпением ожидает вас, чтобы сообщить о всех своих заботах.

Позади герцога произошло какое-то движение, и он повернулся, махнув рукой своему эскорту.

— Его величеству доставит также удовольствие вручить вам этот подарок, и он надеется, что подарок придется по сердцу его прославленному племяннику.

Придворные расступились, чтобы дать дорогу двум грумам и сильной черной лошади в очень дорогой сбруе. Она гарцевала по направлению к нему, сту-

ча своими блестящими подковами по каменным плитам. Руперт окинул взглядом животное. Это был жеребец точно такого роста и веса, которые подходили для него, с крупной шеей и сильными крепкими ногами. Конь устоялся на него темными, блестящими глазами, как будто тоже в свою очередь оценивал его. Руперт тихонько цокнул, и лошадь потянулась к нему носом, отчего один из грумов, державших поводья, споткнулся.

Руперт кивком приказал груму отойти в сторону, подошел к коню, взял поводья, затем махнул своей шляпой, приветствуя толпу. Длинные перья по краям его шляпы коснулись блестящей гривы жеребца. Тот моргнул и притих.

— Я благодарю его величество за этот великолепный подарок. Всемогуший бог призвал меня служить моему дяде Карлу, королю Англии и Шотландии. Где бы я ни поднял мое оружие, я сделаю это во благо короля и его верных подданных.

После этого раздался оглушительный рев приветствующей его толпы.

Когда Руперт снова посмотрел в глаза герцогини, отвращения на ее лице не было, оно стало открытым и приветливым, глаза были такими же светлыми и чистыми, как ее великолепная кожа. Принц жестом предложил паре отойти и пропустить его, чтобы избежать несчастного случая, который мог спровоцировать жеребец. А затем пошел за ними через расступившуюся толпу, приветствуя тех, кого он помнил. Знакомых было так много, что это даже озадачило его. Что они делают в Дувре?

Потом все взобрались на лошадей, и процессия двинулась по улицам, охраняемая гвардейцами, которые были вооружены алебардами и, как он заметил, еще и пистолетами. Руперт находился во главе процессии и ехал между герцогом и герцогиней. До-

рога была шумной, и они не всегда успевали за ним, поэтому разговаривать было сложно, иначе он мог бы задать много вопросов герцогине, которая, по всей видимости, достаточно охотно ответила бы на них.

Руперту был симпатичен Ричмонд, но в свой последний приезд ко двору Карла он провел совсем мало времени в компании четырнадцатилетней Мэри Вилльерс. И очень хотел наверстать упущенное. Но он до сих пор помнил, как тщеславный отец Мэри герцог Бэкингем во время одного из посольств ко двору Елизаветы Богемской дерзко предложил, чтобы его дочь вступила в брак со старшим братом Руперта, наследником Палатината. Мать Руперта, хотя и отвечала в своей снисходительной манере на очаровательные ухаживания Бэкингема, не раздумывала над предложением и секунды. Руперт предполагал, что Мэри Вилльерс знала о чрезвычайной самонадеянности герцога, и, смущаясь из-за этого, он избегал ее всеми возможными способами. Затем его задело ее отношение к нему. Руперт наделал немало шума, когда в первый раз приехал, и некоторые из очень молодых леди чувствовали себя вправе дразнить его так, как они могли бы вести себя по отношению к своему животному, которое безрассудно любили. Он, конечно же, не возражал, но ему показалось, что в умном взгляде Мэри Вилльерс он замечает некую насмешку, которую до этого никогда не видел.

Время прошло, однако женщина, искусно скакавшая рядом с ним, не имела ни власти, ни расположения, чтобы причинить ему неудобство. Вместо этого она глядела на прохожих на улицах, и иногда Руперт замечал на ее лице улыбку, такую сияющую, что она превращала ее темную фигуру, одетую в пурпурный верховой костюм, отделанный соболем, в золотое со-

здание, чьи волосы и лицо напоминали королеву на старинной фреске. Она поразила его, но не так, как раньше. Теперь она была замужем, она стала настоящей женщиной, он мог находиться рядом с ней, не думая, что кто-то предположит, будто он желает свататься к ней или произвести на нее впечатление. Ее близость искушала его, и Руперт поддался этому, совсем не думая об опасности. Когда они проехали дорогу и, свернув к замку, оставили зрителей позади, он наклонился к ней и спросил:

— Вы довольны Дувром, мадам?

— Я ненавижу его, — при этом пылком восклицании улыбка исчезла с ее лица, и она прикусила губу.

Удивленный, Руперт наблюдал, как Мэри пытается не потерять над собой контроль. Затем она произнесла:

— Прошу извинить меня, ваше высочество, скоро вы поймете, что я имею в виду, а если же нет, тогда окажите мне милость забыть о том, что я только что сказала.

— Сомневаюсь, что смогу. Можно мы поговорим об этом позже?

Наступила долгая пауза, во время которой он смотрел на ее лицо. Затем, не говоря ни слова, герцогиня неохотно наклонила голову в знак согласия. Дальше они поехали молча.

Со своим мужем, герцогом Ричмондом, который также являлся констеблем замка, Мэри присутствовала на аудиенции, которую Карл и Генриетта-Мария давали принцу Руперту в большом зале. Встреча была эмоциональной. Принц упал на одно колено перед ними, но король и королева со слезами на гла-

зах тут же подняли его и заключили в объятия. Как на это отреагировал принц Руперт, Мэри вначале не видела. Когда он наклонился к королю и королеве, его лицо было скрыто волосами, которые достигали ему до плеч. К тому же она не осмеливалась долго смотреть на него, чтобы никто не заметил выражения ее лица.

Мэри странно почувствовала себя, как только он сошел с корабля. Все ее самообладание куда-то исчезло. Это было похоже на то, как если бы она залпом выпила бокал вина. Она не ощущала ничего подобного в присутствии других мужчин. Никто и никогда не производил на нее такого впечатления, поэтому она никак не могла смириться с этим.

Ей удалось скрыть все от мужа и от принца, но она не могла преодолеть волнение. В Дувре, когда Руперт стоял перед ней или скакал рядом, Мэри практически теряла дар речи. Но всегда, когда он обращался к ней, старалась отвечать сразу же, не медля ни секунды.

Аудиенции у Карла всегда проходили холодно и носили сугубо официальный характер. И когда он принимал у себя делегации, то предполагалось, что лишь он один будет сидеть. Когда наступала очередь визитера говорить, тот становился на одно колено перед королем и поднимался, когда заканчивал свою речь. Однако на этот раз встреча была семейная. Король, королева и их племянник сели и начали оживленно беседовать.

Мэри тронуло, как маленький темноволосый король и королева с любовью и доверием взирали на принца. Она старалась не смотреть на Руперта, потому что его высокая фигура, широкие прямые плечи, его поза все сильнее околдовывали ее. Изысканная одежда, явно заботливо выбранная, но носимая с легкой небрежностью, подчеркивала его природную

стать. Длинная, красивой формы рука, которую он протянул ей, когда они встретились, не была унижена кольцами. Руперт вообще не носил драгоценностей, он не старался произвести впечатление, он был таким, какой есть, — путешественником, вернувшимся в дружественный порт, принцем-солдатом, помощи которого ждал король. Принц находился здесь, и Мэри следовало бы воспринимать его как раньше: как того приятного молодого человека, которого она знала несколько лет назад, и чью красоту и очарование она осознанно старалась не замечать, потому что многие дамы уж очень явно оказывали ему знаки внимания.

Сначала разговор шел о семье, о матери Руперта Элизабет, о его братьях и сестрах, о детях Стюартов, о том, как они живут и кто за ними приглядывает. Его глубокий голос звучал искренне, а ответы были прямыми и почтительными. Принц стал говорить с более сильным немецким акцентом, чем раньше, и она была удивлена этому. Кроме языка своего отца и матери, он с детства общался на французском, а также на голландском, испанском и итальянском, и Мэри припомнила, что раньше его английский был немного чище. Сегодня этот акцент придавал его речи торжественность, что раньше вызвало бы у нее лавину остроумных замечаний и заставило бы повеселиться от души. Мэри успокаивала себя, что вскоре преодолееет свое глупое увлечение принцем и будет способна смеяться над ним снова. Ужасным было то, что у нее не возникало желания разрушать это странное очарование. Оно было слишком новым и затрагивало такие глубины ее души, что не находилось путей избавиться от него.

Тем временем каждую секунду Мэри чувствовала желание принца спросить, почему двор не в Лондо-

не. Карл в своей гостеприимной великодушной манере обрисовал спорные вопросы, возникшие в настоящее время, затем рассказал Руперту об открытом неповиновении парламента и своем решении увезти семью из Уайтхолла.

Когда рассказ дошел до этого места, Мэри уже не могла отвести взгляд. Во-первых, глаза всех не отрывались от говоривших, и никто не наблюдал за ней, даже ее собственный муж. Во-вторых, некоторые из реплик, которыми обменивались собеседники, были похожи на продолжения диалога между нею и принцем по дороге в замок. Она почувствовала, что готова прокричать: «Я говорила вам! Вы видите, что они натворили, вы видите, от чего они отказались».

Когда ситуация была подробно изложена, принц Руперт откинулся в кресле. Он вытянул одну ногу вперед, а руку положил на высокий сапог, ухватив пальцами мягкий отворот высокого сапога. Все его вопросы крутились вокруг одной и той же темы, и Мэри удивлялась, что Карл не замечает этого и упорно отстаивает свое величие.

— Я хотел бы понять, — проговорил принц Руперт. — В первую неделю января хотели предъявить обвинение королеве. Но в чем?

— Низкие сплетни, — громко ответила королева, — будто бы я побуждала католиков поднять восстание в Ирландии.

От негодования слезы вот-вот готовы были показаться у нее на глазах.

Принц кивнул, но посмотрел на Карла.

— Был ли принят билль по поводу обвинения моей дорогой тети?

— Нет. Я предупредил действия парламента, сам предъявив обвинение его мятежным членам.

— Им было предъявлено обвинение?

— Лорды были полны решимости чинить препятствия. Я решил арестовать их.

«А были ли они арестованы?» В голове Мэри этот вопрос звучал как вызов, и она почти видела, что он готов вот-вот сорваться с уст принца.

— Но в полдень, — продолжил Карл, — до того, как я прибыл в парламент, эти пять человек сели в городскую баржу и исчезли. В тот момент, когда я услышал об этом, я понял, что моей семье не безопасно оставаться в Лондоне, пока в нем находится парламент.

Принц выпрямился. Мэри видела, что слова Карла поразили его, как и ее, в тот момент, когда муж пришел сообщить ей, что они должны оставить Уайтхолл, захватив с собой все ценное, что смогут унести, и что старый ансамбль из прекрасных зданий не будет больше дворцом короля. С тех пор все, что находится в нем и вокруг него, перейдет в распоряжение Вестминстера.

— Парламентская сессия продолжилась, когда вы уезжали?

— Да, — ответил король.

Принц Руперт полуприкрыл свои выразительные карие глаза, перед тем как произнести следующую реплику, чтобы никто не мог понять, кому она была адресована.

— Тогда Лондон в их руках.

Официальная аудиенция закончилась. Король увлек принца Руперта в свои апартаменты для личной беседы, после чего принц должен был посетить королеву в ее покоях. Генриетта-Мария отослала своих леди в комнату, которую лейтенант замка меблиро-

вал для нее. В большом зале осталась только одна Мэри. Остальных попросили собраться в другой комнате. Оставшись наедине с королевой, Мэри выслушала, какую бурю чувств вызвал у нее приезд принца. Затем Генриетта-Мария удалилась в спальню, чтобы поблагодарить Бога за то, что принц прибыл целым и невредимым и его приезд вселил новую надежду королю. Мэри осталась одна в роскошной комнате. Это было самое удобное помещение в массивном замке, обставленное самой шикарной мебелью. Занимая высокий пост начальника пяти портов, герцог Ричмонд часто бывал в Дувре в последние годы и обычно останавливался в жилых домах при церкви Святого Иакова вблизи замка. Вскоре он должен был передать свой пост, потому что королю требовалось его постоянное присутствие в совете. Поэтому герцогу пришлось положиться на лейтенанта замка, который готовил комнаты к приезду короля вместе с двором после бегства из Уайтхолла.

Лейтенант уделил особое внимание удобству королевы. Ее главная комната выходила на океан так, что она видела гавань и вдалеке Ла-Манш. Стены покоев королевы были увешаны гобеленами с изображением леса или зеленых ландшафтов, и, стоя у окна, казалось, что ты смотришь на море из леса, раскинувшегося на вершине горы. Гобелены почти полностью закрывали холодные старинные каменные плиты, из которых были сложены стены. Имея это преимущество, Генриетта-Мария могла наблюдать, как утром кавалькада поднимается вверх и проезжает через ворота констебля, чтобы попасть на территорию замка. Внезапно Мэри вдруг захотела, чтобы время повернулось вспять, и она снова медленно ехала к замку, упиваясь близостью мужчины, который скакал рядом, потому что тогда она была

слишком напугана охватившими ее новыми чувствами и заставляла себя смотреть в сторону, притворяясь, что ее интересуют те места, мимо которых они проезжали.

Она, должно быть, удивила принца Руперта, нелестно отозвавшись о Дувре, после того как ее муж упомянул, что он является там констеблем. Конечно же, она возбудила любопытство принца и совсем не была уверена, что ей удастся избежать объяснений.

Королева вскоре вернулась, создалось такое впечатление, что она вовсе и не молилась. В нынешнем кругу она умалчивала о своей религии, и публичные вульгарные обвинения в рьяном католицизме, которые выдвигались против этой впечатлительной и искренней женщины, часто очень сердили Мэри. Королева вышла замуж не для того, чтобы тайно плести интриги против непоколебимого протестанта Карла. О религии она говорила лишь в кругу близких друзей семьи, которые снисходительно относились к ее попыткам склонить их на свою сторону. Мэри могла даже заставить саму королеву смеяться над собой из-за того, что ее попытки не приносят никаких результатов.

Генриетта-Мария пригладила смявшийся атлас своего перламутрового платья, встала и загадочно улыбнулась.

— А теперь, где нам присесть? Тут такое множество стульев, что я никак не могу решить.

Огонь в высоком богато украшенном камине в конце комнаты ярко полыхал, но Мэри знала, что королева не любит чрезмерного тепла.

— Я думаю, что вы выбрали прекрасное место, мадам, оставайтесь там, где вы есть. Стулья за тем столом самого высокого качества. Я полагаю, что дорогой лейтенант велел нести их на руках всю дорогу от корабля.

— Вы правы, они очень изящные.

Королева села лицом к двери и жестом пригласила Мэри присоединиться к ней за маленьким полированным столом с ножками из дуба.

— Я попросила леди подождать в голубой комнате, — продолжила она, — потому что я должна кое-что объяснить вам.

Мэри охватил ужас, что ее реакция на приезд принца Руперта привлекла внимание.

Королева коснулась ее рукой.

— Вы выглядите пораженной, но вы же знаете, что я никогда не попрошу у вас того, что вы не сможете выполнить. Ричмонд великодушно дал свое согласие на ваш отъезд, но я понимаю, что это жертва с вашей стороны, и у вас есть право отказаться.

Мэри прошептала:

— Жертва? Куда я должна ехать?

— Ах, — Генриетта-Мария на минуту коснулась руками своих щек, вид у нее был извиняющийся. — Король и я обсуждали это так долго, что я вообразила, будто все более или менее об этом осведомлены, как это бывает обычно, — произнесла она с улыбкой. Затем она придала своему лицу серьезное выражение. — Король не может жить, постоянно беспокоясь за меня, я не могу находиться в Англии, потому что мое присутствие все время ставят в упрек монарху, и оно представляет опасность для его власти. Ради любви к моему мужу и детям я решила уехать в Европу.

Мэри издала возглас удивления, но Генриетта-Мария снова коснулась ее рукой. Изысканные кружева ее рукава скользнули по поверхности стола.

— Ненадолго, вероятно, но я должна переждать этот кризис. Однако я не буду бездействовать. Мой крестовый поход, — сказала она, и ее выразительные глаза загорелись, — будет состоять в том, чтобы полу-

чить поддержку всех правителей государств, симпатизирующих его величеству. Я вернусь не с пустыми руками.

Она положила обе ладони на стол и вытянула их вперед. Ее глаза сияли.

— Ты поедешь со мной, Молл*? Могу я попросить тебя сопровождать меня в этом большом путешествии? Иначе мне будет одиноко, небо знает, но вы поддержите меня, вдохнете в меня силы.

Мэри с трудом слотнула и положила руку на горло, чтобы сдержать крик. Вот чем заканчивается день приезда принца Руперта! Как только он приехал в Англию, чтобы остаться здесь, ей нужно уезжать. Король, королева и Ричмонд уже все решили, не было никакой надежды на отсрочку приговора. Она заставила себя пробормотать:

— Как вы могли хоть на минуту подумать, мадам, что я смогу отказаться помочь вам в беде.

Королева проницательно посмотрела на нее. Это был совсем не тот ответ, которого она ожидала. Затем она обратилась к чувствам:

— Вы все должны знать, как ранит меня то, что я должна уезжать, — она трагически улыбнулась, — но если я останусь, я спровоцирую парламент.

— Я думаю, что король еще надеется на примирение.

— Да, совершенно верно, поэтому мой отъезд, несмотря на ту боль, которую он мне причиняет, является мудрым решением. Милостью божьей удаление всего провокационного может способствовать примирению короля и парламента. — Королева наклонилась вперед. — Сначала я поплыву в Голландию к королеве Богемии. Мы отправимся к лучшим друзьям. Ты будешь в полной безопасности со мной.

* Молл — уменьш. от Мэри.

Не ожидая ответа, королева встала и протянула руки к Мэри, как будто умоляя или прося благословения.

— Я не буду давить на тебя, я должна позволить тебе обдумать все это и прислушаться к голосу своего сердца.

Не дожидаясь, когда Мэри встанет, она выскользнула из комнаты и закрыла за собой дверь.

— Ох! — Мэри шумно выдохнула. Она встала, задев ногой стул. Когда Мэри пошла к выходу, ее платье зашуршало, касаясь пола, но она слышала только рев огня и пульсирующую в висках кровь. Ее выставили из Уайтхолла и собственного дома, а теперь еще хотят отослать и из этого временного пристанища, отправить ее вместе с королевой в изгнание.

Быстрыми шагами герцогиня Ричмонд пересекла комнату, подошла к гобелену и положила обе ладони на гобелен, прижав зеленые и белые нити к стене. Затем она опустила голову на свои скрещенные руки.

Не было никакой причины, чтобы удалить ее от двора. Мимолетная слабость к принцу Руперту оставалась лишь ее секретом, и было бы безумием даже на секунду показать, что все обстоит иначе. Они делают это безо всякого умысла со своей стороны. Просто герцогиня Ричмонд, королевская статс-дама, должна поддержать королеву и сесть на корабль вместе с ней.

Мэри подошла к окну, удаленному от камина, и встала в его амбразуре, прикрытой коврами, чтобы посмотреть вниз на море. Небо было покрыто тучами, и Франции было не видно. Почему сначала не во Францию? Она знала ответ. Карл опасался изменчивой политики кардинала Ришелье. Если Генриетта-Мария прибудет туда, даже несмотря на то,

что там родилась, она станет в Англии врагом номер один.

Мэри схватилась руками за занавеску. Она пальцами вцепилась в ткань, как будто это был спасательный круг. Мэри склонила голову к плотному материалу, ее лицо все еще было повернуто к подоконнику, но глаза — закрыты. Да, она ненавидела Дувр, потому что это не Лондон, но ей еще более была ненавистна мысль покинуть его сейчас.

Герцогиня Ричмонд услышала, как открылась дверь, но даже не оглянулась и не отошла от окна. Она пыталась взять себя в руки. Затем она услышала громкий стук.

— Cott!*

Мэри повернулась и вздрогнула. Принц Руперт, хлопнув дверь, стоял спиной к Мэри, всем своим весом облокотившись на дверь. Руки у него были подняты на уровне плеч и сжаты в кулаки.

— *Tonnette de Dieu!*** — второе восклицание было менее четким, но более яростным, он пробормотал его сквозь зубы, при этом лицо его исказила такая гримаса, которую Мэри никогда не приходилось наблюдать ни у кого раньше. Руперт не заметил ее, он думал, что комната королевы пуста. Он смотрел перед собой невидящим взглядом, сдвинув брови и поджав губы, при этом его глаза горели дьявольским огнем.

Принц шагнул в комнату, едва осознавая, что делает. Он повернулся спиной к Мэри и оказался вблизи огня на шаг от стула, на котором сидела королева несколько минут назад.

Руперт стоял, не замечая ничего вокруг себя, плечи у него поднимались и опускались, как будто ему

* Господи Боже (нем.).

** Гром и молния (франц.).

приходилось глубоко дышать, пытаясь сдержать гнев. Затем она услышала поток ругательств на французском и немецком, произносимых слишком быстро, чтобы она смогла их понять, и он двинул так ногой, что стул, как метательный снаряд, отлетел и ударился об угол камина.

Раздался грохот, и стул, распавшись на две половинки, упал в огонь. Мэри шагнула из амбразуры окна в комнату, и Руперт инстинктивно обернулся.

Когда она посмотрела на него и увидела его искаженное лицо, по ее телу пробежал озноб. Его ярость и гнев ее не испугали, Мэри не чувствовала страха, вместо них она ощутила презрение. Поле из льда окружило ее и побороло взрыв чувств, которым другой так неблагородно дал выход.

Она произнесла четким, ледяным тоном:

— Это был, ваше высочество, любимый стул королевы.

Принц взглянул на нее. Его глаза все еще горели гневом, затем он промаршировал к камину и поднял более тяжелую часть стула над своими плечами. Она треснула, полетели щепки. Потом он ударил оставшуюся половину стула об угол камина и бросил в огонь, который стал пожирать дерево.

— Теперь это топливо, — сказал он и, подобно вихрю, выскочил вон.

Мэри осталась стоять там, где была, в то время, как холод продолжал сковывать ее тело. Она окаменела, словно превратилась в статую. Даже когда дверь широко открылась и слышались взволнованные вопросы и нервные восклицания, сопровождаемые шелестом юбок, она оставалась спокойной и продолжала смотреть на огонь.

В дверях появилась королева, сопровождаемая своими леди. На всех лицах читалось удивление.

— Bon Dieu *, что здесь произошло?

Мэри указала на камин, и королева подошла, чтобы заглянуть в него.

— Принцу Руперту не понравилась мебель.

Королева вздохнула, шатаясь, сделала шаг и упала на оставшийся стул у стола в центре комнаты. Затем, не выдержав напряжения этого долгого, важного и утомительного дня, она дала волю чувствам и разразилась диким приступом смеха, таким близким к истерике, что остальные столпились и встали на колени вокруг нее.

Мэри смотрела на них, ее лицо ничего не выражало. Она оставалась неподвижной.

* Господь Бог (франц.).

Глава 4

Тремя днями позже, в одиннадцать часов вечера, в пятницу, 20 февраля, герцог Ричмонд постучался в дверь спальни своей жены. Она открыла сразу. Взглянув на ее занавешенную постель, он сразу понял, что она еще и не думает ложиться спать.

Герцог поблагодарил жену и вошел. Его взгляд не отрывался от ее тела, когда он входил в эту теплую комнату. На Мэри была ночная двухслойная рубашка из шелка. Он медленно провел рукой по ее талии и бедру. Это был сигнал, понятный только им двоим.

Перед началом их обычной игры он сказал:

— «Лев» уже почти готов, он отплывает в понедельник. Я должен предупредить вас: в действительности король не надеется снова увидеть королеву.

— Я знаю, — едва слышно сказала она.

— Я хочу, чтобы вы знали, я противился вашему отъезду. Как только мог.

— Милорд, я вернусь.

Герцог знал, что она думает только о дворе, однако в глубине его едва заметно тлела надежда, что Мэри иногда вспоминает и о нем. Как бы то ни было, ее слова прозвучали как обещание, а Мэри всегда сдерживала свои обещания.

Желание, охватившее его, не оставило место предлюдии, которая обычно предшествовала их любовному акту. Он погрузил руки в ее волосы, но не с той импульсивностью, как в свадебную ночь, когда он напугал ее своим быстрым приближением, а с нежностью. Его руки утонули в ее локонах, потом она отодвинулась. У них была привычка разговаривать, пока они кружили по комнате, о вещах, которые он и не помнил после этого. Однако сегодня вечером Мэри была молчалива. Когда она вытянулась на постели и он наклонился над ней, у Ричмонда возникло странное ощущение, что она ищет убежище в тени, которую он бросал на нее.

Их пальцы переплелись. Ричмонд отодвинул ночную рубашку к ее бедрам, и у него возникла мысль, что Мэри хочет удержать его, но вскоре ее руки раскрылись, и она положила их по бокам на одеяло. Затем он видел перед собой лишь ее точеное тело, которого она позволяла ему касаться. Герцог не целовал ее в губы, потому что, какими бы мягкими и нежными они ни были, они никогда не открывались навстречу ему. Он прижимался своим ртом к ее щекам, шее, исследовал нежное углубление над ее ключицей, его руки гладили ее груди. Просторная ночная рубашка, пока он двигался, то прикрывала, то обнажала в его ладонях трепетные соски.

Ричмонд раздвинул ее стройные бедра и потерял голову. Но когда он снова посмотрел на жену, то ему показалось, что ее закрытые глаза и все ее лицо аккомпанировали ему в ритме, который понес их в сильном течении, встряхивая их обоих на своих сильных волнах и доставивших их, тяжело дышащих, к новому незнакомому берегу.

Когда все закончилось, герцог отодвинулся и присел на краю постели. К тому времени, когда он оделся и склонился над ней, опираясь руками на стеганое

одеяло, Мэри оставалась такой же спокойной, как до этого. Он так и не понял, каким было ее путешествие к страстному знакомому месту.

Герцогиня ничего не говорила, глаза у нее были открыты, а руки машинально поправляли ночную рубашку.

Он оглядел свое все еще дрожащее от страсти тело и, не подумав, сказал:

— А как было между тобой и Гербертом?

Ее руки успокоились, но через минуту она подвинулась и села, прислонившись спиной к валику подушки. Вышитый край ее рубашки скрывал подтянутые колени. В голосе Мэри чувствовалось удивление, но она не выказала ни малейшего желания обороняться.

— Мне было тринадцать, а ему шестнадцать. Мы были несмышленными, нежными детьми. Когда мы поженились, мы были очень бестолковыми и неловкими и смеялись...

Говоря это, она смотрела не на него, а в направлении зеленого гобелена на противоположной стене, как будто обращалась к мужу с лужайки, окруженной мрачными деревьями.

— В течение года это была игра, потом Герберта не стало, и игры закончились.

Сэр Чарльз Герберт, наследник графства Пемброк, умер от оспы в 1637 году. Вскоре после этого Джеймс Ричмонд женился на Мэри — ему тогда было двадцать пять лет. И когда бы он ни задавал вопросы о ее первом муже, она всегда избегала ответов, поэтому Ричмонд прекратил ее об этом спрашивать.

Герцог встал, обошел кровать, удаляясь от света камина, и подошел к окну. Мэри казалась ему такой опытной и утонченной, когда король отдал ему ее в жены, а ее исключительный ум делал ее такой притягательной, что он вообразил, будто получит самые

изысканные удовольствия от их первой брачной ночи, что заставило Ричмонда буквально пылать страстью. В этом не было его вины. Глядя на нее теперь, сидящую наискосок от него, он все еще мог видеть на ее лице следы удивления и юношеского пыла, которые радовали ее первого мужа и которые она со своим странным образом невинности привнесла в свой второй брак. Если бы герцог когда-либо почувствовал, что обижает ее своими визитами, он бы прекратил их, несмотря на то, что жаждал иметь наследника. Однако почему-то Ричмонд знал, что этим расстроил бы ее, как бы прохладно жена его ни принимала. Никогда до этого они не говорили о ее первом муже, и сегодня это показалось ему несколько запоздавшим.

Тоненьким голоском из глубины окружавших ее подушек Мэри спросила:

— Милорд, я не удовлетворяю вас?

Наступило тягостное молчание.

— У меня не находится слов, мадам, чтобы выразить то, что вы делаете со мной.

Снова наступила тишина, и герцог почувствовал, что жена испуганно отпрянула.

Ей захотелось вымыться, поддавшись своей нелепой привычке часто подвергать себя опасностям из-за водных процедур, хотя все ее предостерегали от этого.

Ричмонд подошел к кровати, но не сел, не желая оставлять пятен на ее одеяле. Он взял руку жены, наклонился и поднес к губам.

— Да хранит вас Бог от всего плохого, миледи.

Другой рукой Мэри дотронулась до его щеки, а затем легким жестом обвила его шею и погладила его по волосам.

Герцог застыл, ослепленный надеждой и сожалением, но затем она убрала руку.

Он выпрямился и пошел к двери.

— Принц Руперт будет также сопровождать королеву в Нидерланды. Это было подтверждено сегодня вечером.

Мэри сжала руки, глаза у нее округлились.

— Так вот почему я видела, как он дал выход своему плохому настроению в такой живописной манере.

— Вполне вероятно. В любом случае присутствие принца Руперта здесь бросает вызов оппозиции в парламенте. Он так горит желанием служить королю, что Лондон переполнился слухами и полон страха перед тем, что может случиться, если он однажды прискачет туда во главе армии. Его величество изменил свои намерения. Он считает, что война представляет из себя слишком большой риск в данный момент, и убедил себя, что самым мудрым решением будет, если принц отправится домой. Я не хочу раздумывать над тем, свидетельницей чему вы стали. Принц Руперт сочтет себя польщенным, когда его отправят сопровождать королеву ко двору его матери.

— Неужели? — ее голос стал привычно насмешливым. — Ну теперь, когда он примирился с этим, я надеюсь, он извинился перед вами каким-то образом за то, что отправил ваш стул на растопку. Мне-то он, конечно, не должен давать никаких объяснений.

— Может быть, он и сказал что-то. Я просто не обратил на это внимания.

— Я удивлена, как вы еще можете уважать его после этого.

— Каким бы ни был его темперамент, он намного умнее всех остальных вместе взятых, и мне очень жаль, что он уезжает. Я знаю ваше мнение о нем, но надеюсь, что вам удастся преодолеть себя и сде-

лать все возможное для того, чтобы он вернулся в Англию. Я уверен, что не пройдет и нескольких месяцев, как мы будем нуждаться в нем, как никогда раньше.

Герцог мог почти физически ощущать, несмотря на темноту в комнате, ее состояние, но Мэри ответила со своей обычной иронией:

— Считайте, что это уже решено. Если же мне не удастся это осуществить, то я думаю, он сам все возьмет на себя.

В день отъезда Генриетты-Марии Карл был так подавлен, что создалось впечатление, будто он вот-вот рухнет на землю. Ему казалось невозможным произнести несколько слов, чтобы ободрить отъезжавшую. Король говорил о печали на своем сердце группе сопровождавших, которые скакали с ним в Дувр. Он считал, что ему никогда не станет стыдно за подобное проявление своих чувств.

Когда все собрались на берегу, он ощутил резкую боль от того, что в этом отъезде вряд ли есть какой-то смысл. Его дорогой маленькой девятилетней принцессе Мэри, в прошлом мае скромной церемонией сочетавшейся браком с принцем Вильгельмом Оранским, было запрещено покидать страну с супругом, когда тот поехал домой, потому что парламент подозревал, что королева, желавшая проводить свою дочку в Гаагу, будет устраивать заговоры за границей. Теперь они переменили свое мнение и дали согласие на отъезд. Вероятно, парламент верил, что Карл станет более сговорчивым, когда его «непримиримая» королева окажется на расстоянии.

Генриетта-Мария не могла даже проститься с двумя своими маленькими детьми: шестилетней принцессой Элизабет и крошечным Генри, герцогом Глостерским. Карл считал, что их лучше было оставить под заботливым присмотром и охраной в Сент-Джеймском дворце в Лондоне, чем подвергнуть риску во время путешествия. Уныло Карл наблюдал, как флот готовится к отплытию. Он думал о двух своих старших мальчиках: принце Уэльском и герцоге Йоркском, остававшихся с ним под защитой своего гувернера. Он размышлял о том, какие раны уже оставила эта борьба с парламентом в их юных душах, хотя все это ничего не значило по сравнению с горем от того, что они расстаются с их матерью.

Король посмотрел вокруг себя. Принц Руперт, чей приезд пробудил в нем новую надежду и придал смелости, должен был тоже отплыть с королевой, потому что его злой гений Пим считал, что тот планирует немедленное вторжение в Лондон. Молл Вильерс, чья улыбка прежде имела силу разгонять его самую глубокую печаль, также уезжала. Да, они с Ричмондом должны были пойти на жертвы ради королевы. Карл посмотрел, как Молл прощается со своими слугами, которые отправились в гавань, чтобы проводить ее. Их было так много! Когда она говорила с высокой женщиной с квадратным лицом в простом кверском платье, та вытирала слезы своим фартуком. Мэри наклонилась, чтобы обнять ее, и сунула ей что-то в руку.

— Ты знаешь, куда это отнести, — услышал он ее слова. Женщина кивнула. Мэри повернулась к своей карлице и произнесла:

— Я надеюсь, что ты никогда не пожалеешь, Энн, что вызвалась ехать со мной в то время, как другие остаются.

— Я и не думала, что смогу так далеко забраться на моих маленьких ножках, миледи, — ответила карлица забавным высоким голоском. — А вы еще снабдили меня и поклажей, — и она похлопала по ящичку с кожаными перчатками, которые несла, держа под мышкой.

Мэри засмеялась, потом увидела, что Карл смотрит на нее, оставила слуг и бросилась в его объятия. Они стояли, покачиваясь, как будто под их ногами была не земля, а пошатывающаяся палуба плывущего корабля.

Она оторвалась от него и закрыла глаза руками.

— Когда мы уедем, я буду молиться, чтобы принц Уэльский и герцог Йоркский постоянно были с вами, — она сглотнула и опустила руки. — Когда мы увидимся снова, я привезу разные забавные истории из Гааги и буду потчевать ими мальчиков, а также привезу новости о принцессе Мэри и подарки из Голландии. — Она посмотрела на Карла, в ее глазах блеснули слезы. — Я уже попрощалась с лордом Ричмондом. Мне пора подниматься на борт. Я должна идти...

Мэри протиснулась через толпу, и король потерял ее из виду.

Наступило время обнять маленькую Мэри, и, когда у него вырвалось, что он, может быть, никогда не увидит свою дочь снова, она вскрикнула от горя.

Затем Карл ходил по берегу с Генриеттой-Марией. Они несколько раз приближались к ожидавшей ее лодке и снова отходили от нее и опять бродили по берегу. Он мог почувствовать, что его люди удивляются, сможет ли король вообще отпустить жену, потому что сам сомневался в этом. Когда король с королевой наконец расстались, их лица были залиты слезами. Когда Карл забрался на лошадь и поскакал к замку, то,

поднявшись на прибрежные скалы, махал шляпой до тех пор, пока паруса не скрылись за горизонтом.

На следующий день бывшая камеристка герцогини Ричмонд отправилась в Лондон, чтобы присоединиться к своей семье. Поездка была оплачена герцогиней. В кармане своего фартука она везла спрятанную записку для графа Эссекса. Она была написана круглым детским почерком красным мелом. Начиналась она с довольно забавного рисунка головы дьявола: *«Р., безусловно, вернется, вероятно, через несколько месяцев. Необходимо устроить примирение до этого».*

Записка была запечатана бабочкой.

Глава 5

Руперт сидел за столом с картами в каюте капитана и пытался учить принцессу Мэри голландскому языку. Прошли часы с того момента, как они отплыли из Англии, но ни ее мать, ни герцогиня Ричмонд так и не вышли из своих кают. Принцесса Мэри с детской резвостью вскоре выбралась на палубу, чтобы обследовать весь корабль и понять, что «Лев» был в гораздо большем порядке, чем та старая посуда, на которой принц сам прибыл в Англию. Однако когда он отправился поболтать с моряками, то отослал принцессу обратно в ее каюту, предположив, что ее мать так же, как и его, испытывает антипатию к молодым лицам королевской крови, болтающими с находящимися ниже их по рангу людьми, которые строят для них корабли и ведут их по морю, куют оружие и сражаются за них.

Тяга принцессы к голландскому была гораздо менее сильной, чем ее интерес к плаванью по морю, но Руперт настаивал:

— Ваш муж Вильгельм немного говорит по-английски, и вы можете быть уверены, что он выучит его ради вас. Почему бы вам не позволить мне дать вам самые первоначальные знания?

Лоб принцессы был высоким, что удлиняло ее лицо, и от этого оно выглядело очень упрямым. Ее крошечный ротик неприятно искривился.

Тогда Руперт добавил:

— Как вы знаете, мои родители встретились в Лондоне, перед тем как пожениться, как вы и Вильгельм, но никто из них не знал ни слова на языке другого. Можете вообразить, что вы будете даже не в состоянии сказать вашему мужу «привет»? Или «нет, спасибо, я не хочу маринованный тунец сегодня». — Теперь он завладел ее вниманием. — Однако мои родители оба знали французский язык. Когда шло обручение, кто-то громко переводил церемонию по молитвеннику. У бедняги был такой ужасный французский акцент, что мои отец и мать переглянулись друг с другом и не могли удержаться от того, чтобы не захихикать.

Губы Мэри раздвинулись в улыбке, затем она проговорила:

— Но ведь их, несмотря на это, поженили. — Когда он, позабавленный, кивнул, она продолжила: — Наше бракосочетание совершил епископ Элийский. На мне было платье из серебряной ткани и жемчуга, а Вильгельм был одет в бархат, и он дал мне это золотое кольцо. У нас также читали молитвенник, поэтому моя мама не могла прийти.

— Вам повезло, что вы и Вильгельм одной веры. Выучите языки друг друга и будете жить так же счастливо, как мои отец и мать.

— Моя мать говорит, что ваш умерший отец был королем Богемии.

— Мой отец был пфальцграфом, — начал объяснять Руперт, затем жестом отмахнулся. — Да, очень недолго.

— Значит, вы уедете обратно в Богемию, когда мы приедем в Нидерланды.

Принц засмеялся. Но принцесса выглядела такой смущенной, что он отложил в сторону бумаги, лежавшие перед ним, и наклонился вперед.

— Много лет назад моего отца пригласили в Богемию, поэтому он поехал в Прагу, где он и моя мать были коронованы как король и королева. Австрийцы чрезвычайно разозлились, объявили войну моим родителям и прогнали их оттуда. Они были в Богемии в течение одной зимы, вот почему люди называют мою мать Зимней королевой. — Руперт снова улыбнулся. — А теперь давайте поиграем в угадайку. Когда мои родители готовились бежать из дворца в Градчанах, то они должны были свалить все имущество в большое количество карет и повозок, какие только они смогли найти. Наконец, когда все было готово и отец с матерью уже собирались уезжать, несколько слуг побежали посмотреть, не осталось ли чего-либо ценного, что они могли забыть. Один из них увидел что-то на полу в одной из комнат: маленькое, круглое и завернутое в белое полотно. Он подхватил это, сбегал вниз по лестнице и бросил в одну из карет, которая уже отъезжала. Вы можете догадаться, что было в этом свертке?

Мэри задумалась, положив локти на стол и прижав кончик пальца к губам. Руперт почувствовал движение позади себя и, повернувшись, увидел герцогиню Ричмонд, прислонившуюся к косяку двери. Он начал вставать, но она махнула ему, чтобы он оставался на месте.

— Не обращайтесь внимания, — сказала герцогиня. — Я хорошо все слышу и отсюда. Могу я присоединиться к вашей компании, если принцесса Мэри разрешит мне?

— Конечно, — воскликнула принцесса. — Но я должна сначала догадаться. Это была корона?

— Нет.

— Миска с гуляшом? — раздался слабый голос герцогини позади принца.

Он покачал головой, а Мэри расхохоталась.

— Скипетр? — спросила девочка, при этом глаза ее заблестели.

— Нет, — он подвинул свой стул герцогине, но она осталась стоять там, где была.

— Рубиновое ожерелье?! — воскликнула принцесса Мэри, стараясь перебить герцогиню.

Руперт снова покачал головой.

— Никто из вас никогда не догадается, хотя вы, — он одобрительно кивнул в сторону принцессы, — были очень близки к догадке. Нет. Когда сверток был брошен в карету, он сильно стукнулся об нее, начал двигаться, извиваться, а затем издал самый недовольный вопль, который вы когда-либо...

— Щенок! — испуганно воскликнула принцесса.

— Нет, ребенок. Я.

Мэри перестала раскачиваться взад и вперед на своем стуле и сказала, широко раскрыв глаза:

— Нет, это невозможно. Это нечестно, вы жульничаете.

— Это был я.

Раздалось тихое восклицание, и принц строго посмотрел на герцогиню.

— Это правда, клянусь честью.

— Вы сказали, что вы помните это, — произнесла она в ужасе, но Руперт покачал головой.

Принцесса Мэри живо сообразила:

— Так вы тогда Зимний принц.

— Нет, я снежок.

Они рассмеялись, и Руперт снова пододвинул к себе страницы с написанными им буквами и словами на голландском. Принцесса отреагировала очень быстро:

— А мы не сможем еще поиграть в угадайку?

— Конечно, только сначала назовите мне порты в Нидерландах.

— Это и мне интересно послушать, — проговорила герцогиня и, подойдя, села за стол.

— Роттердам, — доверительно принялась называть девочка, затем, спотыкаясь, начала перечислять остальные, пока не дошла до порта, в котором должно было закончиться их путешествие. — Гальвениус.

— Гм, — сказал Руперт. — Я надеюсь, что капитан отвезет нас вместо этого в другой порт.

— Геренслуж.

— Вы делаете ошибку. Подумайте, он начинается с Гель.

— О боже, — воскликнула герцогиня. Принцесса начала хихикать и не смогла продолжить.

— Гельвотслоус, — проговорил Руперт так серьезно, как только мог, но в горле у него запершило, и это все испортило.

— Неужели это правда? — изумилась герцогиня. — Что же это за название такое Гель... — затем она сдалась и продолжила, тяжело дыша: — Жаль, что меня никто не предупредил. Я очень сомневаюсь в том, что я в таком случае поехала бы туда.

Маленькая Мэри спрыгнула со стула.

— Я собираюсь придумать собственную игру. Я заверну что-нибудь, и вы будете гадать, что это такое.

Она выбежала из каюты.

Наступила пауза, во время которой Руперт смотрел через стол на герцогиню, а она на него. Он осознал теперь, что в прошлом его смущал не ее острый язык, а красота. Сегодня он был просто благодарен за это. Не имело значения, что она думала о нем, потому что ее присутствие наполняло пространство, в котором они находились, солнечным светом. Прежде она очень холодно относилась к нему, даже с отвращением, но теперь казалось, что она смягчилась,

то ли от того, что заметила, как он пытался развлечь Мэри, то ли потому, что ослабла от морской болезни.

— Я надеюсь, вы чувствуете себя лучше, мадам? — спросил Руперт.

— Я думаю, что становлюсь морским волком. Мне дали странную смесь, которая творит чудеса: миску с рисом, политым лимонным соком.

— Да, не всякий о таком средстве знает, но кладовщику и повару оно было известно, поэтому я велел им испробовать его.

— Вы?

Он слегка кивнул.

— Дополнительное преимущество состоит в том, что рис можно варить, чтобы не были заметны долгоносики.

Герцогиня издала возмущенный смешок.

— О нет, не заставляйте меня снова испытывать тошноту.

— Никогда; — возразил он. — Хотя принцесса Мэри находит чрезвычайно интересным то, что они...

— Нет, — снова воскликнула герцогиня, закрывая свое лицо руками. — Я теперь не знаю, то ли мне благодарить вас, то ли бежать от вас прочь.

— Дилемма, которая постоянно мучает и моего дядю.

Это прозвучало более горько и саркастично, чем он хотел. Руперт не стал бы обвинять Мэри за то, что она использует шанс и собирается удалиться. С минуты она сидела очень тихо, а потом переменила тему разговора.

— С вашей стороны было благородно рассказать ребенку забавную историю семейства, спасающегося бегством.

— Вы так считаете?

— Каковы бы ни были ваши побуждения, принцесса теперь знает, что вы прошли через весьма приме-

чательное, ужасающее событие и остались живы, чтобы рассказать нам об этом.

Принц наблюдал за Мэри. Она была здесь, и пока у нее появилось настроение поболтать, он попытался задать ей важный вопрос:

— Какие средства рассчитывает собрать королева?

Герцогиня отпрянула, побледнела, и принц почувствовал к ней жалость.

— Я в самом деле... хорошо. Мы возьмем с собой драгоценности короны, включая самый ценный белый бриллиант из тех, которые существуют — Большой Сансе. Не упоминая уже о Сите, Розе Англии и Зеркале Португалии. Среди груза также имеются распятия, покрытые драгоценностями, бесценные золотые ожерелья, которые принадлежали Елизавете Первой и Генриху Восьмому. Огромное количество посуды, которую королева намеревается продать или заложить. Она владеет всеми этими сокровищами, а также имеет голос в Европе, который, я полагаю... что-то значит.

— Так сколько же она все-таки надеется собрать?

Мэри выглядела удивленной, затем на ее лице появилось раздражение от того, что он повторил вопрос, и она не стала отвечать сразу. Руперт надеялся, что пауза позволит ей понять, что если у них нет точного плана, то все их предприятие вряд ли имеет смысл. Наконец она проговорила:

— Она королева. Все просчитать невозможно.

— Моя мать тоже, — шутливо согласился он. — С тех пор как мой отец потерял Палатинат, она королева в изгнании, зависящая от гостеприимства другой нации. Соединенные провинции добры к нам, но средства, которые они выплачивают ей, скромны. Всю мою жизнь моей матери приходится изворачиваться и ожидать подачек от других государств, которые объединяются против Австрии. Я уверен,

вы знаете: король Англии, несмотря на всю свою любовь к ней, никогда не был в состоянии присылать большие суммы.

Мэри резко ответила:

— Он собрал десять тысяч фунтов, чтобы помочь вам и вашим братьям, когда вы пытались отвоевать Палатинат. — Она была лучше информирована и запомнила цифры лучше, чем он думал. Мэри продолжила в том же тоне: — Вы хотите сказать, что нас ждет плохой прием у королевы Богемии?

— Не надо умышленно искажать мои слова, мадам. Моя мать предана королю Карлу. Она проявит по отношению к вам и щедрость, и искренность.

— Благодарю вас. А я верю в то, что королеву хорошо примут в Соединенных провинциях и в любой другой стране, в которую она приедет.

Она все еще не поняла.

— Мадам, наша республика, германские княжества и другие страны, о которых вы говорите, имеют нечто общее. Большинство из них кальвинисты, как и моя семья, остальные лютеране или следуют прочим доктринам внутри реформированной церкви. Другими словами, все они протестанты.

Мэри обиженно посмотрела на него.

— Вы имеете в виду то, что Генриетта-Мария католичка?

Он кивнул.

— Воздействие этого пункта невозможно просчитать, как вы и упомянули.

Она посмотрела на свои руки. Ее пальцы перебирали рисунки, разбросанные по столу только потому, что они находились в пределах ее досягаемости. У Мэри было право узнать каждый из них, едва прикоснувшись к нему. Затем она перемешала их и положила на место. Руперт понял, что герцогиня даже не рассматривала их.

Мэри подняла глаза и одарила его ослепительной, хорошо отрепетированной улыбкой.

— Ваше высочество, вспомните, моя королева не одна, — затем встала и вышла.

Принц уже было приподнялся, чтобы проводить ее из комнаты, но она оказалась слишком проворной и быстро выскользнула за дверь. Он снова тяжело опустился на стул. Мэри смотрела на него так, будто он собирался чинить препятствия своей тете в ее смелой кампании, организованной, чтобы собрать деньги для Карла в то время, как все полагают, что чем больше средств ей удастся заполучить, тем лучше. Он не станет мешать королеве. Наоборот, сделает все возможное, чтобы помочь ей, но это не значит, что он поскачет со шляпой в руках к правителям Северной Европы и будет проводить недели в их приемных, убеждая опытных царедворцев и принимая фальшивые аплодисменты. Генриетта-Мария знала Руперта достаточно хорошо, чтобы не ждать от него подобного. А все остальные считали по-другому, особенно герцогиня Ричмонд. Он вспомнил презрение на ее лице, когда она застала его ругавшегося, как дикарь, и готового переломать все в одной из комнат дуврского замка. Он будет сопровождать их и охранять, если только они его попросят, но затем оставит их, а сам отправится на охоту. Для этого его дядя предоставил ему полную свободу действий. Чем дольше Руперт сидел, ничего не делая, в капитанской каюте, тем мрачнее он становился, но у него не возникало желания мотаться по кораблю в поисках компании. Он не переставал хмуриться до тех пор, пока не вернулась принцесса Мэри и не улыбнулась ему, а потом начала ликовать, когда он не сумел догадаться, какой предмет она завернула в объемистый сверток, использовав материал, который забрала у своей матери. Это оказалось зернышко риса.

Генриетта-Мария жаловалась, что ей никогда не везло, когда она путешествовала по морю, и Мэри была склонна верить ей, потому что вскоре после того, как королева оправилась от морской болезни, «Лев» попал в шторм, который разметал на несколько миль маленький флот. Было больно смотреть на паруса, исчезающие впереди них за горизонтом, потому что другие фрейлины королевы и большая часть ее ценного груза были на других кораблях.

Шторм ослабел, но все, за исключением принца Руперта, оставались внизу. Он предпочитал находиться на палубе, что Мэри хорошо могла понять. Для его огромного роста нигде не находилось места на корабле, включая капитанскую каюту.

В нем было все еще слишком много такого, чего она не могла понять. Когда он возвращался с палубы, одетый в громадный плащ, поверх которого разметались его длинные волосы, и пригибался, чтобы войти в двери, он был сам похож на темный корабль, идущий под парусами. Если капитан находился в каюте, то принц тут же начинал говорить с ним. А Мэри сразу отворачивалась и занимала королеву живой беседой или читала забавные отрывки из книг на французском или на английском, которые они захватили с собой.

Принц объяснил принцессе Мэри, что на борту корабля приказы капитана являются даже более главными, чем приказы королев и принцесс, а также причислил к подчиненным и себя. Но в действительности Мэри видела, что и офицеры, и команда полностью находятся под его очарованием. Он был прирожденным лидером, и Мэри могла сказать, что если бы ее отношения с ним сложились

по-другому, то он ожидал бы, что и она склонится, как и все остальные, перед его безграничной энергией и энтузиазмом. Пока же она предпочитала не выходить на палубу, если он там находился, и видела его главным образом за столом, где он сидел напротив нее, с любовью разговаривая со своей тетей и маленькой кузиной и любезно с самой Мэри, хотя иногда она замечала в уголках его больших темных глаз искру насмешки над тем, что она опасается его.

Конечно, это было так. Воспоминание о его взрыве гнева в дуврском замке еще не стерлось у нее из памяти. Тот критический момент поставил преграду между ними и дал ей возможность обороняться против него, в чем она крайне нуждалась. Когда им приходилось быть вместе, она никогда не могла спокойно и прямо смотреть на него. Мэри не могла не замечать силы, исходящей от него, и жила в его присутствии, ощущая от него коварную угрозу.

В последний день их пребывания на борту погода улучшилась, большинство обеденных приборов были уже убраны со стола, а принц Руперт, королева и Мэри все еще оставались за столом. Принцесса Мэри отправилась на палубу в сопровождении лейтенанта, которому доверял принц, королева согласилась на это, не утруждая себя особыми раздумьями, потому что была сонной и вскоре задремала на своем стуле. Когда карлик королевы, Джеффри Хадсон, решил подложить одну подушку под ноги своей хозяйки, а другую под ее голову, она выглядела весьма довольной и Мэри не стала вмешиваться. Они с принцем невольно улыбнулись, когда Джеффри на цыпочках отошел от стола.

Через минуту принц сказал:

— Вы упоминали кое-что, когда я приехал в Дувр. Что вы имели в виду?

Мэри вздрогнула и не могла не почувствовать, что выдала себя с головой. Теперь было глупо притворяться, что она не помнит напряженного момента, когда они скакали верхом к замку. Она взглянула на королеву, которая заснула.

— Это просто. Я испытываю ненависть к Дувру, потому что это не Лондон.

— Вы полагаете, что королю не следовало покидать Уайтхолл?

— Не мне обсуждать его решения, но я считаю, что не следовало. Это... — она помедлила, было такой роскошью обсуждать этот вопрос с кем-либо, даже если это кто-то был вот-вот готов поссориться с ней, что она продолжила: — Это произвело впечатление, будто бы он боится.

Он пожал плечами.

— Это мнение придворного. Какое впечатление он производит, это не так важно, как то, что он делает.

— Я подозреваю, что сейчас услышу точку зрения обычного солдата, ваше высочество.

— С одной стороны, вы попали в точку. Оставить Уайтхолл было отступлением. Отступление очень опасно, потому что оно может перейти в любой конфликт, — серьезно ответил Руперт.

— Римский император Фабиан, — проговорила Мэри с улыбкой, — не согласился бы с вами.

Руперт кивнул.

— У него была другая проблема. Он пытался перехитрить сильного захватчика. Смотрите.

Он взял наполовину пустое блюдо с фруктами и поставил его перед Мэри, затем поднял несколько ножей и разложил их веером посередине стола остриями по направлению к ней.

— Вы отступаете, — пояснил он, — в то время, как армия вашего противника готова для сражения. — Руперт похлопал по арсеналу ножей, затем подвинул

их ближе к себе. — Враг делает неосторожное движение, — он подвинул блюдо с фруктами к себе, — вы окружаете его и быстро разбиваете.

Мэри вздрогнула, когда Руперт пронзил ножом два яблока. Принц взглянул на нее, их глаза встретились, и он спросил:

— Не желаете одно из них?

Она отрицательно покачала головой.

Он поднял ближайшее яблоко с блюда, вытащил из него нож и принялся счищать кожуру.

— Ничего подобного не произошло с Карлом. В начале парламент, может, был и не подготовлен, но им хватило ума понять свои ошибки. Они не собирались нападать на его величество в Лондоне, тем более выгонять его оттуда, поэтому отступать не имело смысла.

— Однако, если бы они напали на нас, в Дувре мы были бы в безопасности.

— Замок построен, чтобы противостоять вторжению с моря, но я предпочел бы не подвергаться, находясь в нем, атаке со стороны суши. Ваш муж, когда приехал, пригласил меня на интересную прогулку верхом вдоль фортификаций, и, как я с сожалением сказал ему, в настоящее время замок не выдержит и трехдневной осады.

После минутного раздумья Мэри заметила:

— Не думайте, что я не ценю ваши познания в военном деле, но, может быть, думать об этом слишком рано? Разве сейчас война? У нас все еще есть возможность договориться с парламентом.

Узким лезвием ножа принц вырезал сердцевину яблока и разделил его на четыре части. Его нарочитое молчание заставило Мэри подумать, что ему не хотелось бы поссориться с ней. Наконец он произнес:

— Как можно расценивать высказывание Карла парламенту четвертого января, как не прямое объ-

явление войны? — Руперт поднял глаза, вытянул руку и положил нож обратно на тарелку с фруктами. — Здесь важно лишь правильно выбрать тактику. Быстро собрать, ударить первым и захватить Лондон. А уже потом договариваться с парламентом. Если бы их сессия продолжилась, даже в том случае, если их лидером по-прежнему оставался бы Пим, мой дядя обнаружил бы, что мыслят они совсем по-другому, чем до этого. Если же парламент был бы расформирован, король смог бы создать другой и обратиться непосредственно к нему. — Руперт увидел, что герцогиня Римонд немного шокирована, и мрачно продолжил: — Бейте своего врага до того, как будете с ним разговаривать, в противном случае вы потеряете время и людей.

Мэри собралась было ответить, когда вдруг сверху, с палубы, раздался громкий крик ребенка. Мэри словно парализовало, а принц вскочил на ноги и за считанные секунды выбежал из каюты. Немного колебавшись, Мэри встала, бросила взгляд на спящую королеву, но шум шагов принца Руперта, поднимавшегося наверх, заставил ее очнуться, и она побежала за ним. От криков принцессы у нее звенело в ушах.

Когда Мэри выбралась на полуют*, сильный порыв ветра разметал ее волосы, в глаза попала вода. Она не увидела капитана, шагнувшего к ней, а только почувствовала его руку, поддерживавшую ее за локоть и повернувшую ее в нужном направлении. У снастей стоял принц Руперт и лейтенант. Принцесса Мэри сидела на палубе, обвив руками ногу принца.

— Я не хочу смотреть! Я не буду смотреть! — кричала девочка.

* Возвышение корпуса под верхней палубой в корме корабля.

Мэри в замешательстве вскрикнула и двинулась вперед, но принц уже наклонился и поставил девочку на ноги.

— Перестань кричать.

Принцесса тут же замолчала. Он положил руку ей на плечо.

— Посмотри вон туда, госпожа морячка, и доложи, что ты видишь.

Принцесса, рыдая, ответила:

— Он тонет! — Потом взглянула на Мэри и снова закричала: — Наш корабль тонет!

Мэри безумными глазами смотрела на «Льва», зажав руками рот. Тем временем принц взял принцессу за руки, помог ей ухватиться за снасти, а затем встал перед ней на одно колено, чтобы его голос звучал прямо ей в ухо. Мэри добралась до них, одной рукой уцепилась за снасти, а другой обвила тоненькую талию принцессы.

Принц Руперт обратился к принцессе:

— Корабль в миле отсюда, поэтому вам надо смотреть очень внимательно. Как он сидит в воде?

Девочка посмотрела, куда он указывал. Вдали виднелась длинная линия горизонта и вход в бухту. В поле зрения был не один корабль, принадлежавший королевской флотилии, а несколько кораблей, но Мэри сразу же узнала корабль, который так напугал принцессу. Он накренился, паруса его бессильно хлопали, и корабль не двигался вперед.

— Он лег на бок! — рыдала принцесса.

— Хорошо, а вы можете видеть, что вокруг него в море?

Принц достал из дублета подзорную трубу и приклонил ее к глазу девочки. Наконец она сказала:

— Лодки! Они спускают вниз лодки. На них люди.

— Очень хорошо. Вы видите, что от шторма они пострадали гораздо больше, чем мы. Гавань — это

Гельветслоус. Я хорошо ее знаю. Корабль попал на песчаную отмель. Ваши фрейлины и команда садятся в лодки. Теперь скажите, насколько далеко от них находится земля?

Девочка сосредоточилась:

— В двух милях?

— Вы почти угадали, — похвалил ее принц на голландском.

— Как же они смогут добраться до земли?

Руперт усмехнулся.

— Смогут. Если большие храбрые моряки с нашего «Льва» гребли бы отсюда к берегу, как вы думаете, добрались бы вы до берега в безопасности?

Принцесса робко и несколько пристыженно взглянула на лейтенанта, стоявшего рядом с ней, затем кивнула и вручила подзорную трубу принцу Руперту, который поднялся и продолжил наблюдать за кораблем. В эту минуту на палубу выскочила королева и бросилась к ним. В панике она развела руки.

— Мадам, не бойтесь! — крикнула ей Мэри, схватив ее за руки, потому что корабль под ними накренился. Ветер крепчал, и ей пришлось повысить голос. — Не бойтесь. Один из наших кораблей оказался в опасности, но, кажется, никто не пострадал.

Королева бросила на Мэри испуганный взгляд, вырвалась у нее из рук, метнулась к дочери и тут же заключила ее в объятия.

— О небо, что же нам делать?

Мэри продвинулась вперед, держась за снасти, и беспомощно посмотрела на королеву, зная, что ей сейчас необходимо выплеснуть эмоции. Принц отложил в сторону подзорную трубу, нежно высвободил принцессу из материнских рук и подмигнул ей.

— Вероятно, в конце концов мы все-таки доберемся до Гельветслоуса.

К удивлению Мэри, его вопрос заставил ребенка засмеяться.

Королева посмотрела на Руперта и в панике крикнула:
— Что же нам делать?

— Для нас слишком опасно подойти ближе к кораблю, чтобы подобрать людей. К тому же они все уже в лодках и быстро двигаются к берегу. Кораблю мы ничем не поможем, он тонет. Я узнал его, это «Белая олениха». Кто находился на его борту?

Королева споткнулась, крепче ухватилась за снасти и закричала:

— Ах, да поможет нам Бог! Там все золото и серебро из моей часовни.

Мэри, немного удивленная таким ответом, отошла от них на шаг и мысленно прочитала молитву.

Королева была в слезах, и, пока все смотрели на гибнущий корабль в темно-зеленом, отражавшем небесный свод море, принц обнял одной рукой тетю за плечи и прижал ее к себе, в то время как другой держал за руку принцессу.

Мэри, оказавшись невольным и нежеланным свидетелем этой сцены, отошла в сторону. Перед тем как спуститься вниз, она еще раз посмотрела на группу стоявших на палубе людей. Высокий мужчина нежно обнимал слабую, доверявшую ему женщину и маленькую девочку. На минуту она почувствовала себя лишней.

Оказавшись в своей каюте, Мэри легла на жесткую койку и вытянулась, чтобы немного отдохнуть перед суетой, которая последует за высадкой на берег. Короткое морское путешествие почти окончилось. Было не похоже, что ей еще представится возможность когда-либо снова остаться с принцем наедине. Она пообещала своему мужу, что будет склонять принца Руперта как можно скорее вернуться в Англию. Но Джеймс Стюарт, герцог Ричмонд, казалось, остался где-то очень далеко.

Мэри лежала и отождествляла себя с армией, о которой говорил ей принц, — разбитой, дезориентированной и не годившей для сражения. Что, если путь, выбранный ею, принесет больше горького одиночества, чем она сможет выдержать? Только сейчас она поняла, что настоящим ее домом был двор английских королей, как до, так и после смерти ее отца. Когда она находилась вдали от него, она лишалась жизненных сил и тепла, которые подпитывали всю ее жизнь. Мэри страдала от мысли, что может не вернуться туда, или же, если вернется, обнаружит, что все безвозвратно изменилось.

Она все еще вспоминала, как пыталась защитить короля от его незаконных действий, ареста членов парламента в январе. Когда это случилось, другая фрейлина, графиня Карлисл, пришла к Эссексу, чтобы предупредить об аресте. В какое точно время, Мэри не знала, но ей казалось, что утром четвертого января. В этот судьбоносный день графиня удалилась от двора и объявила себя сторонницей пуритан. Ее предательство вызвало бешенство и отчаяние Генриетты-Марии. В это ужасное время, которое последовало после неудачной попытки короля арестовать пятерых, Мэри несколько раз взвешивала, стоит ли признаться, что она рассказала о намерениях короля графу Эссексу. В конце концов она признала, что это бессмысленно. Она осталась верна королю не в пример графине Карлисл и любила его и королеву не меньше, чем раньше, и хотя она стыдилась, что выдала королевский секрет, все же не печалилась из-за побега тех пятерых. Мэри понимала, что, если признаться во всем, король и королева отвернутся от нее, она потеряет их любовь, место при дворе и, вероятно, свободу, так как Карл вряд ли ограничится тем, что отправит их с мужем в изгнание. Он может обвинить ее в преда-

тельстве. Она твердо решила никогда никому не рассказывать о том, что сделала.

Пока Мэри лежала, эти мысли вконец измучили ее. Она поставила ноги на пол, присела на край койки, оперлась локтями на колени и подперла ладонями подбородок. Итак, она была одна. И ей не следовало надеяться, что она может обратиться к какому-либо джентльмену, чтобы он успокоил ее, даже к своему мужу. И уж, конечно, ей нечего ожидать помощи от такого мужчины, как принц Руперт. Ему бы только вести войну в то время, как она борется за то, чтобы разорвать заколдованный круг, образовавшийся около королевского трона Англии.

Глава 6

Был конец июня. Принц Руперт охотился на дикого кабана вблизи деревенского дома своей семьи в Ренене в компании с Томасом Говардом, лордом Арунделом. Палоротник и молодая поросль под деревьями заметно подросли за теплые дни, выдавшиеся в начале лета, и гончих можно было скорее слышать, чем видеть, когда они рыскали, чтобы взять свежий след. Руперт и Арундел придержали своих лошадей на пригорке, с которого открывался хороший вид. Он велел сопровождающим, двум слугам Арундела и трем своим, быть настороже, потому что дикий кабан за считанные секунды может превратить мирный пролесок в поле боя. Впереди в изумрудной зелени листвы время от времени показывалась белая собака. Ее мохнатая голова с длинными мягкими ушами высывалась, чтобы удостовериться, что Руперт еще здесь, перед тем как снова исчезнуть в зарослях.

— Я доволен, что Мальчик все еще у вас, — заметил Арундел, кивнув в сторону собаки. — Вы никогда не говорили, что сумели сделать из него гончую.

Руперт рассмеялся.

— Да, и из него получился хороший разведчик. Если вы увидите, как он молнией пронесся позади нас,

то это значит, что другие собаки обнаружили дикого кабана.

— Вы везде берете его с собой?

— В феврале я оставлял его, мне казалось неправильным брать пуделя на войну. Однако мне было жаль расставаться с ним. Теперь я буду брать его с собой везде, даже в Англию. Может быть, на этот раз он принесет удачу, если меня, конечно, позовут обратно.

В лае гончих вдруг появились новые нотки, и Руперт свистом подозвал Мальчика к себе. Он увидел улыбку на суровом лице Арундела, когда пудель выскочил к ним, мотая ушами и высунув язык. Именно Арундел подарил Мальчика принцу, когда приезжал с английским посольством в Вену, когда Руперт отбывал свой первый год заключения в замке в Линце.

Мальчик обежал вокруг жеребца Руперта и остановился, царапая лапой землю между принцем и Арунделом.

— А вы случайно не знаете, живет ли все еще у короля черный жеребец, которого он дал мне в Дувре? С ним мне также было жаль расставаться.

— А почему вы не привезли его сюда?

Руперт покачал головой.

— Мне не нравится перевозить лошадей морем. Они слишком пугаются. Захватил ли его величество жеребца в Йорк? Когда Карл-Луи приехал сюда, он ничего толком не мог рассказать мне.

— Я узнаю, когда вернусь.

Ардундел бросил на принца загадочный взгляд. Руперт понял, что он удивлен вопросом о животных в то время, как есть темы поважнее. Принц злился, слушая бесконечные разговоры о войне, при этом оставаясь в бездействии. После новостей о приготовлениях Карла, которые постоянно приносили

джентльмены вроде Арундела, Руперт становился почти больным. Парламент вооружался быстрее, чем король. Когда Карл отправился на север, чтобы обезопасить свой самый большой арсенал в Галле, то обнаружил, что за ним уже следят силы парламента. Тем не менее ни одна из сторон публично не заявляла о неизбежности гражданской войны.

Внезапно лай усилился.

— Это предупреждение, добыча большая. Собаки приблизились к нему, и он не убегает. Видите папоротник, который шевелится под дубом? Они окружили его.

Арундел, казалось, был настроен скептически:

— А мы бы не могли посмотреть сами? Давайте подедем поближе.

— Ни в коем случае, если вы не хотите, чтобы ваша прекрасная лошадь была разорвана на куски. Десять к одному, что у кабана громадные клыки, к тому же вы знаете, как он быстро бежит. Подождите, сейчас мы все увидим.

Пока Руперт колебался, подавать ли собакам сигнал, кабан изменил свои намерения и вышел из укрытия. Раздался мощный устрашающий рев, после чего кабан бросился прямо на проезжую тропу, где были охотники. Две гончие гнались за ним по пятам. Коричневая сука практически висела на его ухе, а другая собака вцепилась в плечо. Руперт выругался. Одним движением головы кабан мог проткнуть эту собаку, и тогда коричневая сука тоже очутилась бы на волосок от смерти.

Громадный дикий зверь вел себя так, будто гончих и не существовало. Он остановился, повернулся, бросил злобный взгляд на поджидавших охотников и рванул прямо к ним.

— Великолепно! — воскликнул Руперт и спрыгнул с лошади. Подбежав к одному из своих слуг, он произнес:

— Ричард, — и протянул руку.

Отбежав от лошадей, он встал, раздвинул ноги и, подбрасывая копьё, уставился на зверя, сломя голову мчавшегося на него. Верная сука не отставала от кабана. Ее глаза округлились, а зубы не разжимали правое ухо дикого зверя. Собака не давала кабану уйти, она мешала движениям кабана ровно настолько, чтобы Руперту удалось сделать то, что нужно.

С секунду принц размышлял, в какое место лучше направить копьё, в последний момент он прицелился и метнул так, чтобы оно прошло сквозь ребра зверя и вонзилось прямо в сердце. Затем он крутанул его, со всей силы нажал и, не теряя равновесия, отодвинулся назад. Кабан дернулся, рванул было к нему, но тут же рухнул прямо к его ногам. Собака на какое-то время очутилась в ловушке. Руперт не мог ее освободить до тех пор, пока кабан не перестал шевелиться. Это заняло некоторое время, а также стоило определенных усилий. Оказавшись на свободе, собака отряхнулась и начала лизать его. Принц почувствовал дрожь в руках, когда возвращал копьё своему другу Ричарду Крейну, который, как и все остальные, уже слез с лошади.

— Господи Боже, — произнес Арундел за его плечом. — Первый раз слышу, когда кто-то кричит «великолепно» в подобной ситуации. Я ни разу еще не видел подобного удара.

Руперт пожал плечами.

— Все зависит от собак.

Он посмотрел вниз и улыбнулся Мальчику, который подошел обнюхать кабана, но еще не осмеливался коснуться его своим носом.

Охотники оставили двоих слуг, чтобы разделать кабана, и поскакали в направлении дома. Собаки побежали за ними. Руперт был доволен.

— Теперь вы понимаете, почему я говорю, что охота здесь хороша. Могу я завтра соблазнить вас на соколиную охоту?

— Я очень сожалею, ваше высочество, но долг снова зовет меня в Гаагу, — Арундел рискнул бросить мрачный сардонический взгляд. — А как вы сами?

Руперт угрюмо улыбнулся. Арундел был могущественным лордом и опытным политиком, но тем не менее был способен вести откровенную беседу, и Руперту всегда это нравилось. Кроме того, он помнил о его доброте, когда сам он находился в тюрьме.

— Будь проклята Гаага, мне хотелось бы быть там, где я нужен. Закладывать драгоценности короны — не моя сильная сторона. Я предоставляю это королеве, а также некоторым ее фрейлинам, у которых дар заниматься счетами, что мне совсем не подходит.

Арундел усмехнулся, услышав подобное замечание, но Руперт не назвал имя той, о которой постоянно думал в связи с этим. Мэри Вильерс проявила себя как умный и настойчивый командующий в кампании королевы по добыванию фунтов.

— Я занимаюсь другим — покупаю оружие. Мы добываем деньги и тут же тратим их. Мне только хочется быть уверенным, что оружие будет использовано.

— Королева выступает за войну, не так ли?

— Конечно, она недавно написала моему дяде, что если он не согласится дать урок парламенту, то она уйдет в монастырь. — Он горько рассмеялся. — Хотел бы я увидеть мою тетю в монастыре.

— Тогда она, должно быть, горит желанием, чтобы вы присоединились к его величеству.

— Нет, она говорит, что я нужен ей здесь.

Арундел задумался, пока группа лошадей проезжала под деревьями, сворачивая на тропу, на которую ложился солнечный свет.

— Ваше высочество, короля Карла и вас многие поддерживают, включая меня. Теперь о Ричмонде. Король всегда прислушивается к нему. Герцог сказал мне, что просил свою великолепную жену сделать все возможное, чтобы приблизить ваше возвращение. Мало кто может противостоять Мэри Вильерс, и наш король, как и королева, обожают ее. Могу я предложить вам поухаживать за герцогиней Ричмонд, если вы уже не начали?

Руперт не ответил. Новости неприятно поразили его. И чем дольше он об этом думал, тем больше приходил в смущение. Герцог Ричмонд, преданный родственник короля, его ценный советник, и уже огромные суммы перекочевали из богатого личного состояния в сундуки Карла, чтобы оплатить войну. Руперт знал, что Ричмонд всегда поддержит короля, но можно ли рассчитывать также на Мэри Вильерс? Гром и молния, нет. Потому что она ничего не сказала о планах своего мужа касательно Руперта. С другой стороны, каждый раз, когда они встречались, Мэри давала понять, насколько равнодушной она оставалась к тому, что король хочет взяться за оружие. Герцогиня верно служила королеве, но, когда речь заходила о войне, она ратовала за отсрочки и компромиссы. Она никогда даже не намекнула Руперту, что хочет поспособствовать ему.

Арундел веселился вслух.

— Ухаживать за Мэри Вильерс, в этом я завидую вам, молодежи, — он посмотрел прямо на Руперта и добавил: — Самая красивая, самая привлекательная и самая целомудренная женщина Англии. Она недоступна. В первый раз Мэри Вильерс вышла замуж в тринадцать лет, и с тех пор не было даже ни одного слуха о...

Когда Руперт ничего не ответил, Арундел с романтическим сожалением вздохнул и погрузился в молчание.

Принц даже не улыбнулся. Он обдумывал, как быстро он сможет преодолеть шестьдесят миль, отделявшие его от двора матери, и начать ухаживать за герцогиней Ричмонд.

Мэри находилась в большом зале для приемов с двумя королевами, принцем Карлом-Луи и небольшой группой леди и джентльменов, по большей частью англичанами. В Вассенаерхофе, резиденции Зимней королевы в Гааге, кипела жизнь. Был прекрасный день, солнце отбрасывало цветные блики через красиво отделанные окна в помещение. Оно отражалось на роскошных платьях дам и заставляло искриться кафельные полы прямо под каблуками элегантной обуви мужчин. Самым изысканным джентльменом был лорд Джордж Дигби. Он всего пару дней назад прибыл из Северной Англии, и у него было полно новостей, которые он выкладывал сейчас по просьбе матери принца Руперта, пока они вместе сидели на солнечной стороне комнаты. Стоя рядом с группой леди вокруг Генриетты-Марии, Мэри имела возможность наблюдать за ними.

В Элизабет Стюарт, бывшей наследнице трона Англии до рождения принца Уэльского, было, по мнению Мэри, что-то притягательное, как, должно быть, и у прославленной Елизаветы Первой. Правда, она была красивее той и более высокой. Никто из тех, кто видел эту живую стройную женщину с рыжими волосами, покрытыми легкой сединой и уложенными в красивую прическу, и голубыми глазами, не подумал бы, что она мать тринадцати детей. Что с мужем ее связывала легендарная любовь

и что она постоянно находилась рядом с ним в битвах, в горе и в изгнании. Элизабет Стюарт была жизнерадостной и решительной. Она дипломатично вела себя, даже находясь среди мрачных и осторожных бюргеров в Гааге, и выказывала полное понимание неприятной ситуации, в которую ее любимый брат попал в Англии. Мэри с сожалением думала, что Элизабет резко контрастирует с королевой Генриеттой-Марией. Та наедине всегда предавалась отчаянию по поводу несчастья своего мужа и своих собственных бед, на публике же ее периодически унижали оскорбительным невниманием имевшие вес на политической арене голландцы и их жены. Когда она где-нибудь появлялась, они поднимались и уходили, не говоря ей ни слова, в знак симпатии к борьбе протестантов в Англии. Элизабет и Генриетта-Мария, когда встречались, внешне проявляли друг к другу учтивость, но на самом деле по-настоящему не были близки.

Лорда Дигби хорошо принимали обе королевы. Какой бы сложной ни являлась политическая ситуация, Мэри доверяла своему другу, возвращавшемуся и среди приверженцев короля, и среди сторонников парламента, высказывавшему подходящие точки зрения и дававшего умиротворяющие советы. Все это ни в коей мере не вредило его собственной стратегии, которая оставалась для всех секретом. Ранее Дигби являлся сторонником парламента и был даже женат на дочери одного из пуританских лордов графа Бедфорда, но теперь он объявил себя верным роялистом, и король доверял ему. Дигби, хотя и был старше Мэри на десять лет, принадлежал к числу ее самых близких друзей. Она сама не могла решить, что больше всего ценит в нем: то ли его легкий характер, то ли приятную внешность, то ли его способность заставить ее смеяться над собой или

над ним даже в самых безнадежных ситуациях. Дигби наслаждался аудиенцией у Зимней королевы, которая сидела напротив него и, слегка наклонив голову, внимательно слушала, о чем тот говорит, лаская крошечную мартышку, сидящую у нее на коленях. У королевы было много любимых животных, и они почти всегда находились рядом с ней. Дигби, проигнорировав зверинец, сосредоточил все свое внимание на королеве, иногда бросая взгляды на входивших в комнату гостей, и время от времени ослепительно улыбался Мэри.

В конце концов королева ласково произнесла:

— Вы должны рассказать некоторые из этих очаровательных новостей герцогине Ричмонд. Моя дорогая, — она жестом подозвала Мэри, — я знаю, что сердцем вы сейчас в Йорке с моим братом. Но прошу, присоединяйтесь к нам, потому что мы говорим и о нем тоже.

Слегка поклонившись, Мэри шагнула вперед. Дигби встал, пододвинул ей свой стул, украшенный завитушками, а сам остался стоять.

— Я имею удовольствие сообщить вам о недавних назначениях, сделанных его величеством. Он назначил лорда Фолкленда государственным секретарем, а сэра Джона Кулпепера лордом-хранителем печати.

Вдруг Мэри увидела удивленное лицо королевы Генриетты-Марии, которая повернулась в их сторону. Разве Дигби не сообщил королеве об этом прошлым вечером? Хотя, вероятно, она и не спросила. Королева не была склонна рисовать полную картину о тех или иных событиях.

Дигби, заметивший, какой к нему проявляют интерес, спокойно продолжил:

— А в Йорке ему дает здравые советы сэр Эдвард Гайд.

— Гайд и Кулпепер, — повторила громко Генриетта-Мария, уже не в состоянии сдерживаться, — критиковали моего мужа все годы, когда он пытался созвать парламент. Едва ли они проявили себя как его горячие сторонники на заседаниях парламента.

Дигби уважительно поклонился в ее сторону.

— Много всего произошло со времени вашего отъезда из Англии, мадам. В последние месяцы сэр Эдвард Гайд показал себя в другом качестве, теперь фактически он занимается только тем, что отстаивает точку зрения короля в парламенте. И, признаться, делает это с умом, не входя в союз с черствыми пуританами. То, что Гайд защищал дело короля, побудило наиболее верных подданных его величества одного за другим покинуть Лондон и присоединиться к Карлу в Йорке.

Так как Дигби являлся одним из них, он секунду подождал, чтобы получить знак благодарности от королевы. Но когда подобного не последовало, он бросил на Мэри ироничный взгляд и продолжил:

— Если будет достигнута договоренность, — он сделал неопределенный жест рукой, — хотя никто не может сказать, произойдет это или нет, то сделать это возможно лишь при посредничестве таких джентльменов, как Фолкленд и Гайд. Их высшей целью является сохранить привилегии монарха, не нарушая законные права парламента.

— Вы имеете в виду, их цель — не допустить войны, — резко заметила королева, — но тогда они не в состоянии нам помочь.

Дигби снова поклонился.

— Другие также не выказывают особой склонности развязать гражданскую войну. Я с сожалением должен сообщить вам, что когда его величество вызвал к себе графа Эссекса, то тот отказался приехать в Йорк и присоединиться к нам.

— Эссекс! — воскликнула Мэри.

Дигби бросил на нее сочувственный взгляд.

— Большая потеря, признаю. На чьей бы стороне ни оказался Эссекс, нельзя отрицать, что он смелый и принципиальный человек.

Королева Элизабет с одобрением посмотрела на Дигби после того, как тот произнес эту реплику. Генриетта-Мария, в свою очередь, надула губы, а Мэри, опустив плечи, уставилась в пол. Ее сильно огорчило, что Эссекс предал Карла, но еще больше ранило, что она втайне дважды договаривалась с врагом. Она почувствовала, как дрожит от волнения. Если вскоре будет объявлена война между королем и парламентом и о ее действиях станет известно, то это сочтут предательством. И никто не защитит ее и даже не попытается смягчить ее вину перед королем, даже Джеймс, так как если он сделает это, то запятнает себя, и ему перестанут доверять просто потому, что он ее муж. Ни один друг, включая Дигби, не сможет позволить себе заступиться за нее. Из-за конспирации сейчас король находится в постоянном страхе, и придворные стараются изо всех сил доказывать ему свою преданность. Дигби переметнулся на сторону роялистов сравнительно недавно, поэтому ему необходимо защищать свою репутацию. Он не может ей поддержки.

Поверит ли король в то, что Мэри предательница? Безусловно, Карл знает ее слишком хорошо, и, конечно же, несмотря на сильнейшую боль, все же выслушает ее, но затем прогонит их с Джеймсом.

Мэри вздрогнула от этих мыслей, а Дигби в это время обратился к королеве Элизабет:

— Графа Эссекса, конечно, сместили с поста лорда-камергера.

Дигби еще не успел договорить, как вошел принц Руперт. Он отсутствовал неделю, все соскучились по

нему, раздался целый хор приветствий. Молчал только Дигби, так как увидел принца в первый раз и, естественно, решил выказать сдержанность.

Руперт выглядел великолепно. «Настоящий принц», — подумала Мэри. Он был одет в богато расшитый голубой испанский костюм, отделанный серебром, и впервые в сапогах, более подходящих ко двору, чем к полю битвы. Несмотря на то что каблуки сапог были низкие, Руперт возвышался над всеми, как обычно. Он прошел по комнате, широко и дружелюбно всем улыбаясь, и направился прямо к матери. Мэри находилась в поле его зрения, и он на какую-то минуту задержал взгляд на ней, что испугало ее. Она смутилась и опустила глаза.

Зимняя королева, не дожидаясь, пока принц к ней приблизится, закричала:

— Мой дорогой, только не тащи с собой то животное. Ты знаешь, что оно беспокоит Джека!

Мэри подняла глаза и увидела, что за принцем в комнату вбежала собака. Это был большой белый пудель, стриженный, как было принято для такой породы собак.

Принц Руперт соорудил гримасу Джеку, мартышке, не выдававшей никаких признаков тревоги, и приподнял одну бровь, посмотрев на пуделя, который ответил ему оскалом, обнажив свои острые зубы. Потом, захлопнув пасть, собака направилась прямо через комнату к Мэри и со вздохом улеглась у ее ног. Заметив удивление Мэри, все рассмеялись, а принц проговорил:

— Он прочитал мои мысли.

Зимняя королева хихикнула и обратилась к собаке:

— Очень галантно с твоей стороны, но я запрещаю тебе ложиться к ногам герцогини Ричмонд. Ты занимаешь слишком много места в комнате.

В этот момент Руперт подошел поприветствовать должным образом свою мать, затем Генриетту-Марию и вернулся, чтобы поклониться Мэри. Он движением большого пальца отогнал пуделя, взял руку Мэри, когда она встала, и поднес ее к губам. Поведение Руперта выглядело совсем странным, Мэри не могла его понять и почувствовала, что вряд ли сможет достойным образом представить ему лорда Дигби. Но Дигби был слишком сообразителен для того, чтобы смущаться, и начал сам бойко говорить с принцем. Посреди разговора он вдруг спросил:

— Могу я узнать, как зовут вашу замечательную собаку?

— Мальчик.

Мэри посмотрела на Дигби и, ехидно улыбнувшись, заметила:

— Как оригинально.

Принц искоса взглянул на нее.

— Если бы меня заботило только это, то я назвал бы его Девочкой. Он достаточно умен.

Дигби рассмеялся и наклонился, чтобы почесать Мальчика. Собака бросила на него равнодушный взгляд, затем присела и уставилась на Мэри, повиливая кончиком хвоста и ожидая, что Мэри снова сядет. Заметив это, принц оставил Дигби разговаривать с группой Арундела и отошел на несколько шагов в сторону. Мальчик пошлепал за ним и лег прямо у его ног, не обращая внимания на маленького спаниеля и крошечную собачку Генриетты-Марии, Митту, которая глядела на него, чувствуя себя в безопасности за юбками королевы.

Весь следующий час Мэри беседовала, передвигаясь от группы к группе со своей элегантно тетей графиней Денби, первой статс-дамой королевы. Герцо-

гиня решила избегать принца, потому что он сильно смущал ее, и это ощущение ей не нравилось. Однако все ее старания оказались напрасны. Она лишь один раз отдалилась от толпы, и этого оказалось достаточно. Мэри стояла одна у глубокой оконной ниши, когда принц внезапно появился рядом и шепотом заговорил:

— Мадам, мы должны поговорить. Когда я смогу увидеться с вами один на один?

Герцогиня быстро посмотрела по сторонам, а затем повернулась к нему. Ее лицо оставалось спокойным, хотя сердце было готово вот-вот выскочить из груди.

— Как видите, мы одни.

— Здесь? — презрительный тон сделал его голос более грубым. — Я прошу вас уделить мне несколько минут. Может, завтра?

Мэри ответила ему холодной улыбкой.

— Я не могу представить, ваше высочество, что вы можете мне сказать такое, чего нельзя слышать никому из присутствующих.

Руперт тут же покраснел. К подобным ответам он не привык. Как не привык делать кому-либо комплименты, за исключением искренних выражений слов привязанности по отношению к семье и друзьям. Она не являлась его другом, и он должен был знать это. Мэри была уверена, что он достаточно хорошо об этом осведомлен и не станет пытаться просить ее о встрече.

— Слово чести, — сказал он, — я не желал проявить неуважение. Вы будете завтра утром гулять со спаниелями? — Кивком головы он указал на двор, видневшийся внизу.

— Да, буду, — ответила она ледяным тоном.

— Тогда позвольте мне поговорить с вами. Примерно в десять.

Принц ушел до того, как Мэри успела выразить свое согласие, как будто и не имела права отказываться от предложения, больше похожего на королевский приказ.

Герцогиня быстро оглядела комнату. Никто, казалось, не заметил их быстрого обмена репликами. Дигби, чьего пытливого взора она опасалась больше всего, стоял к ним спиной.

Весь оставшийся день Мэри чувствовала раздражение и долго не могла заснуть. Утром она с трудом проснулась, все еще пребывая в нерешительности по поводу того, какая причина заставила принца обратить внимание на нее. В то, что его влекло к ней, поверить было невозможно. Руперт очень хорошо знал, что не может обращаться с Мэри так, как с одной из своих любовниц, если предположить, что она у него была в Гааге. Подобные мысли она списала на свое замешательство, от того, что он обратился к ней, и решила, что неправильно поняла его. В принце было слишком много благородства, которым он всегда гордился, чтобы вести себя непочтительно.

Зачем он просил о встрече? Руперт всегда говорил прямо, не ходил вокруг да около, редко бывал резок и никогда груб, по меньшей мере, с леди. Он, безусловно, не искал встречи лишь для того, чтобы сказать что-нибудь неприятное. Хотя иногда Мэри ощущала его внутренний гнев, похожий на тот, который вырвался наружу в дуврском замке, но обычно принц умел держать себя в руках. Однако никогда она не чувствовала, что это направлено на нее.

А вдруг он что-то узнал о записке, которую она отослала Эссексу, где речь шла о нем? «Голова дьявола... Предупреждение...» Мэри похолодела при этих мыслях, затем покачала головой. Эссекс бросил записку

в огонь, как и в первый раз, и какие бы заключения Эссекс ни сделал после ее визита, у него не было мотивов раскрывать содержание записки кому бы то ни было, будь то друг или враг.

Так почему же она боится разговора с принцем Рупертом? Единственным ответом было то, что в слова «мы должны поговорить» он вложил всю свою душу. Руперт хотел попросить ее о чем-то опасном, важном, но в то же время был готов предложить что-то и со своей стороны. Мэри вздрогнула, вспомнив неизвестные ей дотоле нотки в его голосе и таинственную мольбу в его темных блестящих глазах, и поняла, что не в состоянии отказать ему.

Глава 7

Утро выдалось чудесным. Розы на клумбах посреди двора раскрылись, и солнечные лучи превращали аккуратные квадраты травы вокруг них в сверкающие изумруды. Этот маленький заповедник в Вассенаер-Хофф был окружен стеной, как монастырь, и трем миниатюрным спаниелям, которых выгуливала Мэри, очень нравилось бегать здесь. Они скребли когтями каменные плиты, забегая за угол, а их звонкий лай эхом разносился по двору, когда они догоняли друг друга и собирались в кучу у старых каменных стен. Мэри действительно приходила сюда, чтобы побыть одной, но сегодня утром принц угрожал нарушить ее одиночество. Подняв глаза, она увидела окно, у которого стояла вчера, когда Руперт назначил ей встречу. Фактически королева или любой из ее свиты могли наблюдать за их свиданием. Было глупо со стороны Мэри так нервничать из-за того, что скажет принц, но тем не менее она очень беспокоилась.

Вероятно, он тоже, потому что когда вышел во двор, то приветствовал ее уже не с той легкостью и уверенностью, как это было накануне. В уголках его решительного, красиво очерченного рта появились складки, что придало внешнему виду Руперта озабоченность. Хотя обычно он выглядел либо насмешли-

вым, либо высокомерным — в зависимости от настроения. Сегодня казалось, будто он напряженно обдумывает каждое слово.

Мэри отвечала односложно, и Руперту было нелегко приступить к самому главному. После минутного раздумья он выбрал каменную скамью, стоявшую дальше всех от главной двери, открывавшейся в сад, и жестом указал Мэри на нее.

— Не угодно ли вам будет присесть? Если, конечно, вы не находите это место слишком солнечным.

Герцогиня Ричмонд, не говоря ни слова, присела, расправив платье, которое, как она заметила, было того же красного оттенка, что и роза в центре сада. Для принца места на скамье не хватило, поэтому он остался стоять, облокотившись на колонну. Руперт чуть согнул левую ногу и завел ее за правую. Такая поза со стороны могла показаться небрежной, но, приглядевшись, было видно, что это не так.

Наконец он произнес:

— Мадам, я с четырнадцатилетнего возраста солдат и ничего больше не умею. Моя жизнь проходит в постоянном движении, и нет никакой надежды, что я смогу найти удовлетворение в чем-то еще. Три года назад во время сражения меня взяли в плен и бросили в тюрьму, у меня не было средств заплатить выкуп и вообще шансов освободиться. Единственной для меня возможностью вновь обрести свободу было принять католичество и согласиться сражаться в армии императора Священной Римской империи. И от того, и от другого я отказался. Первые двенадцать месяцев заключения были самыми худшими в моей жизни. У меня нет слов, чтобы выразить, как я был несчастлив.

Он произнес это с таким отчаянием, что Мэри не могла оторвать от него глаз.

— Затем меня пожалели, и у меня даже появился друг. Ей следовало бы обращаться со мной с крайней строгостью, потому что она была дочерью моего тюремщика, графа фон Куфштайна, однако этого не случилось. Я никогда ее не забуду. Она спасла мое будущее. Несмотря на противодействие некоторых, моя просьба была удовлетворена, и в прошлом году я получил свободу. Этот человек изо дня в день возвращал меня к жизни, дарил надежду и в итоге спас меня. Благодаря ей я узнал, что такое искренняя... дружба.

Перед последним словом он сделал паузу, и Мэри опустила глаза. Она почувствовала странное опустошение. Если бы принц произнес слово «любовь», то она была уверена, что ощутила бы ревность. Мэри не поднимала глаз, кончиками пальцев теребя атласное платье.

— Мадам, вы видите, в этой стране я в ловушке, и вы знаете, что мое место в Англии рядом с моим дядей. Нет нужды говорить вам, что безделье для меня мука, такая же ужасная, как и тюрьма. Я подошел к тому моменту, где хочу осмелиться просить вас об услуге. Если вы не можете оказать мне ее, пусть так и будет, но... если это в ваших силах, а я вижу как тепло вы относитесь к моей тете, — он вздохнул, — то согласитесь стать моим другом.

Герцогиня подняла глаза, совершенно изумленная его заключительными словами.

Руперт выпрямился и отступил, когда увидел ее лицо, как будто в ожидании приговора. До того как Мэри заговорила, он добавил:

— Если я могу завоевать вашу дружбу, то я прошу вас сказать мне как.

— Ваше высочество, — проговорила она, запинаясь, — разве дружбу завоевывают? Она или возникает между людьми или нет.

— Значит, вы меня ненавидите! — воскликнул он пылко. — Почему? Что я вам сделал? Но как бы то ни было, позвольте мне исправить положение. — Прочитав по лицу Мэри, что она шокирована, он быстро произнес: — Между нами барьер, он всегда был, если я не могу его разрушить, если ваша ненависть величина постоянная, пожалуйста, скажите мне об этом, и я больше не буду докучать вам.

Как бы в подтверждение своих слов принц отодвинулся, готовый пересечь сад и уйти.

Герцогиня Ричмонд протянула руку.

— Нет! Ваше высочество, позвольте мне заверить вас в том, что я не ненавижу вас. Меня ужасает, что вы могли подумать такое.

Принц приподнял бровь и посмотрел на ее протянутую руку. Мэри тотчас опустила ее. Разговор принял неожиданный поворот, но она не имела ни малейшего желания возвращать его в старое русло. Ее голос наконец-то перестал дрожать.

— Я виню свою манеру поведения, я не была с вами приветлива, когда вы были моложе, я дразнила вас. Я помню и, вероятно, буду снова это делать. Я веду себя так со всеми, — сказала она, силясь улыбнуться.

Руперт задумчиво произнес:

— Я не был достаточно зрелым, чтобы распознать это. Я боялся вас.

Мэри издала короткий смешок.

— Позднее вы тоже меня боялись?

Принц выглядел рассерженным.

— Это невозможно! С какой стати?

— Ваше высочество, вы описали мне себя, свои чувства, хотя я уверена, что вы сомневаетесь, что портрет завершен. Теперь позвольте мне сделать то же самое.

— Я очень избалованное, фривольное, любящее роскошь и требовательное создание. Мне нравится быть счастливой, по моему наблюдению, более, чем кому-либо из всех, кого я знаю, и мне нравится делать счастливыми других сообразно своим представлениям. — Голос Мэри снова задрожал. — С начала этого года все то, что я перечислила, стало невозможным, у меня по-прежнему есть цель в жизни, но я перестала радоваться.

Руперт покачал головой.

— Я не понимаю. Почему это заставляет вас бояться меня?

— Мой мир изменился так сильно, что я едва вижу свое место в нем. Я не смогу вынести, если он будет разрушен, простите меня, пожалуйста, но вы вынудили меня высказать все, что у меня на душе. Если мой король будет воевать со своими подданными, то вы станете инструментом в его руках. Вы его единственная надежда на победу. Я четко это понимаю. Но как это ни ужасно звучит, именно вы будете причиной его гибели.

После этих слов Мэри ожидала взрыва негодования, за которым последует конец разговора, и всем своим существом боялась, что сейчас на нее падет его гнев, и смотрела на его лицо, как будто видит его в последний раз.

К ее удивлению, принц быстрым движением опустился перед скамьей на землю и сел, вытянув одну ногу перед собой, а другую ногу приподняв, положив при этом на колено руку. Он пристально смотрел на траву и над чем-то размышлял. Спаниели, почувствовав изменение в настроении принца, довольные тем, что могут теперь до него дотянуться, ринулись из тени на солнце и кинулись лизать его сапоги и пытаться допрыгнуть до его переплетенных пальцев.

Руперт поднял голову, чтобы взглянуть на Мэри. Его лицо, обрамленное густыми волнами волос, внезапно стало таким же открытым, как много лет назад, когда он приехал ко двору совсем еще мальчиком.

— Это все? Теперь я знаю. Вы считаете меня безрассудным, опрометчивым, своевольным, воинственным, безжалостным, агрессивным сверх всякой меры.

Невольно на губах герцогини появилась улыбка, но она решительно прервала его:

— Одним словом, да.

— Таким меня считают, но на самом деле это не я. — Руперт снова с надеждой посмотрел на нее, как будто это объяснение было исчерпывающим, затем вздохнул и торжественно продолжил: — Поверьте этому, мадам, а я готов поклясться, как католик на Библии, что не собираюсь присоединиться к королю Карлу из страсти к войне. Я желаю отправиться туда не потому, что я бывалый солдат, ветеран многих кампаний, одержимый школяр военного искусства, готовый взяться за любое задание, а потому, что у меня нет ни малейшей идеи, чем еще заняться. — В его голосе появилась тревога. — Я поеду даже не ради моего дяди, а чтобы спасти английское королевство. — Руперт выдержал ее взгляд. — Я не сказал бы этого никому кроме друга. Вы поможете мне осуществить мою мечту?

Это было грандиозно и так по-юношески. Руперт был доверчив и говорил с таким пылом и живостью, которые он привносил во все, что бы ни делал.

Мэри снова протянула свою руку, не заботясь о том, что ее могут увидеть из комнаты королевы. Руперт сразу же взял ее и крепко пожал.

— Дайте мне время. Я пока не могу ответить, но точно знаю, что больше не боюсь вас, — сказала она.

Принц Руперт Рейнский, граф Палатинский, рыцарь Ордена Подвязки, третий сын королевы Богемии Элизабет, давал большой банкет в Вассенаер-Хофф перед своим отъездом в Англию. Присутствовали все, кто хоть что-то значил при дворе, включая штатгальтера, нескольких членов Федеральных Штатов и многих известных бюргеров Гааги. Кроме того, те, кто наполнял сундуки королевы Генриетты-Марии и кто поставлял оружие, которое принц купил для армии. Все эти люди сидели рядом с высокопоставленными лицами, вместо того чтобы разместиться в конце громадного стола, что придавало необычно демократический оттенок всему событию.

По правую руку от принца расположилась его мать, а по левую — тетя. Некоторые из его братьев и сестер также присутствовали. Забавно было наблюдать, что те, кто сражался под его командованием в Англии, сидели к нему ближе, чем остальные. Принца Карла-Луи, наследника его матери и ее явного фаворита, не было среди самых почетных гостей. Это объяснялось тем, что для Руперта он перестал существовать с тех пор, как ускользнул из Англии, когда дела приняли неблагоприятный для короля оборот. И к тому же он не имел намерения возвращаться. Королева Элизабет говорила, что несколько стыдится этого и боится, что честь Карла-Луи слегка задета, но фактически она не побуждала любимого сына вернуться и в равной степени сделала бы все, чтобы предотвратить отъезд принца Руперта. Зимняя королева проявляла осторожность, когда речь заходила о том, чтобы отправлять своих сыновей поднимать оружие против пуритан. Что же касалось младшего брата Руперта Мориса, солдата, как и он сам, то он тоже сидел во главе стола, смеялся и под-

нимал заздравные тосты. Здесь также присутствовала принцесса Мэри Оранская, которую уже несколько месяцев приучали принимать участие в общественной жизни Гааги, согласно инструкциям принца Вильгельма. Ей всегда выражали уважение, соответствующее ее рангу. Принцессу посадили достаточно близко к хозяину, чтобы она могла разделить его веселье. Ее сопровождали барон Геенвлиет, великий суперинтендант ее двора, и его жена, английская аристократка, которая приходилась ей гувернанткой. Бюргеры, ревностно относящиеся к своему высокому положению, были удивлены, увидев за столом простых военных, среди которых были шотландский инженер, эксперт по амуниции и три офицера-кавалериста: Ричард Крейн, Сомерсет Фокс и Дэн О'Нил.

Повсюду поднимались тосты. Один из них был за королеву сердец, и принц Руперт прочел на память сонет, написанный много лет назад сэром Генри Уоттоном в честь его матери Элизабет.

*Вы убоги, красавицы ночи,
Может едва ваш ряд,
Порадовать наши очи,
И чей-то случайный взгляд.
Но больше количеством, чем сияньем
Вы привлекаете внимание.
Вы просто жители небес
Обычные тогда,
Когда среди множества чудес
Восходит одна луна.*

Не один человек заметил, что, когда принц подошел к концу стихотворения, его взгляд был направлен на герцогиню Ричмонд, сидевшую поблизости. Вероятно, он, как и другие, почувствовал, что светло-

волосая герцогиня чем-то похожа на Элизабет, когда та была совсем юной.

Сама Мэри была счастлива. Она пребывала в ожидании и горела, как в лихорадке, хотя ей удавалось скрыть волнение, рассчитывая, что люди подумают, что ее щеки раскраснелись от веселья на приеме. Мэри была счастлива, потому что ее письма к ее мужу и к королю Карлу, а кроме того, серьезные беседы с Генриеттой-Марией помогли убедить их величества, что место принца Руперта в Англии. Король принял решение и назвал своих командиров. Согласно королевской традиции, он сам будет вести армии, как генерал-капитан. Граф Линдсей, если Мэри правильно помнила, ему было около шестидесяти лет, был лордом-генералом, а принца Руперта назначили генералом конницы, командиром всей королевской кавалерии, подотчетным не Линдсею, а прямо королю. Но помимо прочего, Мэри беспокоилась, как ее друг проявит себя на службе Карлу, сможет ли он добиться того, в чем он убеждал ее: быстрой решительной победы, а затем окончательного договора с парламентом.

Кроме того, Мэри переживала, что нарушила свои жизненные принципы и использовала свое влияние на короля и королеву для выгоды Руперта. Карл и Генриетта-Мария теперь смогли увидеть, что она защищает дело кого-то еще, а это был поступок, которого она не совершила бы никогда прежде, даже в интересах своего мужа. Никогда она не давала повода своим приемным родителям вообразить, будто способна плести интриги или участвовать в тайных сговорах. По праву рождения Мэри принадлежала к самому узкому кругу доверенных лиц. Король с королевой всегда оказывали ей покровительство, так как знали, что она заслуживает этого. Она должна продолжать соблюдать меры предосторожности, чтобы все считали, что поддерживать Руперта является частью ее

обязательств по сохранению королевства. Никто не должен подумать, что Руперт слишком сильно повлиял на нее.

Мэри была счастлива, что они с Рупертом стали друзьями, а также смущена этим. Она объяснила ему, что боится его из политических соображений, но не сказала, что его присутствие волнует ее и что их тесная дружба заставляет ее терять над собой контроль. Каждый день она жаждала увидеть его и очень разочаровывалась, если он не приезжал. Сегодня она сожалела, что он уезжает, и корила себя.

После того как принц произнес тост в честь Генриетты-Марии, который та снисходительно приняла, гул голосов смолк, и Руперт, посмотрев ей прямо в глаза, обратился к ней через стол:

— За герцогиню Ричмонд, — присутствующие улыбнулись. О том, что именно она повлияла на королеву в пользу Руперта, было хорошо известно всем, но это едва ли могло стать поводом для очередного тоста. Принц поднял свой бокал и, не отрывая от нее взгляда, добавил: — Моего всегдашнего друга.

Мэри тихо рассмеялась и сделала то же самое.

— Я думаю, что каждый знает, какова ситуация на самом деле. Я ваш недавний, но искренний друг, ваше высочество, — герцогиня помедлила и, притворившись, что сделала глоток, поставила бокал, — но, конечно же, без посредничества лорда Арундела я по сей день продолжала бы препираться с вами.

Руперт занервничал.

— Арундел?

— Перед своим отъездом он рассказал мне о том, что он предложил вам.

Слушатели чрезвычайно заинтересовались, поэтому Мэри снова засмеялась и продолжила:

— Его высочество произнес очень милую речь о дружбе, взывая, конечно, к моим чувствам, а это са-

мая уязвимая часть меня. Это знает каждый, — она улыбнулась ему, — и он завоевал мою дружбу.

Принц поморщился.

— Я привык думать, что дружба это что-то, что либо возникает между людьми, либо нет. Как тогда быть в этом случае?

— Вы искусно убедили меня в обратном. Видите ли, в вас гораздо больше от ловкого придворного, чем вы сами предполагаете. — Присутствующие рассмеялись, но Руперт выглядел неуверенно, поэтому Мэри с легкостью закончила: — Ваше высочество, я дразню вас. Помните, я обещала, что буду это делать.

Руперт заулыбался, и разговор затих, но Мэри заметила, как он вздрогнул, решив, что она может перед всеми рассказать об их решительном столкновении. По крайней мере, теперь он понял, что она знает, что в тот день Руперт обратился к ней не из-за того, что сам так решил, а потому что Арундел посоветовал превратить ее в свою сторонницу.

Тем не менее Мэри не испытала негодования из-за его поведения, потому что в противном случае это бы показало, насколько уязвимой она была. Мэри могла дразнить его, чтобы установить определенную дистанцию между ними, и заявить перед всеми, что у нее нет секретов, которые нужно хранить. Но в действительности свидание в саду, залитом солнечным светом, опасно приблизило ее к нему, хотя он даже не подозревал об этом.

Когда прием закончился и гости стали расходиться, королева Генриетта-Мария пригласила самых близких в свои личные апартаменты в Новом Дворце, чтобы выпить за здоровье отъезжавшего принца. Мэри никогда не видела королеву такой веселой и жизнерадостной в предвосхищении будущего. Она теперь считала свою миссию наполовину выполнен-

ной, так как она могла организовать отъезд Руперта в Англию и рассматривала его как своего персонального защитника.

Генриетта-Мария, с улыбкой посмотрев на всех, произнесла:

— Сегодня вечером у нас радостное событие, однако мне жаль, что мы не в стране, где любят пирушки, иначе мы могли бы танцевать всю ночь.

— Даже если бы сдержанность голландцев не запрещала этого, то все равно у нас нет здесь подходящего для танцев помещения, мадам.

— Ах, — произнесла Генриетта-Мария с ностальгией, — вы никогда не услышали бы ничего подобного при французском дворе. Там танцуют под каждым предлогом и в каждом углу. Руперт, — продолжила она, — в своих путешествиях вы, должно быть, научились чему-то новому и могли бы продемонстрировать нам это. Никто не станет возражать, если танцевать будете вы, если, конечно, предположить, что о нашем секрете не станет когда-либо известно. Вы ведь не настолько кальвинист, чтобы отказать нам, я надеюсь.

Принц Руперт приподнял брови.

— Я встречал ваших соотечественников только на поле боя, тетя.

— Я знаю, а как насчет Тюренна*.

— Он был также украшением при осаде Лувена**, но... — принц помедлил, и Мэри заметила, что в его

* Тюренн Анри де Ла Тур д' Овернь — французский полководец, маршал Франции (1643), сын герцога Буйонского (одного из вождей гугенотов), внук Вильгельма I Оранского. Во время Тридцатилетней войны 1618–48 между габсбургским блоком (испанские и австрийские Габсбурги, католические князья Германии, поддержанные папством и Речью Посполитой) и антигабсбургской коалицией (германские протестантские князья, Франция, Швеция, Дания, поддержанные Англией, Голландией и Россией) быстро выдвинулся благодаря выдающимся способностям и личной храбрости.

** Лувен, или Лёвен — университетский центр Бельгии, где находится самое старое учебное заведение страны.

глазах появилось озорство. — Очень хорошо, есть несколько новых па, которые я могу показать, но для этого мне нужно место.

Королева от удовольствия захлопала в ладоши, а леди придвинули свои стулья к стенам комнаты. Мэри не удалось поймать взгляд принца, что ее немного насторожило. Он начал грациозно двигаться. Он развязал перекинутый через плечи, вышитый драгоценностями шарф, развернул его и вышел на середину комнаты. Затем сделал несколько плавных движений ногами и с торжественным выражением на лице поднял руки так, что они образовали арку над его головой, при этом его пальцы затрепетали, напомнив Мэри крылья капризной бабочки.

Все с той же торжественностью он замер на месте, потом опустил руки, развел их в стороны и выставил перед собой ногу. Все взгляды были прикованы к нему. После чего Руперт немного потоптался на месте. Мэри приложила руки к губам, чтобы скрыть улыбку.

Чуть-чуть покачнувшись, принц описал ногой перед собой полукруг, и на его лице появилась притворная актерская улыбка. Мэри начала хихикать. Бросив на нее возмущенный взгляд, Руперт внезапно опустил ногу и выполнил два быстрых пируэта, перебросив шарф через лицо и спутанные волосы и хлопая в ладоши.

— О нет! — воскликнула королева с упреком и начала смеяться.

Принц не пощадил никого. Вприпрыжку двигаясь по комнате, он впивался глазами в каждого из присутствующих, останавливаясь около него на расстоянии в несколько дюймов и принимая при этом позу высокомерного испанского матадора. Или, если выражаться менее официально — полного идиота. Графиня Дерби, охваченная диким приступом веселья, не

могла даже смотреть на принца, когда тот остановился перед ней. Она сидела, опустив голову, и поворачивала ее из стороны в сторону, чтобы избежать его взгляда. Никто не мог удержаться от хохота, когда он приближался. А брат Руперта Морис умолял его со слезами на глазах отойти.

Принц закончил свой танец около Мэри, которая теперь смеялась так сильно, что едва могла дышать. Уставившись прямо ей в глаза, он выполнил глубокий и сложный поклон, содержащий так много поворотов и взмахов руками, что сам закружился, его ноги запутались, он не смог удержать равновесия и свалился прямо к ее ногам. Раздались бурные аплодисменты. Приподнявшись на локтях и заметив слезы от смеха, струившиеся из глаз у Мэри, он положил руку себе на грудь, вытащил из нагрудного кармана кружевной платок и, смеясь, вручил ей.

По-прежнему задыхаясь от смеха, Мэри взяла платок, расправила его и прикрыла им лицо. Держа платок у лица, чтобы скрыть смех и слезы, она поняла, что влюблена.

Принц Руперт так торопился выполнить свою миссию, что отплыл с очень маленькой свитой на «Льве», корабле, на котором он отправлялся в путь из Дувра в феврале. Капитан был тот же, но его поведение заметно изменилось. Когда их в первый же день путешествия настиг шторм, капитан настоял на том, что ради безопасности принца им следует пристать к берегу и оставаться, пока буря не утихнет. Руперт был не согласен и разгневался, но ничего не мог поделать против проклятого стечения обстоятельств. Он смирился и оставался на носу корабля все время, пока они плыли к земле. Принц нашел на берегу квартиру, где мог оставаться до утра в ожидании лучшей погоды.

Но утром «Льва» на месте не оказалось. Ночью корабль уплыл без него. Ярость, охватившая принца, перепугала всех. Его маленькая компания была в панике. Он злился на себя за то, что не распознал двуличие капитана, и был готов разорвать на куски того, кто подбил негодя на подобный трюк. Кроме того, у Руперта с опозданием возникли подозрения, что виновницей случившегося является его мать, которой, вероятно, помогал и подбил на подобную выходку Карл-Луи.

Затем пришло письмо. В бешенстве Руперт надорвал конверт, но минутой позже разглядел бумагу пальцем и сел читать.

Письмо пришло от герцогини Ричмонд. Он был и удивлен и обрадован, увидев ее затейливую подпись в конце страницы. В то утро, когда он уезжал, Мэри плохо себя чувствовала. Она закрылась у себя в комнате и была не в состоянии проститься с ним. Тогда это объяснение удовлетворило его.

«Сообщаю Вашему Высочеству, что хотя письмо написано моей рукой, оно в действительности является посланием моей милостивой королевы, которая написала бы Вам сама, но из-за почтения, уважения и нежной благодарности, которые она питает к королеве Богемии, а также из-за своего естественного желания никогда не доставлять неприятностей или смущать Вашу мать ни словом, ни делом.

Понимая это, Ее Величество разрешило мне таким образом передать Вам информацию, которая, мы боимся, однако, не доберется до Вас до того, как вы отплывете. Извините за опоздание, если таковое будет иметь место. Я получила эту информацию около часа назад и тут же посоветовалась с Ее Величеством.

Речь идет о следующем: мы боимся, что капитан «Льва» не достоин вашего доверия. В действительности

ему были даны указания помешать Вашему отплытию в Англию. Если Вы встретитесь с трудностями подобного рода, и да сохранит Вас Бог от каких-либо еще более серьезных, моя королева просит меня заверить Вас, что в порту в Вашем распоряжении находится корабль, отправленный штатгальтером. Самое горячее желание Ее Величества, чтобы Вы ни к кому, кроме нее, не обращались за помощью в Вашей славной миссии, которую предпринимаете ради нее, ее мужа и Англии».

Никакой приписки, кроме подписи герцогини, не было. Руперт свернул письмо, поцеловал его, положил внутрь своего дублета и вышел, чтобы посмотреть, где может находиться корабль штатгальтера. На этот раз приготовления его были более чем продуманными. Он послал за всеми, кого хотел видеть. На этот раз, отъезжая к острову своей мечты, он взял на борт своего брата Мориса, гостей-военных, присутствовавших на банкете, собаку Мальчика и новую любимую обезьянку.

Глава 8

С тех пор Мэри получала новости от принца только в письмах. О нем часто упоминалось в посланиях ее мужа, а также в получаемых ею от случая к случаю остроумных письмах лорда Дигби, который стал теперь губернатором Ноттингема. Письма Джеймса были логичны, информативны и иногда сильно заставляли ее нервничать. Читая их, Мэри столкнулась с правдой: поддержав идею возвращения Руперта в Англию, она помогла ему отправиться туда, где ему угрожала серьезная опасность.

С момента своего прибытия принц проводил время, буквально летая по Йоркширу и Мидленду. Он командовал королевской конницей и захватывал все парламентские отряды или их припасы, попадавшие ему на пути. Наконец он атаковал имение в Уорвикшире, а затем обнаружил, что его противником была леди. Руперт оставил нетронутым все ее имущество и поехал дальше. В целом же он был безжалостен и требователен, когда конфисковывал в сельской местности продовольствие в пользу короля. Он всегда старался беречь своих людей, какими бы значительными ни были силы противника. Герцог с нехарактерным для него пристрастием рассказывал Мэри, что принц уже снискал себе репутацию непо-

бедимого и это нагоняет дьявольский страх на тех, кто находится на стороне парламента.

Доклады Дигби, хотя и несколько одиозные, рисовали более ясную картину.

«Принц Руперт вначале высадился в Тайнмуте, сразу же сел на коня и поскакал к королю, но в морозных сумерках его жеребец поскальзнулся и упал на него, и принц вывихнул плечо.

Как только им удалось найти костоправа в такой час ночи, не могу себе представить, – писал Дигби. – Надеюсь, что сам я буду более осторожен, и он мне не понадобится. Но как-бы там ни было, принцу вправили плечо, и он поехал дальше. Я услышал об этом, когда он приехал уже в Ноттингем. Я разбудил Его Высочество посреди ночи, чтобы проинспектировать новое оружие, о котором страстно желал получить известие Его Величество».

Слов Дигби было достаточно, чтобы она ощутила, что сама была там. Мэри увидела, как принц Руперт приходит в сознание, а кто-то стоит около его смятого матраса. Как он поднимает бледное измученное лицо к этому человеку, затем сжимает губы, с усилием поднимается, натягивает одежду и затем отправляется выполнять свой долг.

«Король поднял королевский штандарт в Ноттингеме 22 августа, – сообщал Дигби, – а ночью его сдуло.

Это было воспринято в тот момент, как дурное предзнаменование, – писал ее друг, – но, вероятно, это можно объяснить тем, что тремя днями ранее принц двумя выстрелами попал в хвост флюгера на верхушке церкви Святой Марии в Стаффорде. Я не разбираюсь в подобных вещах, но, насколько я знаю, это был подозрительный знак. Теперь мы в Шруссбери, куда прибыли 22 сентября, и теперь с нетерпением ожидаем дальнейших чудес».

Сбор денег у королевы шел быстро, и это доставляло Генриетте-Марии огромное удовлетворение, хотя ей всегда было о чем беспокоиться. Она волновалась о своих старших мальчиках Карле и Джеймсе, которые были теперь с королем, но еще больше беспокоилась о двух младших детях, которые все еще находились в Сент-Джеймском дворце в Лондоне. Парламент заверил, что они целы и невредимы и им обеспечен хороший уход, но Генриетту-Марию это не успокаивало, и Мэри едва ли могла винить ее за то. По одной из версий, маленькая Элизабет и Генри были заложниками поведения своих родителей. Мэри удручала мысль о том, что шестилетний ребенок и полуторагодовалый младенец находятся в таком положении. Парламентарии вели себя настороженно, однако, когда графиня Роксборо, гувернантка детей, обратилась к ним за помощью, заявив, что дети во многом нуждаются, а спикер Лентел сказал, что такое бедственное положение королевских детей постыдно, было решено выделять восемьсот фунтов в месяц на их содержание.

— Иногда я думаю, — однажды призналась Мэри Генриетта-Мария, — отправить вас в Лондон, чтобы выяснить, что там произошло с моими малышами. У вас нет детей, моя дорогая, поэтому вы не можете испытывать материнские чувства, которые могли бы ввести вас в заблуждение, а мне нужен откровенный и полный отчет. Вы так подробно все описываете, что я сразу пойму, как обстоят дела, если вы напишете мне.

Мэри посмотрела на свои руки, покоившиеся на коленях, удивляясь тому, что даже в этой позе все равно выглядит не по-матерински.. Пять лет замужем, а детей нет. Что заставляет людей думать, будто она не хочет их? Она хочет. Если ее отошлют в Англию, зачем ей отправляться в Лондон, когда ее настоящий

дом около короля, где бы он ни был и где бы ни находился Джеймс, герцог Ричмонд, предоставивший свое состояние, поддержку и даже жизнь в полное распоряжение короля. Ее место там, откуда принц Руперт Рейнский ведет королевскую конницу против парламента.

Она подняла глаза.

— Я прошу вас, мадам, если вы думаете отослать меня в Англию, то не дадите ли вы мне задание, которое можно выполнить, находясь рядом с мужем. Каждый раз, читая его письма, в каждой строчке я вижу, как он желает моего возвращения, хотя напрямую никогда не говорит об этом.

Генриетта-Мария потянулась и похлопала Мэри по руке, поддавшись одному из своих внезапных порывов проявления симпатии, которые так обезоруживали Мэри.

— Простите меня, нет, вы не поедете в Лондон. Вы останетесь со мной, моя маленькая Молл, мы обе стали практически вдовами из-за этой войны, но мы выиграем ее, и наша радость будет тем большей, когда любовь снова вернется в нашу жизнь.

Граф Эссекс скакал по мирной сельской дороге, по обеим сторонам которой тянулись низкие плетеные изгороди. Это позволяло ему видеть поля со жнивьем и случайные луга, прилегавшие к небольшим рощицам, все еще сохранявшим свой зеленый летний цвет. Но была уже осень, он и принц Руперт так еще и не встретились, однако это должно было случиться в ближайшие дни. Эссекс знал, где приблизительно находится принц, и отдавал себе отчет, что тому нужен был Лондон. Вот почему он первый собрал армию из пятнадцати тысяч человек и выстроил ее у Норхемптона, по линии марша, который принц должен будет предпринять, чтобы достичь своей цели.

Лето для Эссекса выдалось необычайно тяжелым. Он собирал людей, подбирал им экипировку и пытался придать своему войску некое подобие порядка. Несмотря на то что ему приходилось нелегко, он понимал, что люди короля работали не менее усердно, и благодаря этому он ощутил некоторое удовлетворение после того, как миновали горячие месяцы обучения. Парламент, принявший в феврале билль о мобилизации и вооружении милиции*, не встретил никаких препятствий по созыву армии. Король Карл, будучи в хорошем настроении, подписал билль по дороге в Дувр, ко всему прочему еще и сняв обвинение с пяти членов парламента. Однако когда дело дошло до вооружения милиции, Карл откладывал этот вопрос так долго, что парламент в итоге принял его сам, а именно это то и стало инструментом, который был необходим Эссексу. Он начал с Лондона и его окрестностей, заручаясь поддержкой отрядов каждого города и строя на их основе свою армию. Хотя так называемые подготовленные отряды были, на его взгляд, названы так исключительно ради шутки.

Тем временем король, лишенный всего, за что боролся в течение последних нескольких лет, а именно, денег для своей армии, должен был созывать отряды, прибегая к комиссии. Аристократы тут же сплотились, чтобы выполнить это поручение, но нашлись и такие, кто уже потратил целые состояния, вооружая войска на свои деньги для короля. Набирать рекрутов было нелегко ни для одной из сторон, но Эссекс считал, что его собственная армия должна быть больше королевской и более сплоченной. Главные силы короля недавно находились в Шруссбери. Но Эссекс считал, что их целью был Ворчестер и что в этот самый момент король Карл и принц Руперт ве-

* Народное ополчение Лондона.

дут свои войска к югу через живописную сельскую местность Уика прямо навстречу ему.

Настало время им с Рупертом встретиться. И причин для этого было несколько. Эссекса раздражали преувеличенные, как он думал, рассказы об этом парне, которые просачивались даже в его ряды армии чуть ли не каждый день. Говорили, что принц Руперт бывает в таком большом количестве мест в течение короткого промежутка времени, что большинство суеверных людей считают его колдуном, способным раздваиваться, чтобы присутствовать одновременно в двух местах, и что он никогда не нуждается в отдыхе. Это, конечно, было похоже на фарс. Принц летал по местности, как демон, потому что с капитан-генералом вроде короля Карла он должен был проводить координацию военных собственноручно.

Много городов в регионе, опасаясь гражданской войны, заявили о своем нейтралитете — тактика, которую принц Руперт просто игнорировал, захватывая что мог и где мог. Эссекс одобрял подобные действия, потому что и сам намеревался делать нечто подобное, но пока это придавало действиям принца определенную дикость и жестокость.

В то же самое время Эссекс не мог недооценивать своего противника. Он узнал о манере принца вести войну от англичан, подобных лорду Крейвену, которые служили вместе с Рупертом в Европе. Принц был беспощаден, стремителен, в общем, остановить его не представлялось возможным. У принца Руперта никогда не было ранений, ему всегда удавалось отделаться царапинами. Руперту дьявольски везло. Однажды в разгар сражения кавалерист прорвался прямо к нему и направил пистолет на его голову, но произошла осечка. После этого случая он несколько раз смотрел в лицо смерти и все время выходил победителем. Под Влото принц был взят в плен, когда скакал

один, преследуемый австрийским отрядом. Тогда он попытался заставить свою лошадь преодолеть высокое препятствие, но животное отказалось. В этом не было ничего удивительного, потому что далеко не все лошади могли перенести этого гиганта над чем-либо более высоким, чем изгородь из куманики.

У Эссекса было достаточно информации о методах принца, которые вряд ли отличались от тактики голландцев и которые он выучил еще вначале своей карьеры благодаря сэру Горацию Вере в Палатинате. Тогда он фактически воевал за отца принца, поэтому ничего нового в предстоящем столкновении Эссекс не ожидал. Мысль о том, что он станет противником принца Руперта Рейнского на поле боя возбуждала его.

Эссекс послал авангард из тысячи человек, чтобы незамедлительно, до прихода его главных сил, разведать окрестности Ворчестера и дать ему знать, взял ли король город. А если взял, то как собирается оборонять его. А если случится встретиться с авангардом принца Руперта, то им предписывалось соблюдать крайнюю осторожность.

Был прекрасный день, больше напоминавший летний. Местность хорошо просматривалась, даже если по краям дороги встречались деревья, то их кроны не мешали видимости, потому что они потеряли уже много листвы. Ничто никого не настораживало до тех пор, пока они добрались до Першора.

Плохие новости принес капитан Натаниэль Фьенн, член парламента, человек умный и храбрый. Граф с угрюмым видом внимательно его выслушал.

— Нам пришлось вступить в стычку, милорд, и я с сожалением должен сообщить вам, что окончилась она для нас крайне плохо.

— Вас преследуют?

— Нет, милорд.

— Продолжайте. Где, как и сколько вы потеряли?

— Мы добрались до Поувика, милорд, две мили к юго-западу от Ворчестера. По дороге полковник Сендис уверился, что король не в Ворчестере, а сэр Джон Байрон недавно был там, но оставил город. Полковник решил, что люди короля, которых мы заметили в полях, всего лишь маленький отряд. Они не стали располагаться в крупном поселении, а остановились в маленьком населенном пункте под названием Поувик-Хем. Они находились через реку Тэм за мостом.

— Полковник дал приказ атаковать, я предполагаю.

— Мы... — Фьенн минуту поколебался, он явно боролся с собой, размышляя, стоит ли ему говорить дальше или нет. — Три капитана в отряде были против, милорд, — он снова сделал паузу, решив не упоминать свое имя в их числе, и продолжил: — Причина заключалась в том, что отряд оказался отрезан рекой. С одной стороны были крутые берега, а с другой — несколько размытых водой оврагов. Мы не могли хорошо разглядеть наших врагов, но похоже было, что они отдыхают. Они спешили, и рядом с ними не находилось оружие. Мы приблизились к ним на достаточное расстояние, и полковник приказал идти в атаку. Короче, милорд, многие попали в ловушку, и их не пощадили.

Эссекс почувствовал, как офицеры, стоявшие вокруг него, вздрогнули. Фьенн на несколько секунд сделал паузу, потом снова продолжил:

— Там находился принц Руперт, милорд. Едва увидев нас, он тут же вскочил в седло, и его отряд атаковал нас. Они поймали нас между мостом и рекой. Там такой странный мост: узкий, с проходами для пешеходов по каждой стороне, где можно стоять, пропуская повозки и лошадей. Вот он и сыграл с нами.

— Сколько людей мы потеряли?

— Полковник Сендис получил смертельное ранение, кроме того, погибло пятнадцать офицеров, и я не уверен, сколько точно убито солдат — сотня или больше. Противники также захватили около сотни пленных.

— Он ушел? Он скакал по вашим головам и не стал продвигаться вперед? Что же произошло, капитан?

Фьенн внезапно чуть не расплакался.

— Что произошло, милорд? А то, что наши парни теперь хоронят мертвых, и все, что я могу предложить вам, чтобы получить дальнейшую информацию, это скакать туда и сосчитать их. Если вы прикажете.

— Я сам это сделаю, — проворчал Эссекс, затем напряжение немного спало, и он похвалил капитана за доклад и за то, что он не потерял голову в подобной ситуации.

Эссекс оставил Фьенна с армией, а сам взял несколько испытанных солдат в качестве проводников и помчался с группой офицеров к Поувику. Все было так, как и описал Фьенн. В поисках свидетелей его люди наткнулись на церковного служителя из Ингборо Ричарда Бакстера, который видел часть сражения, но затем укрылся в Поувике.

Граф заметил, что Бакстер был чувствительным человеком, увиденное потрясло его, и на него произвела неизгладимое впечатление жестокость роялистов. Граф разговаривал с ним в церкви наверху холма. Это, казалось, придало молодому служителю англиканской церкви некоторую уверенность. Эссекс знал также, что его визит в церковь обескуражит некоторых солдат его армии, которые считали, что сунуть голову в церковь означает отдать дань Всемогущему.

Бакстер много знал о положении роялистов. Не было сомнения, что он почерпнул эту информацию от своих прихожан. Сэр Джон Байрон, один из ко-

мандиров короля, двигался по направлению к Ворчестеру с большим грузом утвари и сокровищ из Оксфорда, предназначенных для казны короля. Король послал принца Руперта встретить Байрона и оккупировать Ворчестер, но принц, зная, насколько несовершенна оборона города, решил не делать этого и отослал Байрона с его грузом, чтобы тот присоединился к королю в Шрусбери. Сам же принц сформировал отряды и тщательно расставил их, чтобы прикрыть продвижение Байрона, поэтому, увидев людей Эссекса, он тут же атаковал их и разбил в пух и прах.

После отъезда принц прислал своего собственного священника, его преподобие Леси, к умирающему полковнику Сендису, которого не взяли в плен, но решили отправить в Ворчестер.

Красивая, добротнo построенная церковь погрузилась в тишину после того, как Ричард Бакстер закончил свой рассказ. Эссекс заметил, что многое осталось невысказанным, многое из того, что Фьенн не смог заставить себя произнести. Граф сидел на скамейках для молящихся вместе с церковнослужителем в задней стороне нефа и наблюдал за пылинками, крутившимися в последних лучах света, проникавшего через высокие окна.

— А вы не думаете, что могли бы стать священником в армии? — он не обратил внимание на то, что Бакстер вздрогнул, и продолжил: — С прискорбием должен признать, что наши ребята являются свидетелями подобных действий, какие вы сегодня видели, каждый день. Призвание свыше обеспечить им спокойствие, предлагаемое Писанием, когда они так нуждаются в этом.

Бакстер посмотрел на него с таким ужасом, что Эссекс сразу поднялся, поблагодарил его, пожал ему руку и вышел. На улице он приготовился скакать к опустошенному Поувик-Хему и затем к Ворчесте-

ру. Отсюда он мог видеть темную башню собора, поднимавшуюся над городом. Принц Руперт мог и не хотеть города, но Эссекс оккупирует его с удовольствием, и в следующий раз, когда его армия встретится с принцем, он сам встанет во главе ее со шпагой, пистолетом и с чем-либо еще, чтобы прогнать выражение триумфа с этого молодого высокомерного лица.

— Энн, — сказала Мэри одной прохладной сентябрьской ночью, — я желаю, чтобы ты дала мне стихотворение о любви.

— Одно из ваших? ... — спросила Энн Гибсон, сидевшая на краю постели Мэри. Мэри часто не могла заснуть, Энн тоже, поэтому когда обеих мучила бессонница и Энн проводила ночи дома, Мэри иногда звала ее поболтать. Дома, в Лондоне, Джеймс часто не одобрял этого, так как считал, что она никогда достаточно не отдыхает. Однако в Гааге Мэри поступала, как ей нравится, зная, что Энн тоже с удовольствием составит ей компанию.

— Одно из моих? — она приподняла брови. — Я ни одного не написала, как ты знаешь.

— О, — произнесла Энн, склонив голову набок. — Ваше первое стихотворение о лорде Дигби могло бы сойти за любовный сонет. Если бы вы выбросили катрен о том, как он завивает волосы.

Мэри рассмеялась.

— Ты же знаешь, что во всех моих стихах слишком много сатиры, и никто никогда не прочитает ни одного из этих них, кроме тебя и меня. Ящичек с перчатками заперт и в безопасности, как я полагаю?

— Как всегда, — ответила Энн, пододвинувшись к самому краю постели. — Принести его?

— Нет, спасибо, пусть лежат там, где они есть, — Мэри вздохнула и обхватила руками колени. Она си-

дела, облокотившись на подушки, накинув на плечи шерстяной шарф.

— Ты можешь прочитать мне какое-нибудь любовное стихотворение, Энн?

Карлица произнесла своим тоненьким забавным голоском:

— Я могу прочитать вам стихи о свадьбе, если вам будет угодно.

Мэри промолчала, поэтому Энн наморщила нос и задумалась. Мэри догадалась, что Энн старается вспомнить все слова стихотворения Эдмунда Уоллера, которое он написал много лет назад по случаю свадьбы Энн с язвительным придворным-художником Ричардом Гибсоном, тоже карликом. Свадьбу организовали король и королева — Карл дал Энн деньги, а Генриетта-Мария подарила ей кольцо с бриллиантом. Наконец Энн выбрала несколько строчек стихотворения, в ее глазах блеснула гордость.

*Трижды счастлива скромная пара,
Она ведь никаких,
Забот еще не знала,
Что мучают других.
Стрелы ревности и печали,
Недовольства или вражды,
Мимо них всегда пролетали,
Не коснувшись их головы.
Будто в мире всем вокруг них
Нет людей, кроме них одних.*

— Вот! Прекрасный гимн браку, — сказала Энн, затем хитро добавила: — Но что маленькое тело может знать о поэзии любви, хозяйка?

Мэри приподняла брови. Она мало что знала о домашней жизни Энн, кроме того, что у нее и Гибсона были дети нормального роста.

— Не дразни меня, я слишком устала. Но... если ты говоришь мне «нет», тогда у тебя не только маленькое тело, но и маленькое сердце.

— Да, достаточно маленькое для того, чтобы к нему подошел хорошенький маленький ключик и Д. Х. мог бы носить его на шее, хотя он этого и не знает.

Мэри выпрямилась.

— Д. Х. ...инициалы пажа карлика королевы, — она посмотрела на капризное лицо Энн, затем шепнула, ужасно боясь быть ошибиться: — Джеффри Хадсон?

Энн загадочно рассмеялась. У Мэри возникло желание спросить, почему ключик не висит на шее у Дика Гибсона. Потом она поняла, что Энн затеяла игру.

Энн продолжила:

— Но я не могла не направить свои взоры выше. На более высокого мужчину, такая малышка, как я, имеет право. Что вы скажите о П. Р.?

Мэри подняла глаза к парчовым занавесям вокруг кровати, надеясь ничего не упустить.

— Ты имеешь в виду Р. П. ?

— Я имею в виду Рыцаря Подвязки.

— Или З. П.?

Энн задумалась, наморщила лоб, затем выдавила:

— Нет, слишком сложно, не могу сообразить.

— Зимний принц.

Энн захлопала в ладоши.

— Теперь у нас есть подходящий характер для эпиграммы, — она соскользнула с кровати, подбежала к письменному столу Мэри и вернулась с бумагой, чернилами и ручкой, чтобы усесться на полу в своей любимой позе для того, чтобы писать. Энн, почерк которой был неизвестен при дворе, записывала все стихотворения Мэри, а это означало, что, если о них когда-либо станет известно, никто не сможет догадаться, кто был автором стихов, высмеивающих всех важных персон Англии. Но, конечно же, не предпо-

лагалось, что спрятанные листочки будут прочитаны кем-либо еще, кроме Энн и Мэри в качестве полуночного развлечения.

— Зимний принц, — повторила Энн, разложив принадлежности для письма на полу, — Уильям Шекспир написал «Бурю» для свадьбы матери принца Руперта, может быть, вы назовете это «Летней бурей» или «Зимним штормом».

Мэри не ответила, и, пока Энн затачивала перо, она сидела, опустив голову к приподнятым коленкам и закрыв глаза, воображая, что действительно могла бы написать о принце Руперте, как бы опасно это ни было. Или ему. От такой мысли Мэри даже вздрогнула, хотя знала, что это доставило бы ей удовольствие. Затем, так как пауза слишком затянулась, она открыла глаза.

— Я думаю, мы начнем с истории, рассказанной нам лордом Арунделом. Она называется «Баллада о Мальчике и кабане».

В глазах Энн промелькнули разочарование и недоверие, затем она наклонила голову, готовая начать записывать.

Глава 9

В конце октября герцог Ричмонд проезжал по окраинам Эджкоута в нескольких милях от Бенбери с тремя своими младшими братьями: Джорджем, Джоном и Бернардом. Также с ним был и принц Руперт. Первое благоприятное впечатление Джеймса о принце переросло в настоящую привязанность, и казалось, что это чувство взаимно. Несмотря на то что принц был импульсивным, он крайне осторожно относился к своим связям. С Джеймсом, несмотря на семь лет разницы в возрасте, его связывало нечто вроде дружбы. С тех пор как братья Стюарты возглавили армию. Джеймс иногда уговаривал Руперта пообедать вместе с ними. Было нелегко заставить принца просидеть на месте хотя бы час, поэтому сегодня они решили сопровождать его. Руперт выехал из штаб-квартиры в Эджкоуте и направился в сторону близлежащих деревень где квартировала армия, чтобы посмотреть все ли в порядке. Помимо Стюартов с принцем поехал командир его охраны — бдительный и доблестный сэр Ричард Крейн, которого король недавно произвел в рыцари, и еще один из друзей принца, лейтенант-полковник его кавалерии Дэн О'Нил.

Руперт пребывал в хорошем настроении, и дела, которые они обсуждали, внушали всем еще боль-

ший оптимизм — особенно надежда, что вскоре они смогут вдребезги разбить Эссекса, направлявшегося, как было известно, им навстречу со стороны Ворчестера, а затем прямой дорогой отправиться на Лондон. Ведя дискуссию, они доскакали до края деревенской площади, где принц остановил своего черного жеребца, чтобы посмотреть, как тренируется отряд солдат, вооруженных пиками. Все остальные также остановились и стали с покорностью смотреть, как принц отправился инспектировать. Он подъехал к молодому офицеру, который замер, как и его солдаты, и сказал:

— Доброе утро, майор, чей это отряд?

— Третий отряд пехоты лорда Линдсея, ваше высочество.

Принц не представился, но это было и излишне, потому что не нашлось бы человека в армии, который бы не узнал его.

— Хорошо, — принц спрыгнул с лошади. — Позвольте посмотреть на них.

Майор выстроил на параде около сотни солдат, принц прошелся мимо них, оглядывая с головы до ног, как отметил Джеймс. Он предположил, что принц проверяет расстояние между рядами. Это было важно, потому что в руках у солдат было оружие с очень острым лезвием да еще восемнадцать футов длиной.

Принц казался удовлетворенным.

— Эти пики из новых поступлений? — спросил он майора.

— Конечно, ваше высочество, доставлены во вторник.

Принц кивнул.

— Весьма своевременно. Очень хорошо. А теперь позвольте быть свидетелями того, как их приводят в действие, — не дожидаясь, пока молодой майор вы-

берет кого-либо из своих людей, принц шагнул вперед, похлопал по плечу громадного детину и сказал: — Мы посмотрим позиции, если вы не возражаете.

Солдат ловко промаршировал вперед на глазах своих товарищей, которые внимательно следили за ним. Джеймс и свита принца отошли на безопасное расстояние, принц и майор также встали подальше. Джеймс знаком приказал волкодавам лечь на землю. Собака принца, Мальчик, быстро взглянув на своего хозяина, также присоединилась к ним. Солдат тем временем занял позицию, чтобы привести пику в боевую готовность. Оружие возвышалось над ним, пока он ожидал команды.

— А теперь, парень, — проговорил принц, — давай поглядим, насколько ты сумеешь впечатлить герцога Ричмонда.

Две сотни глаз повернулись в сторону Джеймса. Тот ухмыльнулся, прикоснулся к краю своей шляпы, а затем приготовился наблюдать. Граф Линдсей хорошо вооружил своих людей. У них были латные нагрудники, доходящие до шеи, пластины на спине и груди, шлемы с кисточками и шпаги, которые были прекрасно отполированы. Острые шпаги блестело, когда солдат точно выполнял все положенные действия. Оружие вертелось и кружилось в его руках, когда он за доли секунды менял позиции. На площади не было слышно ни звука, если не считать топота крепких солдатских башмаков. Весь отряд, включая майора, хотели показать мастерство своего сослуживца. На минуту Джеймсу показалось, что он наблюдает не за подготовкой к войне, а за сложным танцем. Он чуть было не зааплодировал, когда упражнения были закончены, но удержался и вместо этого одобрительно кивнул солдату еще до того, как принц отослал его обратно в ряд.

Руперт похлопал солдата по плечу, произнес несколько слов, вызвавших улыбку на лице воина, за-

тем, к удивлению Джеймса, взял у него пик и снова встал перед рядами.

Его голос долетал до самого дальнего ряда.

— Прекрасная подготовка. Вы только что видели, как Эдвард Пун показал нам пятнадцать позиций, но ваш майор знает, что их существует гораздо больше.

Джеймс, наблюдавший за лицом майора, совсем не был уверен в этом и надеялся, что принц не разочарует его перед отрядом прежде всего потому, что это воинское подразделение принадлежало лорд-генералу Линдсею.

— Майор сейчас преподает урок владения пикой, который, как он надеется, никто из вас не забудет.

— Он сошел с ума, — выдохнул Джеймс.

Однако принц продолжил:

— Специально для вас майор будет громко считать позиции. Позиция номер один.

Принц встал на изготовку, поднял пик вверх, правую ногу чуть вывернул, левой рукой подбоченился, а правой поднял деревянное древко пика на уровне глаз.

Наступила короткая пауза, затем майор пришел в себя и заорал:

— Один!

Наблюдая за принцем, Джеймс обнаружил, что мысленно считает позиции, мелькавшие перед его глазами. Голос майора громко раздавался по всей площади. Рост принца и его длинные руки давали оружию такую округлость действия, что она внушала зрителям благоговейный страх. Следя за зловещим лезвием, крутящимся в воздухе, Джеймс почти чувствовал, как металл дотрагивается до его кожи. Это был танец, но на этот раз изысканный танец смерти. Он не сумел различить новые позиции, поэтому когда голос майора произнес:

— Пятнадцать! — даже не понял, что все закончилось.

Упражнения завершились восемнадцатой позицией. С лица майора явно спало напряжение, принц кивнул ему. Затем он облокотился на пик у совершенно не военной позы.

— Вы видите, я тоже едва дышу, — обратился он к восхищенным солдатам, — я так же еще не привык к этим проклятым упражнениям, как и вы.

Все рассмеялись.

— Я вернусь через два дня, и вы сможете показать мне, каких результатов вы добились. Если только до этого мы не встретим еще круглоголовых*, и в этом случае да хранит вас Бог.

Приветствуемый громкими возгласами солдат, он вернул оружие владельцу. По голосам солдат Джеймс понял, что они поклоняются Руперту. Принц отвел майора в сторону, и Джеймс услышал, как он спросил:

— У вас есть упражнение с оружием Гейна?

— Думаю, да, ваше высочество.

— Есть более современный справочник со всем, что вам нужно, вы получите его завтра утром.

Он повернулся к Крейну.

— Сэр Ричард! Вы слышали это?

— Да, конечно, — Крейн вытащил записную книжку, которую носил с собой всюду, и сделал пометку карандашом.

Когда их маленькая кавалькада отъехала, Джеймс сказал:

— Должен признаться вам: то, что вы сейчас показали, — настоящее искусство.

Его братья, скакавшие сзади, громко выразили свое согласие, но принц покачал головой.

— Будет ошибкой, если я снова буду показывать упражнения сам, — ухмыльнулся он Джеймсу. — Благодарю вас за то, что терпеливо наблюдали за показом.

* Сторонники парламента.

Хотя я желал бы предложить вам более лучшее развлечение, чем это.

Спустя минуту Джеймс проговорил:

— От моей жены я слышал, что вы так же искусно танцуете.

Совсем сбитый с толку принц посмотрел на герцога.

— Я не... — затем глаза у него округлились, и он произнес: — Ах, герцогиня написала вам о том вечере, не так ли? — Потом Руперт коротко вздохнул и посмотрел в сторону: — Я никогда не смеялся так много.

Теперь настал черед принца задать вопрос о Мэри. Обычно он никогда не упускал такой возможности, но на этот раз промолчал, поэтому Джеймс вернулся к первоначальной теме разговора.

— Я воображаю, как поразит лорда Линдсея то, что вы тренировали его отряды.

— Это не будет иметь продолжения. Все вышло внезапно, как и разговор, который у меня случился на днях с лейтенантом-полковником конницы лорда Дигби, — ответил принц.

Джеймс состроил гримасу.

— С лейтенантом-полковником Дигби?

Руперт внимательно посмотрел на него.

— Это дружеское предупреждение?

Герцог пожал плечами.

— У меня имеется на то причина. Лорд Дигби не обладает военными знаниями, и его люди в курсе этого, но он храбр. Все, что ему нужно, это иметь рядом с собой блестящих офицеров. У него первоклассный лейтенант-полковник, я заметил, что ему нужна лишь небольшая помощь. Я предоставил ее, и Дигби должен благодарить меня за это.

Было видно, что Джеймс не хочет продолжать разговор на эту тему. Еще в начале кампании принца по набору рекрутов, когда он первый раз приехал в Нот-

тингем, лорд Дигби сделал язвительные комментарии по поводу того, что принц Руперт общается с людьми ниже себя по рангу. Вероятно, это было сказано из-за обиды, что Руперт проводит больше времени с войсками, чем при дворе. Принц вспылил, Дигби пришлось принести унижительные извинения, которые Руперт мог забыть, но которые прекрасно помнил Дигби.

— А как дела у герцогини Ричмонд? Она чувствует себя хорошо? Вы недавно получили от нее письмо?

Джеймс иронично улыбнулся. Руперт никогда не мог удержаться и не спросить о Мэри. В своих письмах, однако, она не выказывала равного интереса по отношению к принцу.

— Она и ее величество достигли больших успехов в переговорах с королем Дании. На этом фронте все обстоит хорошо. Она добросовестно докладывает мне об этом. Однако у меня имеются опасения...— его голос замер: Мэри ненавидела, если кто-нибудь думал, что она недостаточно сильна, и не любила, когда он беспокоился на ее счет.

Принц внимательно посмотрел на него.

— Из-за ее здоровья? Она снова себя плохо чувствует?

Хотя было видно, что Джеймс не хочет говорить, принц продолжал настаивать.

— У нее была лихорадка в то утро, когда я покидал Гаагу, и, к моему сожалению, я не смог проститься с ней. С тех пор ей как будто бы лучше или же это неправда?

Подобный вопрос мог бы разозлить Джеймса, если бы в глазах принца не читалось искреннее беспокойство.

— Вы очень добры. Она не говорит об этом, но я боюсь, что ее обязанности или климат Северного моря, или еще что-либо, о чем она не сообщает мне,

могли плохо сказаться на ее здоровье. Я разговаривал об этом с его величеством, его врач всегда наблюдал ее, и есть надежда, что она вернется в Англию раньше королевы. Если, конечно, ее величество даст на то свое милостивое разрешение.

— Если она сама согласится приехать, вы имеете в виду, — вставил принц со своей обычной откровенностью. — Я видел, как она предана моей тете. Если обязанности ее утомляют ее, то последним человеком, который станет на это жаловаться, станет герцогиня Ричмонд. Могу я помочь чем-нибудь?

— Вы очень любезны, — ответил Джеймс уже со значительно меньшей теплотой, — конечно же, ее желания прежде всего.

Ричмонду было больно от того, что он не может догадаться, каковы они, эти желания и его раздражало, что люди, которые в последнее время общались с его женой гораздо больше, чем он сам, а именно королева и принц, имеют на нее большее влияние, чем он.

Было воскресенье 23 октября. Король Карл проводил военный совет на верхушке крутого гребня горы Эджхилл. Это была удобная позиция, и армия под командованием принца Руперта была уже с раннего утра в полной готовности, потому что армия Эссекса со своими отрядами наконец появилась около города Кайнтон. Их было хорошо видно с вершины горы. При виде роялистов солдаты короля начали строиться на равнине. Теперь наступил момент, когда Карл уже не испытывал страха и был уверен в себе как никогда. Это состояние нравилось ему.

Совет проходил гладко, и офицеры выказывали такое же уважение к мнению друг друга, как и к требованиям короля. Граф Линдсей выступил в качестве лорда-генерала с лаконичным общепринятым планом по введению армии в бой. Отряды необходимо было правильно выстроить. Для начального наступ-

ления следовало использовать кавалерию, а затем должна была последовать фронтальная атака пехоты.

Линдсей даже набросал план битвы.

— Эти отряды следует выстроить на одной линии.

Король кивнул. Это было обычное построение войска в голландской армии, и он ожидал, что другие согласятся. Однако полевой маршал Патрик Рутвен сказал:

— Выражаю вам свое уважение, милорд, но пехота становится более маневренной, если ее построить в форме ромба.

Линдсею это не понравилось.

— Возможно, это срабатывало во времена вашей службы у Густава Адольфа, — прокомментировал он. Король заметил, что Рутвен поморщился. Рутвен, по меньшей мере, был на десять лет старше Линдсея, но шведские методы ведения боя имели среди нынешних военных столько же приверженцев, сколько и голландские. Линдсей продолжил:

— У наших групп нет достаточной тренировки для подобного построения.

— Нет, есть, — прервал его Руперт. — Они могут справиться с построением по-шведски, я согласен с полемым маршалом.

Карл внимательно посмотрел на принца, стараясь принять решение. Руперт уже облачился в доспехи, только еще не надел шлема, и стоял в центре толпы, подобно прекрасному богато украшенному изваянию. Его волосы рассыпались по плечам поверх полированного облачения, красный роялистский кушак стягивал стройную талию. Он выглядел как бывалый вояка, и придворные иногда намекали на это Карлу. На короля, однако, он производил впечатление завоевателя.

Руперт был подотчетен непосредственно самому Карлу, но он являлся генералом конных отрядов и не

мог решать, как развернуть строй пехоты. А это значило, что лорд-генерал и Рутвен должны были прийти к согласию между собой. Карл взглянул на обоих стариков и увидел, что они отказываются смотреть друг другу в глаза. Вместо этого они впились глазами в Карла. Лицо Линдсея оставалось невозмутимым, а Рутвен сильно покраснел.

Карл открыл было рот, снова закрыл, потом заставил себя выдавить:

— Наше дело не ждет, враг перед нами, полевой... полевой маршал расположит линии к бою.

Линдсей отступил от стола, поклонился и сказал твердым голосом:

— Сир, если мне как лорду-генералу не доверяют армию, позвольте мне вернуться к моему отряду и служить вам с этих пор только в качестве полковника.

Затем, не дожидаясь ответа Карла, он низко поклонился, а потом отошел назад и встал за собравшимися.

Момент был мучительным, и Карл возмутился своеволием Линдсея. В то же время он почувствовал жалость и огорчение, и ему захотелось как-то спасти ситуацию, поэтому он решительно произнес:

— Мои храбрые джентльмены, давайте продолжим.

Руперт был готов. Парламентская армия тоже. Ее артиллерия начала палить, как только они увидели, что король и два его юных сына объезжают королевские отряды, чтобы подбодрить солдат. Обе армии находились на равнине. Эссекс не начинал сражения, пока армия короля занимала вершину холма, поэтому Руперт мастерски провел маневр, чтобы спустить войско по крутому склону. Теперь все выстроились на равнине. Это был риск — провести по лесистой местности, по тропам четырнадцать тысяч человек и двадцать пушек. Пока спускались, они бы-

ли уязвимы, но деревья давали хорошее прикрытие, а люди проделали все с такой скоростью, что принц испытал удовлетворение. Месяцы не прекращавшихся изматывающих занятий оправдались. Теперь у них была настоящая армия, и парламент сегодня узнал об этом.

Руперт оглянулся и посмотрел на вершину горы, которую они только что покинули, и на холм, откуда король со своим резервом собирался наблюдать за битвой, окруженный такими высокопоставленными придворными, как герцог Ричмонд. Руперт посмотрел в направлении деревни Редвей, которую можно было распознать по шестиугольному шпилю над церковью. Там он оставил в безопасности Мальчика вместе с волкодавами Стюартов. Затем посмотрел прямо на левое крыло кавалерии Эссекса, в направлении которого собирался вести свою гвардию, кавалерийский полк, а также конный отряд короля. Над последними безжалостно смеялась вся армия, называя их отрядом для театральной постановки из-за роскошной упряжи их лошадей. Они просили Карла позволить им принять участие в первом же сражении вместо того, чтобы оставаться в резерве. Руперт улыбнулся: если эти «войки» хотят предстать в лучшем свете, то вскоре для этого появится превосходный шанс, потому что он приказал всей кавалерии в первую очередь не скакать рысью по направлению к врагу и не останавливаться на расстоянии выстрела от первого ряда. Вместо этого королевский резерв должен был на всей скорости мчаться прямо на врага и действовать шпагой.

Драгуны оказались первыми, прочесавшими площадь, по которой должны были продвигаться оба крыла кавалерии. Они проделали нелегкую работу, находясь в опасной близости от вражеских мушкетеров. Вдруг со стороны Эссекса вырвался всадник

и поскакал без всякого прикрытия прямо к первому ряду кавалерии Руперта. Всаднику понадобилось только несколько секунд, чтобы опознать принца, он приблизился к нему, безоружный, но уже в сопровождении двух кавалеристов. Его сообщение заслуживало внимания. В тот момент, когда королевская конница придет в движение, отряд кавалерии сэра Уильяма Уоллера двинется вперед, выстрелит в воздух и присоединится к ним.

После того как всадника отпустили назад, Руперт рассмеялся и сказал Ричарду Крейну, находившемуся рядом:

— Еще один способ набора рекрутов, не правда ли? — затем дал сигнал двигаться вперед.

Был полдень, солнце ярко освещало поля, оружие сверкало, а упряжь лошадей поблескивала, когда широкая линия всадников двинулась вперед. Пушки снова заговорили, земля и человеческая плоть взлетали вверх, но передний ряд не колебался. Несколько перебежчиков со стороны Эссекса помчались, чтобы присоединиться к армии Карла. Солдаты сорвали с себя оранжевые кушаки и встали в ряд вместе с отрядами короля. Когда перебежчики были достаточно близки для мушкетных выстрелов, Руперт пустил своего жеребца рысью. После этого в двухстах ярдах от неподвижной конницы Эссекса вся его кавалерия перешла на легкий галоп. Руперт с криком указал вперед, и его войско также поскакало быстрее. Это случилось так быстро, что его сердце дрогнуло, как, должно быть, и у наблюдавших за ним с недоверием зрителей. Руперт почти чувствовал, как у его войска земля летит из-под ног, когда они подошли ближе к ошеломленному врагу. Затем в ушах принца прогремел гром, а глаза засверкали, как молнии, когда его всадники, подобно урагану, с ревом вступили в бой.

Они бросились вперед, сметая все на своем пути, затем, как он приказал им, стали стрелять в упор. В воздухе запахло дымом и кровью, лошадиным и людским потом. Продвижение королевских отрядов было настолько мощным, что вражеские лошади начали поворачиваться, а затем бежать, а принц и его люди продолжали наступать, сметая вражескую кавалерию, и расчищать путь для пехоты.

Руперт обернулся как раз в тот момент, когда отряд сэра Джона Байрона, двигавшийся за ним, готовился атаковать вражеские фланги. Позади он увидел, как королевская пехота продвигается к центру армии Эссекса. После этого Руперт начал сламывать сопротивление кавалерии Эссекса, оставляя после себя окровавленные трупы, а затем преследуя их в направлении Кайнтона. Он гнал их до тех пор, пока все не оказались рядом с большим обозом Эссекса.

Это было слишком далеко, Руперт попытался остановить своих людей, чтобы вернуть их к эпицентру сражения, но это было сделать практически невозможно. Он разозлился, когда увидел, что его сейчас окружает большая часть людей Байрона, которым не следовало забираться так далеко. Ему удалось сплотить три отряда кавалеристов и отправить их обратно к полю боя, где роялистская и парламентская пехота сражались, скрываемые клубами дыма.

Дым не рассеивался до наступления ночи. Это был день смелости и решительности, а также — просчетов и горьких потерь. Король, увидев, что его пехота находится под угрозой, отослал принцев в тыл и двинулся вперед с группой придворных, ведя свою пешую гвардию в атаку, теряя, а затем снова выигрывая в горячей схватке королевский штандарт. На другой стороне поля левое крыло кавалерии, вопреки приказам Руперта, продвинулось слишком далеко за указанные позиции, и только две сотни из них смогли

снова собраться и вернуться на поле битвы, где они были нужнее всего. Тот день принес хорошую добычу: конница Руперта захватила большую часть обоза Эссекса, и теперь королевская армия имела на семь пушек больше, а также ей досталось новое оружие. Когда сражение прекратилось, победа оказалась на стороне королевской армии. В этот день на поле боя пали тысяча парламентариев и пять сотен роялистов, среди них оказался храбрый старик, граф Линдсей, который был смертельно ранен; носитель королевского штандарта сэр Эдмунд Верней, погибший, защищая его, и Джордж Стюарт, сеньор де Обиньи, младший брат герцога Ричмонда.

Было холодно, и Руперт, на короткий момент оставшийся один, прислонился к стволу дерева и смотрел со склона на бивуаки и костры, на которых готовилась пища для солдат. Похоронные команды прекратили работать, потому что ночь выдалась слишком темной. Руперт думал о том, что они сделали, что должны были сделать, что предстоит сделать завтра. Они расчистили дорогу на Лондон. Эссекс потерял гораздо больше людей. Если бы не наступили сумерки, он никому не дал бы покоя и измотал бы отступающие отряды графа. И непременно посмотрел, не удастся ли ему прихватить еще из обоза что-нибудь.

Руперт остался невредим, но был измотан, особенно сожалением, вспоминая людей, которые были убиты в пылу победы, наполнявшей их грудь.

Потом он подумал о триумфальном возвращении короля в Уайтхолл, о приезде королевы, о мире с парламентом и о дворе, который собирался вокруг семьи

Стюартов, чья утонченность и привлекательность значили для его будущего и его мечтаний гораздо больше, чем он мог предположить.

Руперт подумал о герцогине Ричмонд. Во дворе Вассенаер-Хоффа он просил ее о дружбе, однако в тот момент, когда она протянула ему свою руку, он понял, что никогда не сможет быть ее другом, разве только называться им. С того момента он боролся с собой и гадал, что бы это значило.

Но сегодня вечером Руперт знал, что произойдет. Герцогиня Ричмонд вернется и снова войдет в его жизнь, откуда она никогда не исчезала. Он не сможет прикоснуться к ней, не сможет обладать ею, потому что она жена его друга и потому что рассказывала мужу обо всем. И всем остальным тоже. Но, несмотря на все, он решил, что завоюет ее любовь. Он будет обладать ее сердцем и душой так же, как она владеет его.

Затем любовный рассказ
Ты донес до моих ушей,
И нежные клятвы не раз
Могли вызвать бы слез ручей.
Потом клятвы стали смелей,
Глубже, тверже, еще нежней.
Твоя продолжалась осада
До тех пор, пока
Сама я не признала,
Что сгорает моя душа.
Хотя не призналась я никому,
Даже тебе, что уже люблю.

Эфелия

Глава 10

Мужественным защитником, которого делегировали отвезти герцогиню Ричмонд домой, был ее младший брат Джордж Вильерс, второй герцог Бэкингем. Ее переезд был ловко организован герцогом Ричмондом. Джордж Вильерс, недавно получивший степень магистра в Кембридже, приехал в Лондон, где к нему проявил дружеский интерес граф Нортумберленд Элжернон Перси. Граф был одним из джентльменов, назначенных палатой лордов смотреть за тем, чтобы двое королевских детей в Сент-Джеймском дворце имели хороший уход, и он мог снабдить Джорджа Вильерса достоверными новостями для королевы в Гааге. Вдобавок Нортумберленд, бывший прежде королевским главнокомандующим, остался в Лондоне вместо того, чтобы объявить о своей приверженности Карлу и тем самым

англиканской церкви. Он выказывал явные знаки симпатии пуританам и их политическим целям, поэтому ему не доставило хлопот получить разрешение для молодого герцога отправиться в Гаагу по личным делам. Это была желанная мера безопасности, потому что парламент командовал теперь английским флотом.

Живой и приятный герцог Бэкингем, сопровождаемый четырьмя личными телохранителями Нортумберленда, был с распростертыми объятиями встречен в Гааге королевой, жаждавшей новостей о своих малышах и своей сестре Мэри. Мэри узнала, что, закончив свое обучение, Джордж тайно присоединился к роялистам и рвется отправиться в штаб-квартиру армии после своего возвращения. Ее совсем не удивило, что ее муж Джеймс взвалил на Джорджа ответственность по выполнению миссии, потому что все это оттягивало его присоединение к королевским силам. Джорджу было всего четырнадцать лет. Визит был коротким, потому что Ричмонд и Нортумберленд имели причины скрывать его. Когда корабль покинул Гаагу, Джордж не вернулся в Лондон, а поплыл на север Англии, где граф Ньюкасл, контролировавший побережье, обеспечил безопасную отправку на берег герцогини Ричмонд. Тем временем о том, что Мэри находилась на борту, не было известно ни двору Элизабет в Гааге, ни английскому флоту. Королева Генриетта-Мария сообщила, что герцогиня плохо себя чувствует и уехала, чтобы отдохнуть. Она намеревалась сообщить об отъезде своей статс-дамы, когда она вернется, давая тем самым Мэри время спокойно добраться до Англии.

Таким образом, одним морозным декабрьским днем Джордж и Мэри сидели перед пылающим каминном в отдельном номере на постоялом дворе «Черный медведь» в йоркширском порту Уитби.

Джордж смотрел на пламя в камине, его глаза блестели, а щеки покраснелись. Отсветы пламени играли в его блестящих золотисто-каштановых волосах, падавших на его лоб. Он выглядел чересчур молодо и ужасно довольным собой, хотя на публике его манера вести себя часто напоминала Мэри ее гордого и самоуверенного отца.

— Меня все еще удивляет, что королева разрешила тебе ехать, Мотылек.

Он часто называл этим остроумным ласкательным прозвищем Мэри, так как оно перекликалось с Бабочкой.

— Каждый раз, разговаривая со мной, когда тебя не было в комнате, она всегда жаловалась на слабое здоровье и на то, что не знает, как ей удастся обходиться без тебя в то время, как ты поедешь домой, лечиться. Она сказала, что только письма короля смогли убедить ее. Между прочим, а ты лечилась? Судя по внешнему виду — да.

— Я не знаю, — сказала Мэри, не желая говорить о здоровье, как она всегда делала. — Я слишком замерзла. Напомни мне, чтобы я никогда близко не подъезжала к Северному морю. Сколько времени у нас уйдет на то, чтобы добраться до Оксфорда?

— Посмотрим. Если ты в состоянии ехать верхом, то мы доберемся туда быстрее. Отряд, — Джордж всегда называл своих четверых слуг отрядом, хотя он прекрасно знал, что в настоящем отряде должно было быть не менее семидесяти человек, — спрячет свое оружие. На них широкие голландские плащи, под которыми легко скрыть оружие, поэтому нас не остановят военные ни с одной, ни с другой стороны. Я думаю, что тебе тоже следует закутаться в плащ, а волосы спрятать под широкополой шляпой. Никто в Англии не узнает тебя до тех пор, пока ты внезапно не появишься в Оксфорде. Это будет похоже на наши старые маскарады.

Он ухмыльнулся ей, как будто они не виделись целую вечность.

— А ты за последнее время написала какие-нибудь комедии с масками?

— В Голландии? Мы никогда бы не смогли поставить их. Скажи, а парламент уже закрыл театры в Лондоне?

— Да. Разве ты не знаешь? Еще в сентябре.

— Этого я и боялась. Ох, почему король не позволил принцу Руперту двинуться на Лондон, когда у них был шанс? Я все еще не могу понять этого.

— Ну, ты же сама все понимаешь. Имели место дебаты, но закончилось тем, что король присоединился к джентльменам, которые искали компромисс. Отец Дигби сказал, что принц Руперт сотрет Лондон с лица земли, если возьмет его. Фолкленд и Гай придерживались того мнения, что следует со всей осторожностью приближаться к соглашению вместо того, чтобы уничтожать Эссекса. Король чувствовал себя несчастным после гибели людей в Эджхилле, он очень переживал и о кузене Джорджа. Несмотря на свою огромную потерю, Ричмонд придерживался мнения принца Руперта, но король выступил против. Вот почему он разместил двор в Оксфорде, а принц теперь занят тем, что укрепляет город.

— Он, должно быть, опустошен.

— Кто: король, принц или твой муж? — спросил Джордж, проницательно посмотрев на нее.

— Принц Руперт.

— Не сомневаюсь. Полагаю, я имел бы кошелек с суверенами каждый раз, когда ты вспоминала бы ему об этом путешествии. Предполагаю, что он уже бросился к твоим ногам.

Прежде чем ответить Мэри немного подумала.

— Буквально — да, косвенно — нет.

— О, как жаль. Это было бы занимательно. А как обстоят дела с лордом Дигби, будущим графом Бристолем? У него все еще случаются приливы чувств?

— Нет, дорогой, я слишком долго водила его за нос. Я всех дразню. Никто не в силах ничего с этим поделать. Кроме того, мне следует напомнить тебе, что у меня есть муж.

Взгляд у Джорджа стал лукавым.

— Какое у тебя верное сердце, Мотылек. Жаль, что у меня не такое. Я уверен, мне это принесло бы много пользы.

— Значит ли это, что племянница проктора* уже не пользуется вашей августейшей благосклонностью?

— Это была не любовь, — заключил Джордж, — хотя я написал ей двадцать сонетов, обильно приправленных солью. Но теперь я знаю, что такое любовь. И мой новый злобный ангел тоже... хотя она на пять лет старше меня и должна выйти замуж после Рождества. — Мэри с жадным любопытством приподняла брови, но он вздохнул и сказал: — Нет, я не назову ее имени до тех пор, пока не завоюю ее.

Мэри рассмеялась.

— Тогда я никогда его не услышу.

Джордж одарил ее ослепительной улыбкой и уже другим тоном произнес:

— Ах, я должен тебе сказать, что у меня лицо архангела. Ты бы удивилась, насколько далеко юношеская невинность может завлечь тебя.

— Расскажи-ка мне, — предложила Мэри иронично, — что ты сделал, когда племянница проктора сказала тебе «нет» и ты не мог не понять этого?

* Проктор — университетский чиновник, в обязанности которого входит следить за соблюдением студентами университетских правил.

Он посмотрел на нее с упреком, а затем рассмеялся.

— Я плакал два дня. Не совсем два, потому что ко мне зашел друг поиграть в бильярд. Потом я написал поэму гораздо более лучшим слогом, чем это было в первый раз, но, конечно же, это было уже слишком поздно. Затем я обо все забыл. Все-таки я мог бы тебе назвать ее имя. Не думай, что женщины меня недооценивают, Мотылек. Да-да. Только понаблюдай за замужними дамами. — Мэри насмешливо наморщилась, а Джордж с легкостью заметил: — Только потому, что твои крылышки уже запылились, не думай, что другие особенно сопротивляются, когда их берешь в плен.

— Честно говоря, ты на пути к тому, Джордж, чтобы стать через несколько лет очень скандальной персоной.

Он был доволен.

— Ты так думаешь? Ну, в каждом из нас это заложено, это семейная традиция. Благодаря отцу, который был самым изысканным из ближайших товарищей Иакова Первого, мы должны уметь весело прожигать жизнь.

— Ты неисправим. Неужели на всем свете нет женщины, которая имела бы хоть какое-то влияние на тебя?

— Ни одной, кроме тебя и мамы, — сказал Джордж, и шутливая улыбка исчезла с его лица.

Мэри печально посмотрела на брата.

— Ты был таким маленьким, мой дорогой, когда король забрал нас у нее.

— Какая разница! — произнес Джордж. — Какая разница в том, что мама католичка, что она предпочла брак с этим проклятым Антримом. Ты считаешь, что можно нарушить верность только тем, что Карл взял нас ко двору?

— Нет, милый, в уголке моей души я так же храню ее любовь ко мне, как и свою к ней. Я просто пыталась найти для нас место, где бы мы были счастливы.

— Никто не может по желанию стать счастливым, — заметил он резко.

— Да. Сейчас я согласна с тобой.

Джордж пристально посмотрел в глаза сестре и сказал уже совсем другим тоном:

— Какой блистательной маленькой Матушкой Гусыней ты была. Я когда-нибудь благодарил тебя?

— Ты только что сделал это, месье герцог, привезя меня домой.

Он снова посмотрел на огонь и вздохнул.

— В любом случае мама, кажется, счастлива. Она присылает мне подарки из Ирландии, отправляет мне морем волкодавов. Мне постоянно приходится их кому-то пристраивать. Вас с Джеймсом она также одаривает?

— У нас волкодавов тоже полно. Увидишь, когда мы доберемся до Оксфорда.

— Хорошо, — отозвался он, и его глаза снова заблестели, — посмотрим.

До того, как солнечным морозным днем Мэри добралась до Оксфорда, Джордж отправил вперед посыльного с сообщением о ее приезде. Мэри не терпелось увидеть город. Каждый раз, когда они взбирались на очередной холм, она разочаровывалась, что видит перед собой еще одну возвышенность, покрытую голыми деревьями, среди крон которых возвышается церковный шпиль, окруженный маленькой деревушкой. Затем они забрались на очень высокий

холм, и с его гребня Мэри наконец увидела Оксфорд. Она остановила свою кобылу.

— Посмотри, Джордж, как красиво!

Внизу простирались темные полосы обработанных фермерских полей, еще ниже располагались луга, окружавшие крепкие городские стены, из-за которых возвышались красивые городские здания, а также университетские строения, украшенные башнями и шпилями, уходящими в небо.

— Видишь самый высокий шпиль. Какому зданию он принадлежит?

Джордж ухмыльнулся.

— Конечно же, церкви Святой Марии.

— Это церковь колледжа, а она поддержала короля, когда он вошел сюда?

— Церковь сама по себе. Она стоит наверху Хай-стрит, а что касается колледжей, то они все поддерживают короля, за исключением Мертона. Студенты Мертона, а также преподаватели и доктора — все уехали в Уэльс. Его величество подготавливает Мертон для королевы. Ты не можешь увидеть его отсюда, он очень близко расположен к стенам на юге, рядом с церковью Спасителя, где находится король.

Когда они поскакали по направлению к городу, Мэри почувствовала, что ей до странности не хочется приезжать. Она увидит, что все изменилось. Город студентов и философов, дом ценных библиотек и старинных центров обучения превратился в гарнизон. Мэри уже видела группы мужчин, копошившихся у внешних укреплений. Они с Джорджем совсем недавно проезжали через деревни, обезображенные войной. Красивые мирные сельские поселения даже при беглом осмотре напоминали военный лагерь. Им попадались то повозки с военными припасами, то группы всадников, то солдаты, беседовавшие в узких

переулках. Повсюду были развешаны листы с приказами. Мэри вдруг подумала о Руперте. Знает ли он, что она в Англии, и не встретит ли она его на следующем повороте дороги. При одной этой мысли ее чувства обострились. Мэри ощутила прилив любви и, испугавшись, вздрогнула. Это была его война, это он превратил сельскую местность, которую она помнила, и каждый уголок города в нечто ужасное. Мэри старалась не думать об их возможной встрече. Она попыталась представить Джеймса, скачущего ей навстречу, чтобы приветствовать ее и отвести к мирной гавани их нового дома.

Герцог встретил ее в Холливеле. Он прискакал на новой гнедой лошади. Его волосы отсвечивали бледным золотом в холодном солнечном свете, когда Ричмонд снял шляпу и изящно поклонился, оставаясь в седле. Когда он приблизился, Мэри привело в восхищение, насколько по-английски и благородно он выглядит. Она оценила, как всегда, насколько Джеймс внимателен к ней. Слезы катились у нее из глаз, когда он прикоснулся к ней, и первые слова Мэри, обращенные к нему, утонули в быстром объятии после того, как он снял ее с лошади. Положив руки на широкие плечи мужа, она немного откинулась назад, чтобы посмотреть на его лицо.

— Кто бы мог подумать, в каком месте мы встретимся, — ее голос звучал так слабо, что превратился почти в шепот. — Что я могу сказать тебе по поводу гибели нашего дорогого брата, кроме того, что я уже написала? Где он похоронен? — предложение окончилось рыданием.

Джеймс покачал головой, отгоняя от себя свою печаль и желая утешить жену.

— Здесь, в Оксфорде. Знаю он хотел бы в Кобэме, но в это время... А ты, как ты себя чувствуешь? Все

эти недели мы с королем терялись в догадках, принесет тебе это путешествие вред или пользу.

— Мне хорошо. Как же может быть иначе. Я ведь теперь дома. — Мэри отпустила Джеймса и протянула руку. — А здесь Джордж, которого я должна благодарить за это.

— Я тоже, — сказал Джеймс и искренне обнял юношу.

После этого герцог отослал людей встретить Энн Гибсон, а также других слуг Мэри и багаж, которые отставали от хозяйки на час пути, и они направились к городу.

Их кавалькада оставила за собой Холливел-Милл и поехала между красивыми рядами деревьев, росших по краям лугов Магдален-вокс и Магдален-гров, которые превратились теперь в артиллерийский парк. Вскоре они добрались до восточного моста через Червелл. Миновав мост, они оставили позади Магдален-колледж и доехали до красивой улицы у башни восточных ворот. Затем Джеймс провел Мэри мимо стражей и спуска с холма к Святой Марии, где они повернули налево, еще раз спустились с холма по направлению к церкви Спасителя и направились к своему дому, который находился рядом с резиденцией короля. По дороге им попадались группы людей, которые останавливались и смотрели на них, пока процессия проезжала по городу. Их узнали, и это вызвало целую бурю эмоций. Мужчины снимали шляпы, а женщины помахивали им своими платочками. Сообщение, которое Джордж отправил до их приезда, уже разнеслось по городу: герцогиня Ричмонд и юный герцог Бэкингам прибыли, чтобы присоединиться к королю и осветить зиму для герцога Ричмонда, который почти год тосковал по своей жене. Мэри сняла шляпу и бросила свой плащ Джорджу, когда

Джеймс разрешил ей. Она была счастлива, что снова дома, и улыбалась каждому, кто встречался им по дороге, ведущей с холма.

Когда они добрались до своего дома, Джеймс хотел усадить ее и дать ей отдохнуть, но Мэри настояла, чтобы он провел ее по дому в то время, как Джордж устраивался в большой гостиной. Их апартаменты были такими, как она хотела, и даже лучше, потому что Джеймс разделял ее вкусы и всегда потворствовал им. Вернувшись в гостиную, Мэри не села, а стала прохаживаться по комнате, чувствуя, как та дружески встречает ее. Стены были высокие и отделаны резным дубом, цвет их был таким насыщенным, что казался почти черным. Они излучали именно то тепло, которое ей нравилось. Шкафы для посуды и кабинеты, стоявшие по стенам, имели более спокойный оттенок, и Мэри провела пальцами по их резной поверхности. Розы, лилии, листья и маргаритки, подобные звездочкам, украшали ее. Джеймс, довольный, смотрел на жену, сидя у большого камина, в котором потрескивали дрова. Мэри никогда прежде не бывала в этом доме, но уже ощущала, что здесь ее место. К своему удивлению, она поняла, что на данный момент у нее нет никакого желания быть где-либо, кроме как здесь и с Джеймсом.

Она подошла к центру комнаты, где сидел Джордж, и, прежде чем сесть, погладила пальцами изящные спирали на спинке стула и посмотрела на стол, на котором в широкой золотой тарелке возвышалась целая гора редких фруктов, орехов и сыра, уложенных как на фламандских картинах и отсвечивающих красным, зеленым и желтым цветом.

— Поешь что-нибудь, — предложил Джеймс, — потом я отведу тебя к королю.

Когда Руперт услышал, что герцогиня Ричмонд должна прибыть сегодня днем, искушение как бы случайно увидеть ее было настолько сильным, что он едва мог совладать с собой. Принц сразу же сел на лошадь и, никому не сказав, куда направляется, исчез, захватив с собой только Мальчика. Он поскакал по направлению к замку.

Он заставил себя остановиться у замка, где содержались пленные, сторонники парламента, чтобы проверить дошедшие до него слухи, будто бы они вынуждены покупать себе хлеб. Предполагалось, что на их содержание выделяется шесть пенсов в неделю, но деньги, казалось, оседали где-то еще, и порой пленным доставалось не больше полутора пенни.

Офицер, с которым говорил принц, подтвердил это безо всякого намека на стыд. Руперт взбесился, после чего выражение лица офицера совершенно изменилось. Теперь оно выражало почтение и страх.

Руперт отвязал кошелек от своего пояса и швырнул его на стол в комнате стражников.

— Распределите это на пленных, и у них, по крайней мере, будет каждый день хлеб, и им не придется его покупать. Гром и молния! В Оксфорде полно пекарен, и грех кому-либо в этом городе голодать. Приглядите за этим.

Он поскакал к западным воротам, потом пересек местность, имевшую странное название — Рай, затем проехал через Грейфраерс и направился за город.

За долгие месяцы вдали от Мэри Вильерс он аккуратно расспросил о ее прошлом каждого, кто мог знать о нем, за исключением ее мужа. Руперт теперь знал о ней очень много, даже то, почему в ближайшем окружении ее называют Бабочкой. Когда она была совсем юной, маленький принц Карл выглянул

в окошко одного из дворцов и увидел создание, которое порхало по саду среди цветущих фруктовых деревьев. Он позвал своих слуг и сказал:

— Пристрелите то существо и принесите мне его сюда.

Они пошли вниз, торопясь выполнить его команду, и обнаружили Мэри одну в саду. Когда они объяснили ей, что им нужно, она быстро все сообразила, велела слугам принести корзину прачки и в этой корзине доставить ее принцу. Когда ребенок открыл крышку, чтобы посмотреть на свою добычу, он увидел Мэри, которая лежала, свернувшись калачиком, в корзинке и смеялась над ним. В ее голубых глазах читалась насмешка и озорство.

После этой истории, когда Руперт с одним из клерков нового колледжа осматривал поставки боеприпасов, прибывавших из Дадли или Стоуэрбриджа, он смотрел на большие деревянные ящики с ружьями и гранатами и воображал, что в одном из них он найдет тонкую светлую ткань, велит отнести ее во двор дома, в котором он расположился, и, придя туда, сорвет крышку с ящика, чтобы заключить в объятия ее гибкое тело. Это не имело ничего общего с его безумной решимостью никогда не прикасаться к ней. Когда Руперт узнал о ее возвращении, он тотчас прогнал эти мысли.

Он разузнал все, что только мог, также и о замужествах Мэри, хотя информация была противоречивой. Оба союза были устроены королем. Некоторые припоминали, что ее первый брак был довольно счастливым, другие утверждали, что он не был настоящим. Последнее было невозможно. Принц знал: никто не может быть женатым на ней и пять минут без того, чтобы не жаждать прикоснуться к ней. Во втором браке у нее не было детей, так же как и в первом, и многие считали, что он, вероятно, на-

поминает первый, потому что все Стюарты были чрезвычайно плодовиты. Но в это также верилось с трудом. Несмотря на спокойный тон, которым Ричмонд говорил о своей жене, только простофиля мог не заметить, как он ждет ее возвращения.

Каждый день приближал момент, когда Ричмонд снова посетит ее спальню. Эта перспектива мучила Руперта. У него не было больше смелой уверенности, что сможет сдержать данное себе обещание, владевшее им после Эджхилла, вместо этого он чувствовал ревность, вину и бессилие.

Принц благодарил Бога, что Мэри считает его не больше чем другом. Эта мысль была единственной, которая давала ему смелость снова встретиться с ней.

Глава 11

Карл принимал гостей. Для него это был превосходный день, потому что герцогиня Ричмонд приехала в Оксфорд, или же почти превосходный, потому что на нем не хватало только королевы. Здесь присутствовали двое сыновей короля: Карл и Джеймс, которые любили Мэри как сестру, остальными гостями были герцоги Ричмонд и Бэкингем и принц Руперт, который пришел позднее, потому что весь день провел в гарнизоне. Они провели долгие часы в теплой и интимной обстановке, которую любил Карл. Все говорили о семье и друзьях, вспоминали трогательные истории о тех, кого не стало, пока Мэри отсутствовала, и постепенно перешли к обсуждению тем, в которых лучше нее никто не разбирался: что делать на Рождество и как оживить в Оксфорде королевскую музыку, оркестр и хор Карла.

Принц привнес в атмосферу немного серых тонов своими почтительными и уважительными приветствиями, дотошными вопросами о путешествии, своей тете и о дворе матери в Гааге. Он только что переделался, побрился и причесал свои волосы, как если бы только настало утро, но выглядел измотанным, хотя говорить ему об этом было бесполезно. У него имелась ужасная привычка: если кто-то был настолько глуп, что пытался проявить заботу или сочувствие

по отношению к нему, он отвечал, говоря о себе в третьем лице, как о каком-то знакомом:

— Руперт никогда не устает.

Мэри сияла. Карл боялся, что путешествие утомит ее, но с возвращением домой она, казалось, еще больше расцвела. По настоянию короля ее уже посетил его личный врач. Сэр Уильям Гарвей представил Карлу осторожный, оптимистический доклад. Болезни Мэри были женскими, поэтому Карл не мог обсуждать их с ней, также он не стал узнавать у Гарвея о ее интимной жизни. Король не исключал, что то, как Мэри питалась во время путешествия, имело неблагоприятное влияние на ее кровь и теперь, когда она уже в Англии, ей необходима забота и внимание. Втайне ему доставляло удовольствие, что блюда, которые были запланированы на сегодняшний ужин, пойдут исключительно на пользу ее здоровью.

После своего возвращения Руперт говорил Карлу, что они с Мэри пришли к дружескому взаимопониманию в Гааге, и король видел свидетельство тому, пока они сидели за столом, хотя в их беседе лишь поубавилось колкостей. Он подозревал, что это явилось следствием того, что они долго не виделись, и надеялся, что со временем это пройдет. У Руперта было около двадцати близких и преданных друзей среди его офицеров, но на военных советах и при дворе Карл часто замечал, что принцу одиноко. Единственное, что грело ему сердце, то, что он знал: Руперт всегда комфортно чувствовал себя с герцогом Ричмондом. Карл ценил многие качества Ричмонда и был доволен, что между ними возникла дружба. Теперь, когда вернулась Мэри, король надеялся, что дом Ричмондов станет еще более гостеприимным для его племянника и там он всегда сможет найти поддержку.

Как командующий Руперт не нуждался ни в чем, но как молодой человек, на которого была взвалена

большая ответственность, он не мог обходиться без верных друзей из своего круга, даже если он сам того не осознавал.

— Простите меня, я не спросила, а где принц Морис и как идут его дела? — обратилась Мэри к Руперту.

— Мой брат живет со мной и помогает мне во всем. До завтрашнего дня он будет в Волверкоте, там у нас мануфактура по производству шпаг. Может ли он приветствовать вас, когда вернется?

— Это доставит мне большую радость, — ответила Мэри, чуть улыбнувшись, однако в ее улыбке скользнуло озорство. — А теперь давайте отбросим пафос и будем думать обо мне, как о самом обычном существе. Но где же Мальчик и как он поживает?

— Он внизу.

— Почему? — сразу же воскликнул принц Карл. — Разве он не может подняться к нам? Молл, — продолжил он, не дожидаясь ответа, — вы должны увидеть трюки, которые проделывает Мальчик. Он выучил их огромное количество, а одному я даже обучил его сам. Предупреждаю, вас это очень удивит.

— Если вы собираетесь заставить его падать к моим ногам, то должна сказать, что он уже этому обучен.

В глазах Руперта впервые промелькнула улыбка, и он заметил:

— С тех пор он стал более утонченным. Он кладет одну лапу на ногу, и только если кузен Карл скажет ему.

— Тогда, думаю, я должна увидеть его новые достижения и составить свое собственное суждение.

Руперт вопросительно приподнял бровь, взглянув на короля, который был счастлив, что послали за собакой. Пока ждали Мальчика, юный Джеймс обратился к Мэри:

— У кузена Руперта был заяц, который умел выполнять трюки. В Австрии.

— А как его звали? — улыбнувшись, спросила она.

— У него не было имени. Мне его дали, когда я был в тюрьме. У меня возникла мысль, что животное тоскует по свободе, поэтому после некоторого времени я отпустил его.

Вдруг в комнату влетел Мальчик, Мэри с тревожным видом подобрала ноги под свое блестящее зеленое платье.

Карл и Джеймс попросили разрешения оставить стол. Оба принца дали возможность Мальчику продемонстрировать свои таланты. Король, наблюдая за ними, чувствовал, насколько его двенадцатилетний старший сын отличается от него самого, и очень радовался этому. Юный Карл был самоуверен, но в пределах разумного, четко и ясно выражался, имел хорошее чувство юмора, и ему нравилось смешить других. Нельзя было не улыбнуться, глядя на него. Юный Джеймс признавал лидерство брата и неосознанно во всем ему подражал.

Мальчик прекрасно выступал. Он резво подпрыгнул в воздухе при слове «Карл», что заставило всех засмеяться, притворился мертвым, когда ему было приказано, и прыгнул через руки Джеймса по его команде, после чего последний свалился на пол. Затем после большого количества лстивых словечек и задабриваний герцога Бэкингема Мэри вытянула свою ногу на такое расстояние, чтобы пудель лег рядом с ней, положил на ее ногу свою лапу и посмотрел на нее с полным обожанием. Потом король положил Мальчику под стол несколько ломтиков каплуна*, как он обычно делал, и разговор возобновился.

Во время веселья, пока глаза Мэри не отрывались от юных принцев, король видел, что Руперт бросил на нее взгляд, полный искреннего восхищения. Вероятно, он заметил то, что сам Карл всегда знал: в ком-

* Кастрированный и откармливаемый на жаркое петух.

пании мужчин Мэри одна, благодаря своей привлекательности и очарованию, могла заменить целое женское общество. Он возблагодарил провидение, что она вернулась и снова рядом.

Мэри удивилась, насколько быстро она обустроилась в Оксфорде, несмотря на то что город сильно изменился. Это было хорошо заметно на каждом углу. Она сделала все, что запланировала. С Джеймсом она посетила могилу лорда Стюарта, сеньора де Обиньи. Она выразила свое глубокое соболезнование вдове Джорджа, Кэтрин Говард, внесла последние штрихи в обустройство их жилища, чего Джеймс и ожидал после ее приезда, встретилась с торговцами, чтобы подготовить все в колледже Мертон для размещения в нем королевы. Мэри выбрала ткани и мебель с учетом вкуса Генриетты-Марии и умело расставила предметы, которые королевская пара привезла из Уайтхолла, в апартаментах ректора, которые должны были стать личными покоем королевы. Мэри также встречалась со своим любимцем из королевских музыкантов Уильямом Ло, который, к ее ужасу, добровольцем отправился в армию и стал офицером, но, несмотря на это, с разрешения принца Руперта с ним можно было поговорить и проконсультироваться по поводу приготовлений придворных музыкантов к Рождеству.

Они с Джеймсом продолжали вести прежнюю жизнь. А это означало, что большую часть дня они проводили врозь, каждый выполняя свои обязанности. Время от времени герцог пользовался супружескими привилегиями со своим обычным тактом, кроме тех моментов, когда она была не расположена к этому.

Но теперь, став уязвимой из-за своей тайной страсти, Мэри иногда спрашивала себя, как бы все могло быть между нею и Джеймсом, если бы они были влюблены друг в друга, когда поженились. Может быть, их тела встречались бы друг с другом с большей радостью и она по-другому чувствовала себя в его руках. Теперь герцог вел себя с ней иначе, но тело Мэри при его приближении всегда вздрагивало, первый раз не забывался. Руки у Джеймса были твердыми, с широкими ладонями и сильными пальцами. Он чем-то походил на хищника. Та же часть его тела, которую она никогда не видела и не хотела увидеть, была такой же: жесткой и настойчивой. Вне пределов спальни Мэри всегда испытывала к нему уважение и благодарность. Король выбрал ей достойного мужа, вне всякого сомнения, и не его вина была в том, что она не смогла его полюбить.

Однако что касается принца Руперта, то прошло несколько дней, пока Мэри привыкла к его присутствию. Она очень напряженно чувствовала себя на ужине у короля, потому что разрывалась между радостным волнением от того, что снова видит его, и боязнью, как бы не выдать себя при всей компании, но главное, чтобы об этом не догадался Руперт. Он же был натянут, как струна: сидел напротив нее с очень серьезным видом, и она не могла расшевелить его ни шутками, ни светской болтовней. На следующий день Руперт пришел к ним с принцем Морисом, который также выглядел намного мрачнее, чем раньше, но благодаря легкому характеру Морис не мог долгое время оставаться чопорным и сдержанным и вскоре он уже болтал с ней, как будто прошло совсем немного времени с того момента, когда они были в Гааге. Однако принц Руперт предложил брату уйти вместе с ним пораньше, и Мэри не могла не почувствовать, что он просто хотел сбежать от нее.

Джеймс был убежден, что они втроем самой судьбой предназначены для того, чтобы стать друзьями, и принц не отказался принять дружбу. Руперт мог не показываться несколько дней, хотя его квартира, располагавшаяся в доме городского чиновника, находилась на небольшом расстоянии от их собственной. В первую неделю они дважды вместе обедали, опустив всякие формальности. Джеймс каждый раз присылал записку, чтобы предупредить Мэри, что будет гость. Она заранее заказывала обед, чтобы в любой момент быть готовой к приезду гостя. Они втроем, закрывшись от всех, с удовольствием болтали о чем угодно, кроме своих дел.

Мэри всегда по-дружески приветствовала Руперта. Тот же всегда вел себя с ней тепло и уважительно. Она находила способы поддразнивать его, заставляя его улыбаться в ответ. У Мэри была возможность часами находиться в его компании, и она часто задавалась вопросом: имеет ли она право жаждать чего-либо еще. Пока принц разговаривал с Джеймсом, у нее было время понаблюдать за ним. Мэри находила удовольствие в том, чтобы позволять своему взгляду скользить по его лицу и телу, изучая как любимую картину. Ей не нужно было чувствовать себя виноватой, проявлять осмотрительность, соизмерять свои чувства, на что она не считала себя способной, ни даже особо сдерживать свои эмоции. Во время второго визита принца Мэри решила рассматривать лишь его рот.

Он был будто бы высечен из камня. Ей нравилась его улыбка. Но когда он был серьезен, то имел своенравный, даже высокомерный вид. Мэри нравился его решительный подбородок с ямочкой посередине. Она знала, что принц бреется каждое утро, тем не менее из-за голубоватой на его коже тени его лицо казалось более темным. Мэри сидела молча, взглядом лаская его рот и воображая, как она очерчивает кончиком пальца контур его губ, движется к маленькой

ямочке над ними, а потом спускается к подбородку. В то время, как внимание принца было сосредоточено на другом, Мэри могла предаваться своему тайному занятию, в своем воображении она прикасалась к нему, хотя никогда раньше не хотела этого.

Когда Руперт в четвертый раз приехал к ним в дом, Мэри была одна. Он вошел в гостиную, и когда она поднялась поприветствовать его, то внезапно почувствовала смущение. Он, казалось, слишком торопился, чтобы заметить ее реакцию. Одетый в камзол из буйволовой кожи и в темный жилет под широким плащом, в кожаных перчатках и шпагой, Руперт явно направлялся в гарнизон, и у него не было времени задерживаться.

Он поклонился, улыбнулся и сказал:

— Извините мое вторжение, но я обещал занести это вашему мужу, — он протянул ей потрепанную книгу в переплете из телячьей кожи.

Мэри взяла ее и инстинктивно задержала в своих руках, не глядя на него. Ее руки буквально вцепились в книгу. Затем она почувствовала смущение и посмотрела на название книги. Это была копия «Военных инструкций для кавалерии» Джона Крузо. Когда Мэри подняла глаза, то увидела, что принц внимательно смотрит на нее. Мэри подумала, что, держа его книгу в своих руках, она становится обладательницей еще одного предмета принадлежавшего ему, помимо носового платка, который он дал ей в Гааге. Мэри не могла позволить, чтобы кто-нибудь заметил, как она ценит эти предметы, а меньше всего он.

Неправильно растолковав ее молчание, Руперт твердо пояснил:

— Идея была не моя. Герцог спросил, не смогу ли я дать ему справочник по кавалерии. Я сказал, что он его может взять. Я ведь знаю каждую строчку и каждую картинку в этой книге. — Мэри по-прежнему молчала, поэтому он продолжил: — Его интерес чисто те-

оретический. Я надеюсь, что вы не считаете, будто я склоняю его к мысли стать командиром или заниматься армейскими делами больше, чем он... вы же не могли подумать ничего подобного обо мне?

— Нет, — ответила она. — Никогда. Я никогда так не думала.

Руперт протянул руку.

— Вероятно, вы предпочли бы вернуть мне это.

— Нет!

Испугавшись, что потеряет книгу, Мэри быстро отступила назад и положила ее на шкаф с посудой.

— Было очень мило с вашей стороны принести книгу. Джеймс является кем-то вроде ученика, когда занимается стратегией, но, как вы знаете, он совсем не разбирается в тактике. Он найдет эту книгу полезной. Когда вам надо будет вернуть ее?

— Как я сказал, вы можете оставить ее себе, — ответил Руперт тихо. Принц шагнул вперед, и выражение его темных глаз изменилось, когда он посмотрел на нее. Мэри ощутила силу его взгляда, как будто, хотя до этого момента они и знали друг друга, он не позволял ей проявиться.

Мэри должна была защититься. Сделав попытку придать своему голосу привычный тон, она сказала:

— У вас много книг по военному искусству. Где вы их храните?

— У меня много разных книг, и все они хранятся в нескольких местах, в том числе и в Оксфорде, — Руперт улыбнулся, не отрывая от нее глаз. — Я не тешу себе надеждой, что у меня есть что-нибудь, что могло бы заинтересовать ваш возвышенный ум, но если что-то такое имеется: книги или что-либо еще, вам стоит только попросить.

— Спасибо, — сказала Мэри с наигранной легкостью. — Я знаю о вашей щедрости. У меня уже кое-что есть из ваших вещей, если вы помните.

По его глазам она увидела, что он помнит все до мельчайших подробностей. Руперт молчал, Мэри тоже не могла говорить. Что заставило ее упомянуть о носовом платке? Теперь она должна любой ценой скрыть как он ей дорог.

Мэри глубоко вздохнула.

— Конечно, вы дали мне его только на время. Вы должны сказать мне сразу, если хотите получить его назад. Кружево из Дельфты, если я правильно помню, и тончайший лен.

Принц посмотрел на нее так, как будто бы она смертельно обидела его. Он поморщился, чуть отступил назад и, не глядя на нее, произнес:

— Прошу вернуть его, мадам, если это для вас так важно. Для меня же... — Он прикусил губу и устоялся в пол.

Она пропала. Беседа перешла линию горизонта, и Мэри должна вернуть ее в привычное русло, по которому можно плыть. Все тем же игривым тоном она заметила:

— О, я не уверена, что смогу расстаться с ним. Я вспоминаю то уникальное настроение, царившее в обществе, когда мне его дали. Вы помните тот момент? Мы все были в ваших руках. Когда вы вручили его мне, я плакала от смеха. Давайте придем к соглашению, вы можете забрать платок, если я смогу вызвать у вас подобные эмоции. Смех или слезы, или то и другое вместе.

Принц еще сильнее нахмурился, и его голос стал более глубоким. Глядя ей прямо в лицо, он сказал:

— Смех всегда был вашей прерогативой, мадам. Что касается моих слез, вы можете их вызвать в любое время.

Затем он низко поклонился ей и быстро покинул комнату.

Мэри смотрела ему вслед не в силах сдвинуться с места.

Его слезы, что он имел в виду? Она вздрогнула и облокотилась о шкаф с посудой, чтобы не упасть. Было только одно объяснение всему, и его взгляд красноречиво дал понять. Она стояла, пытаясь прийти в себя.

Затем Мэри подошла к окну и посмотрела вниз, как раз в тот момент, когда принц выходил из дома. Офицеры ждали его на улице, уже верхом. Мальчик рванул навстречу принцу, и головы мужчин повернулись в его сторону, но Руперт проигнорировал обращенные на него взгляды. На минуту он замер. Его высокая фигура отбрасывала черную тень на серые камни, но голова у него была наклонена. Он думал. Мэри прижалась к оконной раме, боясь, что Руперт может обернуться и посмотреть вверх. Но она была снова не в состоянии пошевелиться. Жалел ли он о том, что сказал? Она видела, что он борется с собой, чтобы не развернуться и не пойти назад, но внезапно он надел свою широкополую шляпу, поэтому Мэри не могла больше видеть его лица, присоединился к своим офицерам, сел на лошадь, и они все поскакали вниз по улице.

Мэри присела на резной сундук, стоявший под окном. От потрясения у нее появилась слабость, и она ухватила за занавеску. Она распорядилась его чувствами. Он любил ее.

Руперт провел утро, объезжая сельскую местность и inspecting работу водяных мельниц, там, где поставщик пороха Уильям Бейбер изготавливал свой товар. Пока он на большой мельнице разговаривал с Бейбером, стоял на берегу реки, где бондари делали из древесины и железа бочки для пороха, проезжал мили от одной мельницы к другой, мысленно он постоянно возвращался к тому, что только что сказал Мэри Вильерс.

Это вызывало у него головокружение. Его битва за ее сердце и душу началась без всякого предварительного плана. У Руперта не было никаких особых намерений, когда он заглянул в этот раз к Ричмондам. Все, что он хотел: оказаться с ней наедине, увидеть ее лицо, ее улыбку, когда она приветствует только его одного. Все, чего он желал, это получить невинное милолетное удовольствие. Удобный случай представился, и он воспользовался им. Пути назад не было, но он и не хотел отступать.

Мэри вела разговор со своим обычным умением, но в ее глазах блеснула тревога, когда речь зашла о носовом платке. Она не хотела возвращать его. Она буквально вцепилась в него так же, как и в книгу. Смутившись и встревожившись на минуту, Мэри попыталась все исправить и использовала свое самое главное оружие: начала поддразнивать его. Он же, не обдумывая ничего заранее, дал довольно резкий ответ.

Теперь все открылось. Мэри знала, что он любит ее, и ей нет нужды думать, будто он будет это теперь скрывать, кроме как от ее мужа и от всего остального мира. У Руперта не было ни малейшего представления о ее чувствах, потому что препирательство из-за платка могло быть лишь шуткой и не значить ничего вообще. Он мог допустить ошибку, недооценив силу сопротивления своего оппонента. В то же самое время при мысли о ней вся его собственная защита рушилась, и желание, охватывавшее его, было настолько сильно, что он едва мог различать дорогу.

Да, его битва началась. Но Мэри, должно быть, не догадывалась, что в настоящее время она является победительницей.

Глава 12

Граф Эссекс находился в Виндзоре, в своей новой штаб-квартире. Он с головой был погружен в дела, обучая лошадей и кавалерию. Недостатка в деньгах от парламента теперь не было, поэтому он тратил их, как только можно. Все его новые капитаны кавалерии получили тысячу сто четыре фунта для экипировки своих людей, и охота на лошадей велась вокруг всего Лондона. Требовательные офицеры были готовы платить по десять фунтов за подходящее животное. Каждого из них сопровождали по меньшей мере пятнадцать сильных и здоровых парней, и Эссекс был в курсе, что многие из его командиров не покупают лошадей, а забирают их силой у тех, кто поддерживает роялистов. Сам он предпочитал пока этого не знать, парламент готовил акт о секвестрах для этих целей, и он сам сформулировал военные предписания для армии, чтобы урегулировать подобного вида деятельность для всех родов войск.

Морозным декабрьским утром граф сидел на лошади в Виндзорском парке и смотрел, как тренируется отряд, проделывавший галопом сложные круги по покрытой изморосью траве. Наблюдая за тем, как они неумело работают на каждом повороте, он изрыгал проклятия и мысленно представлял этих солдат

в атаке, подобной той, которую принц Руперт предпринял под Эджхиллом.

На то, чтобы тренировать рекрутов и их лошадей, требовалось время, а Эссекс не был уверен в том, что оно есть. Требовались недели, чтобы приучить лошадей не пугаться выстрелов. Для этого следовало придвигать мушкет ближе к коню, пока он ест, а затем заставить его скакать под звук залпов, но даже в конце подобных тренировок некоторые лошади не выдерживали, и их приходилось отсылать. Что касается людей, за исключением ветеранов европейских войн, их военные знания даже среди офицеров были самыми примитивными. Их первая мысль о движениях кавалерии состояла в том, чтобы полк ездил кругами — маневр настолько бесполезный, что можно было успеть объехать все королевство, пока люди сообщали, что, собственно, от них хотят. Упражнения на близком расстоянии включали в себя рукопашную схватку, удвоенные нагрузки, контрмарши, выполнение трюков на лошадях и были настолько напряженными, что люди буквально задыхались, даже находясь на стандартном расстоянии в шесть шагов друг от друга. Имелся один особо сложный маневр, когда каждый из кавалеристов должен был скакать в ряд и стараться, чтобы его правое колено находилось рядом с левым коленом другого всадника. Понаблюдав две минуты за подобным упражнением, Эссекс мысленно представил, как его всадники лежат, упав на спины, подобно ракам на мели, и поворачивают свои головы, недоуменно смотря друг на друга.

У него было только одно утешение: когда он наблюдал за тренировавшейся массой и прислушивался к лязгу металла и грому проклятий, он знал, что принц Руперт столкнулся с теми же проблемами. Действительно, его атака под Эджхиллом помогла Эссексу понять, что королевской кавалерии еще нуж-

но тренироваться. А в подобном случае единственным правильным решением было отправить их тараном на врага и надеяться на лучшее.

Эссекс не сомневался, чем занимается Руперт в настоящее время. После стычек около Лондона он усиливает городские гарнизоны, укрепляет Оксфорд и консолидирует свою армию. Руперт принимал во внимание следующее: Лондон все еще принадлежал парламенту, а парламент мог располагать большим количеством людских, материальных и прочих резервов, чем король. Вдобавок лондонцы, которые сражались у Эджхилла, делали это больше ради спасения своих домов, детей и собственных жизней, чем ради Джона Пима и всех остальных. Они поняли, что такое резня, грабеж, мародерство, и не хотели, чтобы нечто подобное испытали их семьи.

Солдаты были непопулярны с обеих сторон. Собственные войска Эссекса были изгнаны из города в сельскую местность. Они слишком нагло вели себя в городе. Их репутация оставляла желать лучшего. Эссекс был не в состоянии предупредить осквернение собора в Ворчестере, а также других церквей, когда город был оккупирован, уберечь от грабежа те районы, по которым они проходили, возвращаясь в Лондон. Однако в целом солдаты были хорошими и верными ребятами, разве только скандалили немного сверх меры. Он мог держать их в руках, и дьявол возьми принца, когда они встретятся с ним снова.

В Оксфорде наступило Рождество, и, несмотря на небольшое количество протестов со стороны мужчин своего круга, Мэри получила все, что желала

к празднеству. Она не хотела никаких военных фанфар, барабанов, охотничьих рогов или маршей, поэтому вместо церковного парада была назначена лишь одна поздняя служба накануне праздника. Были сомнения, что это может выглядеть по-папистски, но она высмеяла их. Королевский проповедник доктор Симонс уже приготовил свою проповедь. Она попросила его, чтобы он ради леди и детей, которые придут на службу, и для того, чтобы подбодрить их, откажется, насколько это возможно, от строгих военных требований и сосредоточить внимание на добрых известиях, которые ангелы принесли на землю. Мэри напомнила ему, как печально, что оба юных принца будут без матери на это Рождество, и как много семейные привязанности значат для короля. Симонс, казалось, был поражен, и когда Мэри покинула его, она со смехом призналась себе, что бедняга, скорее всего, заставит всех расплакаться во время вечерней службы.

Вечерняя служба имела много преимуществ, в том числе то, что время ее проведения не позволяло офицерам высокого ранга покинуть их гарнизоны и приехать в Оксфорд. К тому же Мэри знала, что те офицеры и чиновники, которые находятся в Оксфорде, будут только счастливы, когда закончится служба, потому что смогут вернуться на свои квартиры или в свои дома, поднять заздравные кубки с гостями, зная, что они могут спать спокойно до рождественского утра.

Поговорив о музыкальном сопровождении и оставив Уильяма Ло репетировать с королевскими музыкантами и кафедральным хором, она занялась украшением церкви. Мэри решила, что колледжи Оксфорда, используемые теперь для различных военных целей, помогут обновить собор. Школы права и логики, в которых сейчас располагались амбары, должны

будут доставить чистой желтой соломы, разбросать ее на полу яслей, которые она установила у часовни Святой Фридесвиды, куда люди больше всего приходят помолиться в течение дня. Некоторые морщили лбы, когда она высказала предположение изобразить в фигурах святое семейство (опять папистская идея!), поэтому ей пришлось удовлетвориться фарфоровым младенцем — Христом в яслях, которого она запеленала до самых глаз, чтобы скрыть, что это была одна из ее старых кукол Изабелла, которую нашли среди игрушек молодых принцев.

Математическая и астрономическая школы были заняты пошивкой одежды и плащей, поэтому Мэри заставила их принести белую и зеленую ткань, чтобы нашить ее на флаги в честь Рождества. Она приказала также доставить знамена полков, несмотря на возражение Джеймса.

— Это неправильно. Если бы полки участвовали в церковном параде, они могли бы маршировать с ними и...

— Нет, спасибо, никаких эскадронов, которых заставят дрожать от холода и топтать четырехугольником на морозе. Это Рождество. Они милостиво предоставят нам свои знамена, это будет значить, что они смогут собраться вокруг огня в гарнизоне и выпить в честь нашего короля вместо подобной прогулки.

— Я не понимаю, зачем они тебе тогда нужны?

— Полки почти все новые, их знамена тоже. Они превосходно будут выглядеть, если повесить их по сторонам нефа.

— Мадам, знамена вносят в дом Божий, чтобы благословить их. Знамя подобно духу полка, и любой солдат, даже рекрут, сможет защитить его.

— Я знаю, тем больше причин повесить их рядом с ценным штандартом его величества, который был потерян и снова обретен под Эджхиллом. Там же бу-

дут висеть знамена принца Уэльского и герцога Йоркского. Когда мы вернем все знамена на Рождество, то их примут с почтением.

Действительно, великолепные знамена, квадраты шелка в шесть с половиной футов длиной в ярких цветах, придали службе такое достоинство и значительность, о которых Мэри даже и не предполагала. Их закрепили высоко на колоннах с каждой стороны нефа, и при взгляде наверх душа каждого наполнялась гордостью при виде этих славных символов у сводчатого потолка, озаренного светом массивных свечей.

Когда Мэри слушала музыку, она снова радовалась знакомой красоте церковных песнопений. Она закрыла глаза, пока хор исполнял музыку Кристофера Тая и Иеромонимуса Преториуса, поднимавшуюся к сводам, подобно полету золотых стрел.

Она была окружена Стюартами, и, когда во время службы призвали Бога, чтобы защитить и спасти человечество, она могла почувствовать, как мужчины вокруг нее упоминают в своих молитвах тех, кто находился далеко от них, и тех, кто никогда не сможет больше молиться вместе с ними. Она бросила взгляд на принца Руперта, который продолжал стоять на коленях в боковом приделе храма в то время, как джентльмен рядом с ним уже сел. Принц прижал скрещенные пальцы ко лбу, его волосы упали на лицо. Она отвела взгляд, мучимая виной и сожалением.

Это было первое Рождество с тех пор, как король отдалился от своих подданных. Стюарты и их сторонники преклонили сейчас колена перед Богом и просили благословения для своего дела, вот почему Мэри постаралась сделать все без изъяна, чтобы тем самым поспособствовать духовному подъему собравшихся. Как она сама могла оставаться в соборе в то время, как ее мысли и сердце стремились к Руперту?

Каждая молитва, которую она произносила, была ложью. Она не хотела впасть в душевную погибель и зачеркнуть все, чего так старалась добиться. Когда подошло время еще раз преклонить колени, она сжала свои руки и прошептала:

— Прости меня, Господи, и исцели меня.

Тогда даже Джеймс, находившийся совсем близко от нее, не мог различить ее слов, потому что они предназначались не для уха смертного.

Проповедь была мирной. И даже если юные принцы и плакали, а она надеялась, что все-таки нет, потому что в душе у они были мужественными, она не смогла бы это увидеть сквозь собственные слезы. За проповедью последовали жалобы Иеремии, для которых Уильям Ло выбрал величественную музыку Томаса Теллиса. Пока Мэри слушала, перед ее мысленным взором возник траурный вид Лондона.

— Каким одиноким стал город, ранее полный людей. Он стал подобен вдове. Город, который некогда был так величествен, теперь стал данником. Иерусалим, Иерусалим, вернись к своему Господу.

Затем раздались финальные рождественские песнопения, было произнесено благословение, прозвучали отклики на него, и проникновенный шепот голосов в соборе смолк.

Снаружи Мэри на короткое время оказалась рядом с принцем Рупертом. Они оба остановились, пока выходили другие.

Принц был молчалив и внимательно смотрел на Мэри, пока она сама не подняла голову и пожелала ему благословения в новом году ясным печальным голосом.

Он пожелал ей того же, а затем сказал с мрачной важностью:

— О чем вы молились этой ночью?

— О душе Джорджа Стюарта и о наших душах, ваше высочество, а вы?

— Я молился о том, чтобы не любить вас. Да услышит Бог мою молитву.

Руперт отошел от нее.

«Да дойдет до тебя крик нашего сердца!» Мэри склонила голову. Совсем немного времени прошло с того момента, когда Руперт дал понять, что любит ее, а теперь он молил Бога, чтобы этой любви пришел конец до того, как грех сможет уничтожить их обоих. Под священной защитой собора ее собственная молитва переплелась с его. Она изумилась, что в этом доме Бога они думали об одном и том же. Они жаждали мира. И жертвы.

Руперт принял решение в церкви Спасителя и сказал об этом Мэри. Он думал, стоит ли ему присоединиться к раздаче подарков в семье Карла в полночь, в его личных покоях. Но ее присутствие в этот вечер влияло на него, как и прежде. И Руперт знал, что если он отречется от нее, как обещал себе в соборе, то избегать ее при первой же возможности означает не верить в собственные силы.

Итак, он пошел, нагруженный подарками, которые собрал за последнюю неделю, и, едва переступив порог, поддался праздничному семейному настроению. Было облегчением отложить в сторону высокие цели и смотреть на Мэри, когда она, стоя рядом с королем, приветствовала всех дружеской улыбкой. Глядя на ее сияющее лицо, он почти поверил, что она не слышала его слов, когда они выходили из собора. В этот вечер она осуществляла свои самые сокровенные желания, принося другим лю-

ням счастье, и ничто не должно было стоять у нее на пути.

Подарков было много, некоторые оказались экстравагантно завернуты. Дело в том, что Мэри Вильерс привезла из Голландии рождественские подарки от королевы и принцессы Мэри и держала их дома, а теперь, ко всеобщему веселью, особенно со стороны братьев принцессы Мэри, принесла сюда. Карл и Генриетта-Мария всегда суетились по поводу любого праздника и были в восторге от подарков. Было похоже, они веселились больше, чем во всех остальных домах Оксфорда вместе взятых. Сэру Уильяму Гарвею, гувернеру принца, а также личному врачу короля было поручено следить за тем, как подогревается пунш над огнем, пока подарки передавали из рук в руки.

Король получил рождественский подарок от герцогини Ричмонд, точно такой, какой просил у нее каждый год, — нежный поцелуй в щеки. В ответ она получила квадратный пакет, в котором находился, подобно драгоценности, пейзаж из окна. Задышавшись, она схватила его. Ее глаза озорно заблестели, когда она посмотрела на Карла.

— Боже! Так вы все-таки решили, что это не Гольбейн, поэтому и отдаете мне.

Король от всей души рассмеялся, за что получил еще два поцелуя, еще более нежных, чем первые два, при этом принц Руперт упрямо смотрел в пол.

Обнаружилось, что герцог и герцогиня Ричмонд не обмениваются, как все, подарками на Рождество. Вместо этого они устраивают тщательно продуманный ужин для себя, который состоит не из традиционных блюд, а из продуктов, которые трудно достать в это время года.

— Наш стол всегда выглядит глупо, — сообщила по секрету герцогиня. — Однажды милорд разыскал для

меня ананас, я даже понятия не имею, где и как. Это стоило нам целое состояние. Вообще у нас происходит дичайшее смешение всего, что только можно: лосось и устрицы, сочная трава и апельсины... Поскольку мы вместе с вами сегодня вечером, мы воздержались от рога изобилия. Итак, мой супруг, мне пришлось поломать себе голову и опустошить кошелек, чтобы разыскать тебе вот это.

Ричмонд улыбнулся. Мэри протянула ему голубое блюдо из венецианского стекла, сделанное так, что его края украшали большие золотые яблоки.

— Любимые фрукты милорда, — объяснила она, пока герцог молча, с восхищением рассматривал блюдо. — Мы очень гордимся нашими фруктовыми садами в Кобэме.

Подарок герцога герцогине оказался тем, что король остроумно назвал самым совершенным кулоном для нее — массивный золотой ананас на тоненькой золотой цепочке, сделанный знаменитым ювелиром Жаном Петито. Мэри закричала от восторга и, смеясь, прижала его к себе. Поцелуев не было, муж и жена даже не прикоснулись друг к другу, но такое угадывание мыслей друг друга больно кольнуло сердце принца, как ничто другое. Что она подумала о его заявлении в соборе? Заботит ли ее вообще то, что он любит ее, или нет? Было мучением наблюдать, как она улыбается и смеется, и думать, что она счастлива. Был только один ключ к разгадке. Когда настроение у нее казалось самым солнечным, она не смотрела ему в глаза.

Руперт распределил свои подарки, которые включали связку золотых бутонов из лент, которые он обвязал вокруг шеи Мальчика, а затем вокруг шеи спаниеля дяди. Собаки бегали взад-вперед вокруг камин, пытаясь снять друг у друга банты. Гарвей, дразняще наморщив свое покрасневшее, как огонь,

лицо, сказал, что наступило время всем маленьким созданиям отправиться в постель, но принцы сделали вид, что не поняли его намека.

Для Ричмондов Руперт купил книги. Герцог получил блестящее издание работы Роберта Варда, недавно опубликованный критический разбор современного ведения войн. А герцогиня — прекрасно переплетенный экземпляр сонетов Уильяма Шекспира.

— Не сомневаюсь, что они у вас уже есть, — сказал он. — Но, вероятно, не в Оксфорде.

Мэри выразила свою искреннюю благодарность, но не поцеловала его в каждую щеку, как было принято. Ее пальцы пробежались по бархатному переплету с золотыми уголками и пролистали страницы.

— Я читала многие из них, но не все, — она озорно посмотрела на него. — Я полагаю, вы знаете, что стихи, посвященные джентльмену, вероятно, адресованы прекрасному сопернику моего блистательного отца.

— Любовные стихи?

Увидев сардонический взгляд нынешнего герцога Бэкингемского, Руперт получил молчаливое подтверждение этому.

— Хотя никому в голову не пришло предположить, — продолжила герцогиня Ричмонд, — что стихотворения к смуглой леди написаны для какой-либо соперницы моей матери. Ее соперниками, я боюсь, были только мужчины.

Руперт оперся локтем о колено, а руку положил на лоб, беспомощно рассмеявшись.

— Господи боже, моим литературным образованием, к сожалению, печально пренебрегали.

— Вам стоит только обратиться к Бэкингемам, — заметил Джордж Вильерс, — и вы усовершенствуете свои познания в этой области.

Все засмеялись, и Руперт в том числе. Он подумал, что поскольку Мэри знает эти стихотворения, то может и не открыть книгу снова или же решить, что в этом подарке скрывается намек на нечто неблагоприятное. Пусть лучше так и будет.

Герцогиня подарила Руперту тонкий носовой платок. Он расправил его на своем колене и не мог поднять глаз, пока она объясняла значение подарка семье со своей обычной откровенностью.

— Мне не надо было напрягать голову, чтобы выбрать его. Его высочество однажды вечером в Гааге одолжил мне носовой платок, когда мы все смеялись. Я не вернула его, а это почти то же самое, что конфисковать вещь, поэтому я решила, что будет правильным подарить ему новый, правда, боюсь, что худшего качества, чем тот, но у меня не было времени посылать в Дельфт или Утрехт за кружевами.

Принц поднял голову и улыбнулся ей.

— Ценно уже то, что вы об этом подумали.

Но какие мысли могли скрываться за этим кусочком венецианского голубого газа, он в этот момент расшифровать не мог. Но, без сомнения, это было даже к лучшему.

Королева планировала прибыть в Англию в январе, и Мэри была занята приготовлениями к ее возвращению. В Северном море поднялись штормы, и ее мальчики, хотя и обеспокоенные, шутили, как маме не везет в море, которое, вероятно, отбросит ее корабли обратно к Нидерландам. Генриетта-Мария должна была высадиться в Йоркшире, и Мэри полагала, что ей следует отправиться на се-

вер и лично приветствовать королеву, но Джеймс отговорил ее. Ньюкасл все еще контролировал морское побережье, но уже не так надежно, как в тот момент, когда приехала Мэри. Королеву должны были хорошо охранять в пути, а для этого были нужны сильные, хорошо вооруженные военные, а не дама-проводная. Поэтому Мэри задержалась в Оксфорде.

Если она осталась ради принца Руперта, а она пыталась убедить себя, что это не так, то ее ожидало разочарование. Он заходил к ним обедать намного реже, чем раньше, и то только по настоянию Джеймса. Он был перегружен работой, метался от одного гарнизона к другому, заботился о припасах. Мэри ото всех слышала рассказы о его проницательности, энергии и гениальности в вопросах руководства армией, которую одолели проблемы.

О Руперте говорили постоянно. После битвы при Поувикбридж рассказывали, что он переоделся сельским джентльменом, чтобы поближе увидеть войска Эссекса в Ворчестере, и, когда обедал с одной вдовой в ее доме, он от всего сердца согласился, когда она сказала, что этого бастарда Руперта следовало задушить еще при рождении. Вдобавок половина парламентской армии, казалось, верила в то, что пудель Мальчик был его поверенным, знал все его секреты и планы, и в то время, когда он скакал, подобно привидению, рядом с черным конем Руперта, совершая набеги на сельскую местность и молниеносные рейды к отрядам Эссекса, Мальчик мог исчезать по своему желанию, а затем появляться снова рядом с хозяином, чтобы дать ему точную информацию о всех передвижениях врага. Круглоголовые боялись Мальчика, как демона, и, хотя они стреляли в него, как только видели, тем не менее они опасались, что никогда не смогут его убить.

Мэри улыбалась, когда слышала об этом, и пыталась вообразить, как Руперт воспринимает подобные сказки, но он никогда не поднимал этого вопроса при ней. В конце концов она узнала, что, получив особенно едкий памфлет, распространявшийся в войсках, который сопровождала плохо выполненная на дереве гравюра, изображавшая принца на лошади с Мальчиком, бегущим рядом, он прикрепил бумагу на стволе дерева у самых его корней и попросил Мальчика сделать на нее свои дела, а тот, ко всеобщему веселью, так и поступил.

Когда Руперт приходил пообедать, ничего между ними не менялось. Было ощущение, что они оказывались в заколдованном пространстве, отгораживающем их от хаоса, царившего вокруг. Каждый раз они затаивали дыхание при встрече. Это случалось, либо когда он входил в дверь, или же она появлялась в комнате, в то время как он уже сидел, разговаривая с Джеймсом. В глазах принца, несмотря на то, что пытался скрыть свои чувства, загорался огонь любви, плававший так ярко, что Мэри удивлялась, как еще воздух между ними не загорелся и не выдал их всему миру. Она сама, как и раньше, умело прятала свое восхищение и была уверена, что он не догадается о нем. Однажды вечером Мэри наблюдала за руками Руперта, пока он разговаривал с Джеймсом о движениях кавалерии и двигал предметы на столе, чтобы наглядно все продемонстрировать. Он не мог носить на пальцах колец, потому что ему ежедневно приходилось пользоваться оружием и выполнять сотню трудных заданий. На ладонях принца появились мозоли, ногти обломались, хотя руки всегда были чистыми. В этот вечер принц пришел к ним прямо после долгой поездки на восток, которая продолжалась целых три дня. Руперт и его офицеры не надевали латы в такие экспедиции, доверяясь защи-

те колетов из буйволово́й кожи и иногда шлемам. Мэри заметила глубокие красные отметины на его левой кисти, а также вдоль всей руки. Должно быть, весь день он не снимал латную рукавицу*. Во время атак было обычным делом стараться повредить эту руку, чтобы всадник потерял контроль над лошадью. Когда она поняла это, у нее к горлу подступила тошнота, но Мэри не смогла оторвать взгляд от его рук. Принц заметил это, посмотрел вниз и с извиняющимся видом убрал руки со стола. Мэри чуть не расплакалась.

Разговор о тактике, однако, продолжился, и принц, казалось, был доволен, когда узнал, что герцог закончил прорабатывать военные книги Крузо и Варда и искал следующие. Руперт усмехнулся.

— Конечно же, вам следует прочитать большее их количество, — он обернулся к Мэри. — Скажите, а вы прочитали сонеты, которые я вам дал, или же вы совсем о них забыли?

Мэри не могла сказать ему, как внимательно читала эту книгу.

— Я прочитала некоторые, но не все.

После этого холодного замечания Джеймс с укором посмотрел на нее. Все Стюарты проявляли сентиментальность по отношению к подаркам, и он уже расхваливал ей подарок принца на Рождество.

— Я хотел бы, чтобы вы прочитали все, а потом мы бы обсудили их с вами, — сказал Руперт.

Глаза принца блеснули. Но Джеймс этого не заметил. Мэри сразу поняла, что, несмотря на решение принца в церкви Спасителя и на его сдержанное поведение с тех пор, в сонетах спрятано какое-

* Предмет вооружения, предназначенный защищать руку, когда она держит поводья.

то сообщение, и теперь он страстно желает, чтобы она увидела его. И он обязательно вернется, чтобы узнать ее реакцию. Позднее, оставшись одна в своей комнате, Мэри присела на постель и внимательно просмотрела книгу при свете свечи. Все уже видели и одобрили посвящение на первой странице, смеясь над экстравагантным способом, которым он возвысил ее ранг: *«Самой превосходной принцессе Мэри, герцогине Ричмонд и Леннокс, с вечным уважением и почтением, Руперт»*. В книге было более ста пятидесяти сонетов. Ни пометки карандашом, ни чернильного пятна, ни царапины или слезы рядом со строчкой, ни завернутого уголка страницы, ни закладки, ни какой-либо другой пометки, которая бы выдала цель дарителя, если предположить, что таковая была. Книга казалась совершенно нетронутой, как будто ее только что вытащили из-под пресса.

Мэри снова заставила себя взглянуть в нее. От расстройства ее руки начали дрожать. Размышляя, нет ли где маленького клочочка бумаги между страницами, она поднесла книгу к свету и начала быстро перелистывать. Ничего не выпало, но она кое-что увидела. Мэри снова принялась листать книгу, затем остановилась на предательской странице и поднесла ее ближе к огню. На уровне одной из строчек сонета номер семнадцать на поле сбоку виднелся крошечный прокол булавкой. Она опять стала листать книгу и обнаружила еще множество таких пометок.

Она сразу догадалась. Получалось четырнадцать строк. Теперь уже дрожали не только ее руки, но все ее тело было охвачено таким волнением, что воздух вокруг свечи колебался и мерцал. Мэри не стала в свою очередь делать никаких пометок. Вместо этого она взяла перо и бумагу и села со свечой на пол,

как любила делать Энн, и еще раз пролистала книгу с самого начала. На каждой строчке, обозначенной уколом булавки, она останавливалась и выписывала слова.

Она была права. Их было четырнадцать, выбранных из разных стихотворений, последняя строчка была из сонета номер сто двадцать три.

*Если б мог я описание давать красоте твоих глаз
Так долго, как длится дыхание,
по самый свой смертный час.
Так долго, как может зрение все видеть и отыскать
В верном отображении одну возможность солгать.
Тогда я мог бы осмелиться, сказать, как люблю тебя,
О, милая, мне верится, одна ты лишь так хороша.
Ты самая дорогая, единственная мечта,
В груди моей, я знаю, лишь ты заточена.
В то время, как я, моя королева,
считаю часы до встречи с тобой,
В сердце моем упрочился
смело восхитительный образ твой.
Знай, любовь моя,
я пишу о тебе каждый день и каждый час,
Я клятву верности приношу тебе и всему,
что сблизит нас.
Я пишу о тебе вне всяких дат,
время ничто для любви моей,
Я унеси ее в вечность
рад и подарить бесконечность ей.*

Она перечитывала это снова и снова. Сколько часов у него ушло на то, чтобы ему удалось сделать это. Сколько раз ему пришлось читать и перечитывать одно за другим стихотворения морозными ночами в бивуаках и на военных квартирах, оберегая книгу от жира свечей и грязи, а затем пометить строчки

так, чтобы получилось новое неожиданное стихотворение.

Глаза Мэри затуманились, она не могла больше читать. Она подняла книгу с пола, прижала ее к себе и встала на колени, плача о нем и о любви, на которую никогда не сможет ответить.

Следующим вечером принц Руперт и его армия уже скакали сквозь бурю по направлению к Барфорду, чтобы встретиться с маркизом Хертфордом, королевским генерал-лейтенантом на западе, и вместе с ним взять Сиренчестер и открыть дорогу в западные графства. Герфорд и его войска не прибыли на место встречи, но снег не позволил парламентским войскам сильно укрепить город, поэтому принц Руперт вернулся через две недели, захватив в жестокой и ужасной схватке Сиренчестер, тем самым вернув большую часть Глочестера королю.

Глава 13

Мрачным февральским днем принц Руперт сидел на лошади между сэром Джекобом Эстли, командиром пехоты, и командиром кавалерии Генри Вильмонтом, наблюдая за обучением мушкетеров. Руперт легко находил общий язык с Эстли, которого знал с детства. Старый солдат был его первым военным наставником, а затем они вместе сражались в Европе.

Внезапно Руперт почувствовал какое-то движение у своего затылка. Эстли вздрогнул.

— Господи, что это такое?

Руперт с раздражением посмотрел себе на плечо. Его любимая обезьянка размером с белку, прятаясь весь день под его волосами на затылке, внезапно решила появиться.

— Она вылезла из квартиры и побежала сегодня утром за мной. Она время от времени проделывает подобное, и я не могу понять, каким образом. Однажды она ехала верхом на Мальчике, ему это совсем не понравилось.

Эстли покачал головой, позабавленный видом Руперта, а затем сказал:

— Ваша мать все еще говорит обо мне как о своей Обезьяне?

Руперт ухмыльнулся. Его мать предпочитала зверинец своим детям и всегда держала его при дворе, а детей отсылала во дворец, называемый Принцен-Хофф, в десяти милях от Лейдена, где ими занималось множество гувернеров.

— Вы все еще ее фаворит, в своих письмах она никогда не забывает спросить о вас.

В этот момент обезьянка обвила своим черным хвостиком шею Руперта, перепрыгнула ему на другое плечо и оскалила зубы на Вильмонта, который смотрел в сторону, несколько не удивляясь ни ей, ни беседе.

— Ваше высочество... — сказал Эстли, дальнейшие его слова потонули в реве Руперта.

— Ты, там! Немедленно убери свое оружие от головы товарища или я отрежу твою!

Эстли увидел, что мужчина вздрогнул и качнулся с ноги на ногу, опасно держа оружие. Но затем послушался. Он бросил строгий взгляд на солдата, затем продолжил:

— Ты все еще хорошо помнишь тридцать шесть позиций мушкетера? Когда тебе было восемь лет, ты уже мог выполнять их без единой ошибки.

Руперт пожал плечами.

— Мне надо держать оружие в руках, только тогда, я смогу сказать это. Я могу проделать все упражнения с пикой, но они короче.

— Что ты думаешь об этих ребятах? — спросил Эстли в своей откровенной манере.

— Лучше среднего уровня, — ответил Руперт, затем положил руку на плечо старика. — Я хочу увидеть их с новыми мушкетами, Строуд и Уандесфорд получили приказ, я буду стучать в их двери до тех пор, пока они поставят их нам.

— Тогда заранее я благодарю ваше высочество, — ответил Эстли с улыбкой, — это значит, что они уже у нас есть.

Когда совсем стемнело и невозможно было что-либо увидеть, Руперт поскакал обратно в Оксфорд. Он не отправился к себе на квартиру, потому что дал герцогине Ричмонд достаточно времени, чтобы понять значение сонетов Шекспира, и не мог больше ждать ни минуты, чтобы встретиться с ней лицом к лицу, иначе его нервы могли просто не выдержать.

Он приехал, когда Ричмонда еще не было дома. На это он и рассчитывал, однако не предполагал, что герцогиня в это время развлекает лорда Дигби и целую стаю леди в гостиной. Он заскрежетал зубами. Превосходно. Он войдет прямо с обезьянкой на плече и без страха встретится с Дигби и остальной компанией.

Когда Руперт вошел, герцогиня улыбнулась ему, и он тотчас растаял, затем принц поприветствовал остальных. Вокруг обезьянки, которая глядела на гостей своими внимательными круглыми глазками, началась суматоха. Превосходная белая маска на ее лице, черная шапочка и нежный рыжеватый мех вызвали бурю восторгов. Руперта спросили, почему он держит ее вдали от двора, и он сказал, что временами зверек ко двору просто просится. Он объяснил, что она самка и у нее нет имени.

— О-о-о, — протянул Дигби, — вижу симметрию, Мальчик-пес, а обезьянка-сучка.

Раздался смех. Над шутками Дигби все всегда смеялись, поэтому Руперту не было нужды присоединяться ко всеобщему веселью.

Приблизились леди, но обезьянке никто не понравился, кроме герцогини Ричмонд. Зверек внезапно скакнул через две спинки стула на стол, подбежал к ней и засунул свою маленькую лапку ей за корсет. Все покатались со смеху. Герцогиня побледнела от шока, Руперт шагнул вперед. Он протянул свою руку.

— Дорогуша, — сказал он нежно, и его любимица тут же к нему вернулась. Герцогиня вздрогнула.

— Умоляю простить меня, вы не любите обезьян, я помню по Гааге, я не собирался приносить ее сюда, но она была сегодня со мной, и у меня не нашлось времени...

Герцогиня пришла в себя и, отодвинувшись, засмеялась.

— Я полагаю, что у нее, однако, есть имя.

— Нет, — принц подыскивал нужное слово, — я использую...

— Ласки? — вставил Дигби. — Очаровательно.

Руперт отнес обезьянку к стене комнаты и поместил ее более грубо, чем собирался, в книжный шкаф. Он отдал ей короткий приказ, и зверек захныкал, потом забежал за стопку книг и закрыл мордочку своими маленькими лапками. Принц отвернулся от нее и возвратился к собравшимся, обнаружив себя еще менее популярным, чем до этого. Прошел утомительный час. Руперта спасало лишь то, что Ричмонд все еще не вернулся. Он, как обычно, игнорировал Дигби, но вел светскую беседу, отвечая каждой из леди, если они обращались к нему, и в свою очередь задавал вежливые вопросы.

Герцогиня и Дигби предавались своему обычному насмешливому диалогу. Все вращалось вокруг них, в то время как Руперт избегал быть вовлеченным в их беседу и терпеливо ждал, пока все уйдут. Он заметил, что том Шекспира, который он дал герцогине, лежит на столе. Его сердце забилося от желания посмотреть его. В конце концов Дигби увел с собой леди, небрежно заметив, что король желает поговорить с принцем в церкви Спасителя о кавалерии, на что Руперт скривил губы, но тем не менее должным образом простился с ним.

Наконец они остались одни, за исключением обезьянки, которая после того, как наплакалась, заснула в книжном шкафу.

Мэри Вильерс стояла вблизи камина, приглаживая зеленую юбку своего платья. На ее плечах было надето еще что-то черное и блестящее с белыми вырезами, через которые проглядывали ее рукава, оставляя обнаженной часть ее рук. Ее запястья обвивал жемчуг. Он выглядел не к месту, как будто она засунула руки в глубокий сундук и жемчуг прилип к ним, когда она вытащила их из него.

Принц был готов заговорить, но герцогиня опередила его.

— Как друг могу я вас просить избегать ненужных оскорблений лорда Дигби?

— Он осел.

Мэри подняла голову и без чрезмерного подчеркивания сказала:

— Я нахожу его очень приятным.

— Конечно, находите.

Она вспыхнула.

— Могу я вас также просить, чтобы вы сообразовались, находясь в компании, ясно выражать свои мысли?

— Это очевидно.

— Нет, — возразила она. — Инсинуация никогда не бывает очевидной.

Руперт внезапно разозлился.

— Я хотел сказать, что Дигби льстец. Лесть всегда срабатывает, благодаря этому большинство людей прокладывают себе дорогу. Она делает вещи легче и бессмысленнее. Некоторые называют таких людей приятными, как это сделали вы. Вы и так об этом знаете, стоило ли мне пускаться в объяснение?

— О да, — сказала она, ее глаза блестели, — иначе я могла бы подумать, что вы имеете в виду то, что я рисковую, разыгрывая спектакль, и у меня есть тайное увлечение.

— Спектакль разыгрывал он, — Руперт сделал шаг в сторону, взмахнул шляпой и с трудом выговорил: — Вы хотите, чтобы я ушел?

— Нет, я предпочла бы поговорить с вами, думаю за этим вы и пришли.

После секундного колебания он шагнул вперед, выдвинул стул, сел и бросил свою шляпу на стол.

Мэри сидела напротив него в своей обычной небрежной позе, положив руки на стол так, что могла дотянуться до него.

Его гнев исчез, и голос снова стал спокойным.

— Вы прочитали книгу?

— Да.

— И вы поняли ее.

— Думаю, да.

Принц взял ее руку в свою, но Мэри тут же высвободила свои пальцы и вскочила. Он издал стон.

— Вы мое счастье, не отнимайте руку.

Мэри прошла в другую часть комнаты, затем описала круг вокруг него, касаясь рукой стен. Она не смотрела на него, поэтому принц наклонился над столом, прикрыв глаза. Он почувствовал нежное прикосновение к своему плечу, такое мимолетное, что даже не ответил на него, а когда поднял свою голову, она уже скользнула на стул и села напротив него.

— Я ваш друг, — сказала она.

Началось самое худшее.

— Вы согласны, что друзья могут иногда привлекать друг друга? — Принц с несчастным видом кивнул. — Я могу спросить вас, видели ли вы когда-либо знак, слышали какое-либо предположение или встречали вы кого-нибудь, кто заподозрил, будто я могу быть неверна своему мужу?

— Нет! Как вы могли?

Мэри приложила палец к губам, но потом отняла его.

— Тогда вы согласитесь, что не может быть большей обиды если кто-нибудь скажет подобную вещь обо мне?

Руперт ненавидел прямые вопросы. Он знал их силу и сам часто использовал.

— Дело не в этом, — проговорил он, — я люблю вас, я никогда не причиню вреда ни вам, ни вашему мужу. Все, о чем я прошу, это позволить сказать, что я люблю вас. Неужели вы откажете мне в вашем... — он остановился как раз вовремя: если бы он сказал доме, компании, дружбе, она могла бы опровергнуть все одним словом.

— О! — воскликнула Мэри, и ее голос изменился. — Я прошу вас не делать мою жизнь невыносимой.

Что-то изменилось, он отыскал ее глаза и увидел в них перемену. В их синей глубине появилась боль. Она больше не атаковала, а собирала силы для обороны. Руперта охватило непреодолимое искушение прорвать ее оборону, но он вынудил себя подняться, взять шляпу и сделать глубокий поклон.

— Я скорее бы умер, чем сделал вас несчастной. Вы распоряжаетесь мной, скажите мне, что я должен делать?

— Будьте моим другом, моим верным другом, — ее лицо побледнело, но она не встала. — Я боюсь, что больше нуждаюсь в вашей дружбе, чем вы в моей.

— Как такое может быть? Я люблю вас.

Принц взял ее руку и поцеловал пальцы, затем повернул ее и поцеловал ладонь, после чего вышел. Он оставил ее в тот момент, когда мог заключить в свои объятия и почувствовать, как она дрожит, подобно птичке, на его груди. Он покинул ее, зная, что если прижмет ее к себе сейчас, то завтра, вернувшись, может обнаружить, что она закрыла для него все двери. Он оставил ее в момент, когда она была уязвима, не произнеся ни угроз, ни обещаний.

Он оставил ее, не зная, любит ли она его. Он даже не спросил об этом.

Когда слуга закрывал за Рупертом входную дверь, клубок шерсти прыгнул на его сапоги и взлетел вверх по его телу, снова оказавшись у него на плече. Позади них раздался испуганный крик, затем дверь захлопнулась.

Принц наклонил свою голову к маленькому носу, прижавшемуся к его щеке, и почувствовал, как крошечные лапки вцепились ему в воротник.

— Дорогуша, — сказал он, накидывая на себя плащ и нежно устраивая обезьянку на плече.

— Моя жизнь. Моя любовь.

Эти слова действовали на него, подобно ликеру. Он скажет их ей. Он скажет все.

В первые месяцы 1643 года крепкая дружба принца Руперта и Ричмондов стала всем известным фактом, и каждый мог видеть выгоды тех, кто входил в этот треугольник. Для принца Руперта, который никоим образом не был в высоком фаворе у кого-либо при дворе, это цементировало поддержку Ричмонда, который был очень влиятельным человеком. Герцог с легкостью управлялся с фракциями вокруг короля, не был склонен к ссорам и, когда спрашивали его мнения или совета, всегда проявлял выдающийся ум. Герцогиня была полезна принцу в другом плане. Ее тепло, остроумие, знание света смягчали его поведение в хорошем обществе. Принц всегда был очарователен, когда хотел, теперь же он был очарователен вдвойне, потому что чаще улыбался. Будучи гением королевской армии, принц вел крайне тяжелую жизнь, и лишь немногие могли позавидовать ему

из-за этой дружбы, которая представляла для него все выгоды: утонченную беседу, привязанность, смех и удобства, когда бы он ни искал их. Для Ричмондов эта близость укрепляла интимный круг королевского двора, который вскоре должен был увеличиться с возвращением королевы.

Во время этих месяцев были случаи, когда все трое нуждались друг в друге. Королева добралась до северного побережья в феврале, но высадилась в Бридлингтонбейе, который подвергся атаке парламентского флота.

«Мы были беззащитны, когда начался обстрел, — написала она Мэри. — Я даже была вынуждена прыгнуть в канаву. Надеюсь, что вскоре я окажусь в безопасности в Йорке».

Оттуда королева должна была отправиться в Оксфорд с тысячами свежих солдат, собранных на севере, а также с большим обозом оружия, обмундирования и припасов, привезенных из Европы, но Ньюкасл не чувствовал себя достаточно уверенно для того, чтобы обеспечить ей подходящий эскорт, поэтому Мэри пришлось еще долго ждать королеву, а принцу Руперту нужно было смирить свое нетерпение, чтобы получить нужное ему оружие.

Тем временем все трое иногда бывали в отчаянии от политики короля, направленной на то, чтобы положить конец войне. Джон Пим на данный момент не имел тотального влияния в парламенте, и партия, настроенная на мир, выступала за договор с королем, чтобы он мог вернуться в столицу и править в союзе с парламентом. Палата общин и палата лордов одобрили этот план, договор был составлен, специальные уполномоченные от парламента в середине марта прибыли в Оксфорд, чтобы обсудить его. Мэри с интересом отметила, что среди них был поэт Эдмунд Уоллер, который однажды написал стихотворение,

чтобы отпраздновать «королевскую» свадьбу ее карлицы Энн и Ричарда Гибсона.

Сначала, казалось, король был ободрен началом переговоров со специальными представителями парламента, но затем Ричмонд начал чувствовать его неуверенность. Каждый вечер, когда он приходил домой к Мэри, у него была новая история о настроении короля, его точке зрения и проектах. Тем временем королевские армии становились все сильнее: Ньюкасл на севере, собственная королевская армия в Оксфорде и мощная сила на юго-западе под командованием маркиза Хердфорда.

Однажды вечером после позднего ужина, пока остальные разговаривали, герцог не проронил не слова. Мэри рассказывала Руперту о развлечениях на тот момент, когда королева поселится в колледже Мертон. Смеясь, уговаривала его исполнить еще какой-нибудь необычный танец, а он упорно отказывался. Внезапно Джеймс, который не слышал ни слова из их разговора, сказал, словно очнувшись ото сна:

— Я слышал кое-что, о чем я должен рассказать вам. Это известие не дает покоя мне весь день. Я знаю, что, если я скажу вам, это останется между нами.

Мэри и Руперт замолчали, с беспокойством глядя на него. Мэри редко видела Джеймса таким удрученным. Наконец он начал:

— Король слушает лишь самого себя, — он покачал головой, оперся локтями о стол и посмотрел на книги, стопки стихотворений и пьес, которые собрала Мэри. Его узкое лицо с небрежно спадающей на лоб прядью золотых волос выглядело бледным и усталым.

— Семнадцать секретных поручений были даны верным сторонникам короля в Лондоне. Их главой является бывший лорд-мэр.

— Поручений? — переспросил Руперт.

— Да. В нужный момент, он еще не определен, они должны будут поднять армию и захватить парламент и Лондон для его величества.

— Что? — переспросила Мэри. — Я не верю вам. Семнадцать человек для того, чтобы поднять армию. Мой бог! Какое безумие! Не имея поддержки?

— Насколько мне известно, да.

— Это верная смерть, — вмешался Руперт. — А тем временем у короля три армии, готовые служить ему.

Голос принца стал хриплым от гнева, и он вскочил на ноги.

— Почему? Почему не сказали мне?

Джеймс взглянул на него и сухо ответил:

— Потому что вы говорили бы сейчас. — Он протянул руку и схватил Руперта за запястье. — Сядьте, ваше высочество, сядьте, не расстраивайтесь, те, кому даны поручения, еще не начали действовать, и я сделаю все, что смогу, чтобы этого не произошло. Я сказал вам это только потому, что временами... — Он выпустил запястье Руперта и оперся рукой о голову. — Временами его величество не слушает ничьих советов, кроме своих собственных. Он способен согласиться на одно действие утром, а затем отменить все днем, и все это не консультируясь ни с кем, принимая в расчет только свои собственные суждения. Я могу только надеяться, что он все-таки откажется от своих замыслов.

— Замыслов! — воскликнула Мэри. — О мой супруг! То, как он собирается поступить со специальными представителями парламента здесь, в Оксфорде, это бесчестно.

Руперт мрачно посмотрел на Ричмондов, сел и молчал. Он никогда не критиковал короля. Его собственная честь требовала безусловной лояльности, и он подчинялся голосу рассудка. Если Карл выступал в совете против него, то он склонялся перед его ре-

шением, а затем, не задавая вопросов и не комментируя, торопился выполнять приказы.

Джеймс вздохнул.

— Извините, мне не следовало взваливать на вас эту ношу. Никто из нас ничего не в силах изменить, мы можем только надеяться, что будет соблюдена строжайшая конспирация. Я слишком устал, чтобы продолжать говорить об этом.

Попытавшись улыбнуться, он потянулся вперед и похлопал по стопке листов, лежавших перед Мэри.

— Что это? Еще одна комедия с масками? Вы не писали их долгое время.

— Некоторые я писала вместе с королевой, но ни одну я не писала в одиночестве, за исключением...

В гортани у нее пересохло, пока она доставала один исписанный лист из стопки и боролась с тем, чтобы ее голос не задрожал.

— У меня есть одна, чтобы угодить ее величеству. Она о дружбе.

Мэри не могла смотреть на Руперта. Она не отрывала глаз от Джеймса, который взял листок из ее пальцев и взглянул на начало, перед тем как вернуть.

— Не слишком длинно, — заметил он. — Это хорошо, — его глаза скользнули по последним строчкам. — А, песенка скромной пастушки к ее обожателю, я вижу.

— О небеса, нет! Не обожатель, она желает, чтобы он был ее другом.

В этот момент Руперт так пристально посмотрел на нее, что она чуть было не подняла руку, чтобы защитить себя.

Джеймс ухмыльнулся.

— Филокл и Эфелия — подходящие имена, я уверен. Могу я это прочесть в другой раз? Признаюсь, что падаю с ног. Я оставляю вас литературе.

Он встал и положил руку на плечо Руперту.

— Не позволяйте ей утомлять вас Строфонами, Феллидами и Силадонами, их будет предостаточно, когда королева вернется домой.

Они пожелали друг другу спокойной ночи.

Мэри внутренне дрожала. Она с Рупертом никогда не оставались одни. Это был первый раз после его неудачного визита, когда она прочитала его сонет. Она всегда устраивала так, чтобы они виделись только в компании. Руперт подчинился, он лишь давал ей знать взглядами, брошенными украдкой, тем, как он приветствовал ее и прощался с ней, вниманием, с которым следил за каждым ее словом и жестом, что все его счастье зависит от нее. Он дал ей понять, что благодарен, что она позволяет ему находиться вблизи нее, но Мэри видела, что страсть его не уменьшалась. Однажды, когда принц прощался с ней, он сказал прерывистым шепотом так, чтобы не услышал Джеймс:

— Это попытка.

Теперь он сидел напротив нее за столом, между ними лежала стопка бумаг, а в его взгляде читались страсть и опасение.

— Вы желаете, чтобы я прочитал это?

— Мне хотелось бы знать ваше мнение.

Принц взглянул на лежавшие перед ним бумаги, как будто они вот-вот вспыхнут и обожгут его.

— Я не вижу названия. Оно есть?

— «Филоклу, с приглашением подружиться».

— Вы издеваетесь надо мной, мадам?

Она покачала головой.

— Как вы могли подумать такое, вы подарили мне стихотворение, это мой подарок в ответ.

— Да, я подарил, но слова были не моими и в них не было ничего, что могло бы нанести удар в отличии от этих.

Ее глаза наполнились слезами.

— Я написала это для вас, а вы даже не хотите это прочитать.

Руперт увидел ее слезы, и выражение его лица переменилось, но он проворчал:

— Вы показали это стихотворение прежде меня вашему мужу, вы все делаете публично, я не могу называть ни одного слова или действия, которое бы принадлежало только мне.

Мэри покачала головой, чтобы прогнать слезы.

— Разве вы еще не поняли меня? Разве вы еще не осознали того, что если есть что прятать, то лучше всего положить это на самом видном месте?

— А, — протянул он уже тише, — вы всегда были слишком загадочной для меня.

Затем он посмотрел вниз, протянул руку и взял бумагу, его пальцы дрожали, поэтому он положил лист бумаги на стол и прижал верхний уголок своим большим пальцем.

Затаив дыхание, Мэри наблюдала, как он молча читает каждую строчку. Стихотворение начиналось так:

Лучшему из тех, кого я знаю.

С уверенностью можно было сказать, что насмешки здесь не было, но принц саркастически улыбнулся, когда прочитал следующее:

*Мы можем остаться, знай,
Лишь в строгом союзе вместе,
Невинная дружба — рай,
И лучший пример для чести.*

Он перевернул страницу, и улыбка с его лица исчезла. Принц читал с боязливым вниманием, которое на предпоследнем куплете внезапно сменилось гневом.

*Зачем я напрасно говорю
О том, что мы будем делать,
Мы души сольем, мою и твою,
Они обе должны стать целым.
Твоя душа, моя душа, они одно, по любви велению,
И понять уже нельзя, кто из двух Филокл, кто Эфелия.*

Мэри не отрывала напряженного взгляда от лица Руперта, пока его глаза скользили по последним строчкам. Она заметила, как сильно изменилось выражение его лица. Он постучал по стихотворению указательным пальцем.

— Этим словом «невинность», вы меня добились. Дружба, когда один забывает самого себя ради другого... Нас будет греть ее природная непорочность. Я понимаю: непорочная дружба — это все, что вы можете мне предложить. Вы могли бы просто сказать, что никогда не желаете видеть меня снова.

Руперт положил обе руки на лист бумаги, и Мэри подумала, что он сейчас разорвет лист.

Она почувствовала себя отверженной, ее голос задрожал.

— Разве я для вас ничего не значу? Я трачу мою доброту и время. Конечно, для вас это ничего не значит.

Она встала, вырвала бумагу из его рук, пересекла комнату и бросила ее в огонь.

— Нет!

Подобно вихрю, он уже оказался позади нее, в тот самый момент, когда бумага коснулась пламени, он схватил ее из огня. Мэри содрогнулась. Руперт бросил бумагу перед камином и погасил огонь своим сапогом.

Она оставалась в нескольких шагах от него, пока он стоял перед пламенем. Его лицо было искажено гневом и отчаянием, он тяжело дышал, не в состоянии говорить. На минуту принц испугал ее. Затем он поднял ногу, посмотрел вниз, издал глухое восклица-

ние и наклонился, чтобы поднять лист, который на конце обуглился в том месте, где сгорели несколько строчек.

Принц повернулся и, держа кончик листа, шагнул по направлению к Мэри.

— Последние строфы сгорели. В нашей дружбе нет непорочности. Ее никогда не было. Теперь произведение читается так, как должно.

Руперт находился в одном шаге от нее, такой сильный и непреклонный, поэтому Мэри даже не отодвинулась. Она смотрела на его лицо, пока он разглаживал лист и убирал его в карман своего дублета. Затем она наклонилась к нему, и Руперт поцеловал ее. Он слегка прикоснулся к ней губами, затем его губы открыли ее рот. Они были одновременно и твердыми, и нежными. Касаясь рукой его груди, Мэри ощущала, как он дрожит от того, что сдерживает себя, чтобы не схватить ее в объятия и не прижать к себе.

Принц не настаивал, когда она отстранилась. Мэри двинулась в направлении стола, оглядываясь через плечо. Ее одновременно переполняли и радость, и боль. Дом дышал, огонь потрескивал, теплый воздух мерцал над камином позади него, а он казался очень тихим и отдаленным, неподвижным, как темная фигура на картине. Наконец он произнес:

— Спокойной ночи, моя жизнь, — и покинул комнату.

Глава 14

В последнюю неделю марта принц Руперт и лорд Дигби оставили Оксфорд с отрядом около тысячи девятисот человек и несколькими пушками. Им предстояло взять Бирмингем, находившийся в руках парламента. Гарнизон там был слабым, но его командиры не собирались позволять принцу захватить его, особенно потому, что в городе была крупная мануфактура по изготовлению шпаг для парламентских армий. Они разделили свои силы на две части для обороны и блокировали главные входы в город, поэтому принц поджег несколько близлежащих домов. В суматохе из-за пожара его кавалерия могла проехать садами и между зданиями. Короткая кровавая схватка все решила: принц принял капитуляцию города и прекратил огонь. Когда его отряд на следующий день двинулся к Личфильду, некоторые из его солдат на прощание даже сделали несколько выстрелов. Принц рассердился и сказал Дигби:

— Теперь появится еще один парламентский памфлет. Предупреждаю, что вас изобразят в нем вместе со мной.

— Я предпочел бы оставить эту привилегию за Мальчиком, — сухо заметил Дигби.

Когда они приблизились к Личфильду, их следующей цели, Руперт узнал, что Эссекс готов двинуться через долину Темзы, если мирные переговоры в Оксфорде прервутся. У принца не было времени для образцового проведения осады Личфильда, ему нужно было захватить город и передать его королю как можно быстрее.

Самой большой помехой для Руперта оказалась его артиллерия, которая была слишком легкой, чтобы повредить толстые каменные стены городского кафедрального собора, в который удалился гарнизон. Решение, найденное им, никогда еще не применялось в Англии. Он отправил людей, чтобы осушить ров вокруг огороженного стеной места и навести там мост. Затем они прошли по этому мосту, подвели под стену мину и смогли войти через образовавшуюся брешь. Чтобы быстрее копать, согнали местных рабочих. К удивлению Руперта, Дигби заинтриговала его идея, и он добросовестно работал по грудь в грязи и под огнем гарнизона до тех пор, пока не был ранен выстрелом в бедро.

Мягкой весенней ночью девятнадцатого апреля Руперт нанес поздний визит своему раненому полковнику кавалерии и нашел Дигби в его квартире. Тот лежал на матрасе и пытался читать при свете мерцающей свечи. Дигби хотел было сесть, но Руперт жестом остановил его и подошел к двери крикнуть, чтобы принесли лампу и вина.

— Как дела? — преодолевая боль, спросил Дигби.

— Минеры все подготовили, сейчас они наполняют бочки порохом. Завтра мы устроим подрыв, как только образуется брешь, наши пушки через нее откроют огонь, чтобы смягчить упорство осажденных, а затем появимся мы.

— А вы дадите им четверть часа на размышления? — спросил Дигби. — Я слышал, как вы жутко

ругались, когда позавчера они повесили одного из наших пленных на стене. Ведь вы же в любом случае не хотите, чтобы о вас написали пасквиль, называя вас палачом Личфильда.

— Король написал мне и попросил проявить милосердие. Они выйдут с военными почестями, если сразу же капитулируют.

Дигби повернулся на бок, вздрогнул и поднял кубок с вином, который Руперт вручил ему.

— У меня такое чувство, что так и произойдет, взрыв-то ведь будет чертовски сильным.

Отряды кавалерии принца Руперта квартировали в Эбингдоне на Темзе, но Карл встретился с ним после его возвращения двадцать пятого апреля в Виллингфорде, который располагался ближе к недавним бедствиям. Он с Рупертом сидели в королевских апартаментах роялистского гарнизона города и разговаривали о событиях последних нескольких дней.

— Кого вы оставили управлять Личфильдом? — осведомился король.

— Ричард Бэгот назначен губернатором.

Король кивнул.

— А город не пострадал?

— Если не считать бреши в стене, нет. Никаких пожаров не было, и все производство осталось таким, как было. Теперь у нас больше пороховых мануфактур и литейных заводов и значительные запасы продовольствия.

— Это ваш триумф, племянник. Взять город, располагая столь незначительной силой и скудной артиллерией, — сказал король.

Руперт наклонил голову, но не ответил, поэтому через минуту король спросил:

— Как чувствует себя лорд Дигби?

— Достаточно хорошо, чтобы двигаться, поэтому он уже на пути в Оксфорд.

— Каково же ваше мнение о нем?

— Как о солдате? Храбрый мужчина, но он собирается отказаться от командования.

Король вздрогнул.

— Не может быть.

— Он абсолютно серьезен, нет сомнения. Вы вскоре услышите о причинах его решения, сир, он пытался объяснить их мне, но я не увидел в них особого смысла. Даже когда он был ранен, он, казалось, одобрял кампанию, но вскоре после этого мы начали ссориться из-за нее. В конце концов я отказался его слушать, у меня были более срочные дела. Мне жаль, но я сомневаюсь, что его можно будет убедить снова принять на себя командование, и я не стану одним из тех, кто будет пытаться сделать это.

Король вздохнул, потом спросил:

— А молодой герцог Бэкингем? Как прошло его первое боевое крещение в ваших войсках?

— Он хорошо проявил себя. Мне случилось разговаривать с ним вчера, и он передает привет вашему величеству и своей сестре.

— Спасибо, Молл будет довольна. Он бывает небрежным, когда речь заходит о том, чтобы сообщить семье о своих делах. Мне не хотелось бы ее беспокоить, она уже и так достаточно расстроена из-за графа Денби.

Руперт кивнул, но не сделал никакого замечания. Денби, смертельно раненный у Бирменгема, был мужем Сьюзен Вильерс, тетки Мэри и Джорджа, и одним из самых ближайших друзей королевы. Сын Денби, Бэзил, который сейчас должен был унаследовать титул, сражался за парламент. Король уже получил составленный Рупертом доклад о тех, кто был убит

и ранен в кампаниях, но принц ненавидел терять людей, и король знал, что он не будет распространяться о судьбе Денби во время этой встречи. Вместо этого Руперт спросил:

— А как специальные представители парламента?

— Вернулись назад в Лондон. С моего благословения. Больше ничего сказать не могу.

Руперт пристально посмотрел на Карла, затем перевел взгляд на стол, потом на стену. Он всегда был чисто выбрит, но сегодня у него пробивалась узкая полоска усов. Карлу пришло в голову, что если бы он отрастил их чуть сильнее, подобно большинству придворных, он стал бы похож на бандита. Таковым он выглядел и сейчас. Сегодня принц был более агрессивным, чем обычно, и при ответе Карла выражение его лица стало разочарованным, даже, можно сказать, сердитым.

— Я ожидал увидеть, что вы страстно желаете вести войну на этой территории. Все к этому и идет, — заметил король.

Руперт сжал кулаки.

— Сир, парламент опубликовал множество клеветнических произведений, в которых меня называют поджигателем войны. Они не знают, что не тем я жаждал прослыть в качестве генерала кавалерии вашего величества.

— Вы гораздо больше, чем генерал кавалерии, и вы хорошо это знаете, — сказал король. — Я завишу от вас. — Он вздохнул и заговорил снова, вначале в его голосе звучала обида, но постепенно его тон стал величественным. — Парламент предложил... такие условия и в такой манере, что я не мог согласиться ни с одним из них и согласовать с ними мое... Я нисколько не сомневаюсь, что они ожидали такого ответа еще до того, как послали сюда своих специальных представителей. В этом случае они просто потратили мое... мое

и свое время. Они уехали десять дней назад, а Эссекс уже осадил Ридинг.

По лицу Руперта Карл заметил, что тот уже знал об этом. Принц задал несколько осторожных вопросов, чтобы нарисовать более точную картину. Она была не оптимистичной: губернатор Карла в городе был ранен, и город оборонял храбрый командир, сражавшийся у Эджхилла, Ричард Филдинг. Король пояснил:

— Он согласился сдать город на определенных условиях. Он считает, что сил у него недостаточно, а мы не в состоянии поддержать его. Мы не можем перейти к нему через Темзу по Каверсхемскому мосту, войска парламента там слишком сильны.

— Не может ли Филдинг продержаться чуть-чуть дольше? Если сможет, то нам удастся помочь ему.

— Похоже на то, что он согласился с условиями сдачи города.

— Тогда прикажите ему отправить Эссексу другой ответ, отклоняющий эти условия, — посоветовал Руперт, вставая. — Позвольте ли вы мне переговорить с Филдингом, если я смогу?

Король, вздрогнув, посмотрел на него.

— Мой дорогой Руперт, вы несколько дней не вылезали из седла, так ли уж необходима такая спешка и такой риск? Может быть, имеет смысл захватить что-либо вблизи Ридинга?

— Не могу знать до тех пор, пока не попробую, сир, — принц приподнял бровь. — Мне поможет, если я пообещаю не переплывать через Темзу?

— Откуда я узнаю, что вы не поплывете?

Принц поморщился.

— Руперт держит свои обещания.

— Поезжайте... сейчас же поезжайте, да хранит вас Бог, — сказал король.

Руперт находился в приемной принца Уэльского в храме Христа. Солнечный свет лился потоком через окна на пол, покрытый хорошей норфольской рогожей, на которой сидел юный принц Карл, трепавший Мальчика за уши и погружавший свои пальцы в его шелковистую шерсть, чтобы почесать его. Мальчик внимательно слушал то, что рассказывал ему Руперт.

Принц, сидя у окна и положив свою руку на подоконник, смотрел на блестящие квадраты новой травы.

— Я не мог добраться до Филдинга, но мне удалось подкрасться к месту на Темзе, откуда я мог окликнуть его, и таким образом мы переговаривались друг с другом. Я спросил его, что может сказать о сдаче города, и он ответил, что он не может идти на компромисс сам с собой, отменив согласие на сдачу. Он принял предложенные ему условия. Вы понимаете фразу «с военными почестями»?

— Да, конечно, — принц Карл поднял свою темноволосую голову, его круглое лицо было спокойным и серьезным. — Вы можете маршем выйти из города, вам никто не причинит вреда, и никого не станут брать в плен.

— Хорошо, вот на какие условия согласился Филдинг. Я позволил ему сдержать свое слово и одобрил его решение. И по совести, если вы обвините его в том, что случилось после, то можете также обвинять и меня.

— Мой отец говорит не так, — ответил Карл, руки его все еще ласкали Мальчика. — Он говорит...

— Позвольте мне продолжить. Филдинг сдержал свое слово, но парламентское войско — нет. наших солдат остановили и напали на обоз, когда они маршем выходили из города. Когда Филдинг вернулся сюда в Оксфорд, то его лишили звания, отдали под суд и приговорили к смерти. Почему он должен умереть, на ваш взгляд?

Карл выглядел боязливо, ожидая, что его заставят выразить свое собственное суждение, и Руперт подумал, не был ли подобный разговор ложным шагом с его стороны. После минутного раздумья мальчик сел и твердо сказал:

— Потому что он сдал город.

— Иногда приходится принимать подобные решения. Это стратегия. Позволите ли вы вашим войскам погибнуть ни из-за чего, или же сохраните им жизнь, чтобы они сражались за вас в другой день?

— Тогда все верно, — произнес Карл серьезно, — потому что он не обеспечил их безопасность.

— Хорошо продуманный ответ. Но была ли его вина в том, что противник не сдержал своего слова? — После паузы Руперт добавил: — Ричард Филдинг храбро сражался за вас, ваше высочество, в битве под Эджиллом. Подумайте о сэре Эдмунде Вернее, который также воевал там и погиб, защищая королевский штандарт. Разве мы будем проклинать его имя за то, что он его потерял?

— Нет, — вздрогнув, ответил Карл.

Руперт никогда не был уверен, были ли оба мальчика свидетелями того, как сотни людей умирают на поле битвы за их дело. Он знал, что королевский гувернер сэр Уильям Гарвей, сильно беспокоясь, вводил их с поля битвы, чтобы они, хотя и слышали звуки сражения, не могли увидеть его. Прячась в укрытии, пока стреляли большие пушки, Гарвей даже пытался читать им вслух книгу, которую возил с собой. Вероятно, все же было хорошо, что Карл понял его позицию. Ребенок выглядел торжественно.

— Вы думаете, мой отец выкажет милость Ричарду Филдингу?

— Ваше высочество, никто другой, кроме него, не сможет этого сделать. Ни член палаты общин, ни двор, ни суд или судья, ни знатный вельможа не

помилуют человека, который уже был приговорен. Милосердие — это прерогатива принцев, это большая ответственность, потому что без действия принцев милосердия не могло бы существовать.

— Если я поговорю с отцом и скажу ему, что не думаю, что Ричард Филдинг заслуживает смерти, он меня послушает?

Руперт поднялся, и Мальчик прыгнул к его ногам. Руперт наклонился и ласково коснулся волос принца.

— Оставляю вас, чтобы вы поразмыслили над этим, но я думаю, что вы знаете ответ.

Для Мэри гостеприимный дом и ужин в этот вечер были самыми лучшими из того, что она и Джеймс когда-либо предлагали принцу Руперту. Он уже два дня находился в Оксфорде, но был не в состоянии принять их приглашение. Сегодня вечером, однако, он пришел с хорошими новостями: король был тронут мольбой принца Уэльского, и Ричард Филдинг не потеряет ни жизнь, ни свободу. Мэри смотрела через пустой камин на Руперта, пока они сидели вокруг стола. Она радовалась так сильно, что ее лицо горело, как будто она выпила слишком много вина. Руперт снова был здесь, он снова вернулся без единой царапины после кампании, он расслабился и был готов болтать о чем-либо, кроме неизбежной войны с подданными короля. Он ответил на их взволнованные расспросы о лорде Дигби, который находился на пути к выздоровлению, передал им новости о герцоге Бэкингеме и с уважением и сожалением упомянул о графе Денби, умершем от раны после Бирменгема. Сыну Денби, стороннику парламента, позволили посетить умирающего отца, но он пришел слишком поздно. Мэри видела письмо, которое ее тетя Сьюзан Вильерс впоследствии отослала ему.

«Господи Боже, вложи в сердце моего дорогого сына решимость покинуть эту безжалостную кампанию, которая привела к смерти его отца. Теперь я думаю об этой партии с ужасом, до этого я думала о них с печалью, наступило время, когда Бог и природа требуют этого от тебя, до этого ты был увлечен по ошибке, теперь же это кажется отвратительным и чудовищным, последние слова твоего дорогого отца были о том, что он прощает тебя. Он хотел растопить твое сердце. Позволь твоему дорогому отцу и несчастной матери смягчить твое сердце, позволь моей великой печали получить некоторое утешение».

Однако единственное утешение, которое получила Сьюзан Вильерс, было от тех, кто горевал с ней при дворе.

В этот вечер со смешанными чувствами Джеймс рассказывал принцу ироничные истории о пребывании специальных представителей парламента в Оксфорде. Руперт внимательно слушал его, бросая время от времени быстрые взгляды на Мэри.

Внезапно Джеймс наклонился вперед и воскликнул:

— Мой дорогой друг, у вас кровь!

— Чепуха!

— Да нет же, миледи, вы должны позвать кого-либо.

Мэри вскочила со стула и подошла ближе к Руперту, который приложил руку к своему лбу.

— Мои извинения, вчера было все в порядке, я думал, что кровотечение остановилось.

Мэри с дурным предчувствием смотрела на струйку крови, стекавшую из-под его волос. Он поднял голову и спокойно сказал:

— Все в порядке, если бы вы дали мне одну из салфеток...

Она протянула ему салфетку, он прижал ее ко лбу, а затем убрал в сторону.

— Вот и все.

— О нет, — возразила она. — Я настаиваю на том, чтобы осмотреть рану.

Мэри взяла салфетку из его рук и, встав напротив Руперта, разделила его волосы на пряди, чтобы осмотреть голову. Ее пальцы тряслись. Она была ошеломлена тем, что наконец-то прикоснулась к нему. Она нервничала, потому что Джеймс сзади наблюдал за ней, Мэри страшно желала прикоснуться к рукам принца и переживала из-за того, что это было невозможно. Его густые темные волосы на ощупь были подобны шелку.

— О, — пробормотала она. — У вас синяк и глубокая рана, которая, должно быть, очень болит... Я не могу надавливать на нее, позвольте мне удалить кровь с ваших волос. Кровотечение остановилось.

— Спасибо, — сказал он и вынул салфетку из ее пальцев. — Прошу вас, садитесь.

Мэри отодвинулась и села, внутренне дрожа.

— Как это случилось? — спросил Джеймс.

— Пустяки, это произошло во время обратного марша из Ридинга. Шальной выстрел, проявление учтивости со стороны разведчика Эссекса. Мой телохранитель бросился искать стрелка, но так никого и не нашел.

— А вы не могли бы носить что-нибудь под шляпой? Есть шапка для этой цели, сделанная из стали, у нее странное название...

— Она называется «секрет», — сказал он. — Я не знаю... секреты иногда могут принести больше вреда, чем пользы. Привыкаешь к беспечности.

С бьющимся сердцем Мэри пыталась понять значение его замечания, а Руперт тем временем продолжил:

— Пуля вызвала у меня досаду по одной причине: это была первая царапина, которую я когда-либо получал на войне. О, у меня было множество вывихов,

ушибов, синяков и других отметин, но никогда меня не ранили до крови.

— А ведь вы начали участвовать в сражениях совсем мальчиком, — заметил Джеймс с удивлением, — и тогда вы были таким же безрассудным, как и сейчас. В этом я могу поручиться.

Руперт признал это со слабой улыбкой, обращенной к Мэри.

— Да, меня обвиняют в том, что я безрассуден.

— Неужели вы никогда не испытывали страха? — спросил Джеймс.

— Конечно, испытывал. Впервые я узнал его, когда был еще совсем ребенком, во всяком случае, полагаю, что это должно называться страхом, но точно не знаю. У меня сжалось тело, это было в момент, когда я ожидал удара. Как бы вам это объяснить, — принц улыбнулся. — Я сражался врукопашную по очереди с четырьмя, я приготовился драться со следующим мальчиком, я посмотрел на него и сказал себе: «Этот парень хочет ударить тебя по голове и сбить с ног, тебе будет больно, как будто тебя побили десять тысяч дьяволов, и тебя отнесут без сознания или же в сознании, и изрыгающего проклятия, я забыл какие, в твою комнату в Принцен-Хоффе». После того как я сказал себе это, мое тело прекратило сжиматься, и, вы знаете, я ринулся вперед и... победил его, — заключил Руперт, слишком поздно заметив, что глаза Мэри полны ужаса.

— А ваша первая битва? — снова спросил Джеймс.

— Я сказал себе: «Этот день Господь выбрал для тебя, чтобы ты умер». Я пошел вперед и тут же прекратил думать об этом, — ответил принц.

Улыбка, вызванная воспоминаниями, исчезла с его лица.

— Мое ремесло — убивать божьи создания. Однажды, когда какое-либо создание убьет меня, то это будет воля Бога. Потому я даже никогда не молюсь, все

в его руках. — Он посмотрел на Мэри и сказал, пытаясь вызвать у нее улыбку: — Я не могу сравниться с сэром Джекобом Эстли, молившимся у Эджхилла. «О Господь, ты знаешь, насколько я буду занят в этот день, если я и забуду тебя, то не забудь меня ты. Марш вперед, ребята!»

Джеймс повернулся к Мэри и увидел ее лицо.

— Ваше высочество, — произнес он. — Моя жена не привыкла к таким историям, если мы продолжим, то она совсем обессилит.

Джеймс протянул руку и коснулся волос Мэри, что обычно делал крайне редко.

— Извините, — пробормотал принц, разглядывая свои ноги в сапогах, которые он вытянул к камину.

Джеймс обратился к Мэри:

— Вы не спали прошлой ночью и переутомились. Почему бы вам не оставить нас? Его высочество наверняка простит вас. Вы очень побледнели.

Мэри встала. Она знала, что Джеймс не потерпит возражений, и взглянула на Руперта. Она подумала, что его, возможно, оскорбили замечания Джеймса, но вместо этого, пока не видел Джеймс, принц смотрел на нее с любовью. Его тронуло, что она так испугалась за него, и он едва мог скрывать свои чувства. Совладав со своим голосом, она сказала:

— Очень хорошо, но я не уйду, прежде чем мы не договоримся о следующем ужине у нас. Я надеюсь, что на следующей неделе вы еще будете в Оксфорде.

Принц поднялся и поклонился.

— Я сделаю все, что будет в моей власти.

— Жена, — сказал Джеймс, — прекрати и уходи.

— Вы не сказали мне, что предпочитаете: пирог с голубями или каплуна? Когда вы придете...

— Уходи! — сказал Джеймс шутливым тоном.

— Все, что угодно, — ответил Руперт и поцеловал ей руку.

— Тогда до следующей недели.

Краем глаза Мэри уже видела, что Джеймс наполовину поднялся и указывает ей на дверь. Она высвободила свою руку из пальцев Руперта, коснулась кисти Джеймса, пока шла к двери, и удалилась.

Выйдя из гостиной, она на минуту почувствовала головокружение и была не в состоянии двигаться. Через закрытую дверь она слышала, как Руперт тихим голосом сказал:

— Извините меня, я стал причиной ее ухода.

— Не беспокойтесь, ваше высочество, моя жена подобна солнцу, ей нравится нести тепло, если ей не удалось этого сделать сегодня, то завтра она снова поднимется и будет светить еще ослепительнее, чем прежде. Ей нужно отдохнуть, вот и все.

Придя в свою комнату, Мэри тщательно приготовилась ко сну, затем забралась в постель и отослала свою камеристку. Дверь в спальню была закрыта, огонь в камине не тлел, и комната погрузилась в зловещую темноту.

Какими ужасными были представления Руперта о религии. В возрасте четырнадцати лет он готов был умереть, если Богу будет угодно. Кальвин учил, что Бог сам выбирает души, которые хочет забрать к себе. Ни добродетели, ни бескорыстные деяния не могут спасти уже осужденного. Ни один человек не знает, когда войдет в число избранных, он всего лишь божье творение.

Очень долго, даже не осознавая того, Мэри верила, что Руперта окружает некая аура, делающая его неуязвимым. Она боялась за него, но это был не тот холодный и все сжимающий внутренний страх, который овладел ею сейчас в темноте ночи. Она боялась его потерять, так как понимала, что ничто не защитит его, даже собственная бдительность.

Глава 15

В конце мая оправдались самые худшие опасения герцога Ричмонда относительно роялистов в Лондоне. Заговор семнадцати человек, в число которых входил бывший лорд-мэр Гардинер, был раскрыт еще до того, как они смогли причинить какой-либо вред парламенту или горожанам, но паника, охватившая всех, оказалась крайне сильной. Все заговорщики были арестованы, двоих из них сразу же повесили прямо перед их домами. Одним из заговорщиков был Эдмунд Уоллер, бывший специальный представитель парламента в марте в Оксфорде. Уоллер выдал всех остальных, что, однако, никак не повлияло на его дальнейшую судьбу. Его приговорили к смерти и отослали в Тауэр.

В июне королева Генриетта-Мария объявила себя генералиссимусом его величества и наконец начала медленно продвигаться на юг страны с войском в несколько тысяч человек. Огромный груз с военными припасами, который она привезла из Европы, продвигался вместе с ней под конвоем. Он состоял из двух крупнокалиберных пушек, которых прозвали Гог и Магог, тридцати двух единиц крупного огнестрельного оружия и десяти тысяч единиц мелкого оружия, кроме этого там было семьдесят восемь баррелей пороха.

Принц Руперт тем временем, раздраженный потерей Ридинга, пытался закрепить свои позиции, чтобы Эссексу не досталось больше ничего вблизи Оксфорда. В рейдах, которые продолжались по двадцать четыре часа в сутки, он изучал положение вражеских сил. Принц захватил в плен около сотни человек, убил и того больше, а во время молниеносных набегов на сельскую местность, вблизи Челгроу, разбил парламентскую кавалерию, смертельно ранив одного из офицеров Джона Гемпдена, члена парламента, которого король Карл однажды пытался арестовать. Восемнадцатого июня Руперт вернулся в Оксфорд с пленниками, потеряв не больше двенадцати человек.

Временами Мэри беспокоилась, сможет ли колледж Мертон, который уже был готов к приезду королевы, стать надежным укрытием для Генриетты-Марии. Он находился напротив городских стен, за которыми простирались луга, тянувшиеся до укреплений перед городом. Принц заверил ее, что у королевы есть своя собственная гвардия, которой командует очень компетентный лорд Джермин, поэтому она и ее леди будут надежно охранять.

— Я буду реже видеть вас, — сказал он ей однажды шепотом, полным сожаления. — Моя тетя хочет, чтобы вы были рядом с ней день и ночь.

Беседа проходила при дворе, где ее могли слышать другие, и Мэри не могла выказать, как разочарована этим. Она представляла свое будущее иначе, чем он. С возвращением Генриетты-Марии ей придется вернуться к исполнению своих обязанностей. Это заполнит ее жизнь и лишит удовольствия, которого она больше всего жаждала.

— Но вы ведь будете часто посещать ее в Мерто-не? — спросила Мэри.

— Я привезу ее величество сюда, но многие захотят посетить ее, когда она устроится в Оксфорде. Королева будет окружена людьми, и я смогу увидеть вас только в толпе. Я не знаю, вынесу ли это.

— Не говорите так, не мучьте меня, — шепнула она.

— О небо! — воскликнул он. — Что же тогда вы делаете со мной?

Это был взрыв эмоций, которые он не мог контролировать. Мэри огляделась, чтобы удостовериться, что их не слышит кто-либо еще. Поблизости никого не было. Руперт, заметив ее беспокойство, прикусил губу и с глухим восклицанием отошел в сторону. Больше в этот день она его не видела.

На следующий день Мэри снова была в Мертоне. В голове у нее созрел некий план. Она все еще беспокоилась, будет ли королева в безопасности в колледже, потому что ходил слух, будто бы в старые времена в фундаменте здания был прорыт туннель. Говорили, что он доходил до церкви Спасителя и служил тайным убежищем в беспокойные времена. Посредством его враги могли проникнуть в колледж. Никто не разделял тревог Мэри из-за этого, а Джеймс по этому поводу часто шутил:

— Мертон был построен в тысяча двести шестьдесят четвертом году. Десять к одному, что туннель провалился несколько столетий назад, если он вообще когда-либо существовал. Если же он и есть, то я полагаю, что он служит проходом в город, чтобы студенты могли тайно проносить запасы спиртного.

Тем не менее Мэри решила отыскать туннель, не сообщая об этом Джеймсу, который бы наверняка высмеял ее и подумал, что она забивает голову всякой чушью, либо же обеспокоился, что жена может

подвергнуть себя риску. Мэри взяла с собой Энн Гибсон и в сопровождении двух своих телохранителей отправилась к колледжу. Она оставила их у ворот и повела Энн к зданию. Они прошли мимо толпы слуг, которая выметали пыль и проветривали здание, готовясь к приезду королевы. В помещениях, отведенных для главной кухни и кладовых, прислуги было гораздо меньше, но именно там Мэри и ожидала найти туннель. В последних нескольких комнатах нижнего этажа она обнаружила только одного слугу, который устанавливал полки в кладовой без окон. Он чуть было не упал с лестницы, когда увидел в полумраке позади себя две фигуры, но, когда спустился и пришел в себя, оказалось, что он может помочь Мэри.

Когда его спросили о туннеле, он указал на узкий проход.

— Вот, ваша милость, дверь в комнату, где будут сушить белье, она сейчас открыта, в ней очень темно, и ни у кого из нас не было ни желания, ни времени осмотреть ее. Повар слышал, что оттуда можно попасть в подвал.

— Покажите мне, пожалуйста.

Втроем они подошли к двери в дальнем конце комнаты, которая примыкала к кухне. Там было всегда тепло, в этом помещении находились вешалки, чтобы сушить белье во влажную погоду. Дверь была плоской, но открыть ее оказалось трудно, и слуге пришлось сильно поднапрячься, чтобы распахнуть ее. На каменные плиты пола посыпались опилки, и вокруг его ног поднялся целый вихрь пыли. Впереди была темнота, как он и говорил.

— Вы не принесете мне один из ваших фонарей?

Он бросил вопрошающий нервный взгляд на Энн. Она склонила голову набок и прошептала:

— Свет нам пригодится.

Слуга исчез и вернулся с фонарем.

— Вы желаете, чтобы я пошел и взглянул, ваша милость?

— Нет, пойду я, а Энн останется здесь и будет при-
сматривать, чтобы никто не закрыл за мной дверь.

Он от изумления раскрыл рот.

— Вы пойдете туда одна, ваша милость?

— Я не пойду далеко, — солгала Мэри. Хотя в этом не было необходимости. Разве она не располагает своим временем?

— Тогда я должен кое-что сказать, ваша милость.
Там крысы.

Энн тяжело задышала, а Мэри рассмеялась.

— Услышав малейший писк я бегом вернусь назад.

Итак, она пошла одна. Пройдя один или два ярда, Мэри увидела грубые, но крепкие ступени, ведущие вниз. Старинная каменная кладка не заскрипела, когда она ступила на нее. Пол оказался каменным, такими же были стены и потолок. Вскоре она обнаружила дверь, ведущую в туннель, и хотя Мэри не смогла открыть ее и даже посмотреть сквозь трещины вокруг, она решила, что наверняка должен быть еще один вход в подвалы.

Туннель был покрыт серой пылью, там и здесь сквозь стены просачивалась влага, но когда Мэри поднялась чуть выше, воздух стал более сухим и дышалось уже легче. Она подумала, что дальше, скорее всего, есть другие двери или отверстия или же какой-то проем на потолке или в полу. Потому что появилась свежесть, как будто она гуляла в роще за городскими стенами. Мэри определила для себя направление, в котором ей нужно идти. Было похоже, что туннель не вел за пределы Оксфорда, а, наоборот, поднимался к холму в центре города. В этом случае он не представлял никакой угрозы для безопасности Мертона.

Вдруг Мэри ударилась кончиками пальцев о неровности пола и остановилась. В этот момент она призналась себе, что боится. За пределами света фонаря ее окружала темнота, в этом мраке она не могла различить, где оставила Энн. Может быть, она завернула за угол или же ступени лестницы оказались такими высокими, что загораживали от ее глаз серый прямоугольник открытой двери. Мэри знала, что если закричит, то Энн позовет людей, и все бросятся в туннель ей на помощь.

Она взглядела в темноту впереди себя и попыталась взять себя в руки. Если бы Мэри вдруг увидела пробегавшую крысу или какие-нибудь следы на полу, она бы сразу повернула назад, но ничего подобного она не обнаружила, как будто этот подвал был забыт всеми земными созданиями уже целые столетия. Но Мэри боялась привидений. Когда-то давно люди, должно быть, забирались в эти подземные коридоры, чтобы перенести свои секреты из одной части старинного города в другой или же спрятаться во время резни или эпидемии чумы. Здесь все еще могли бродить их души — пропавшие, нераскаившиеся, ищущие мира и покоя, в которых им было отказано историей. Мэри улыбнулась, пытаясь подбодрить себя и прогнать страх. Если она и встретит какой-либо беспокойный дух, то она найдет с ним общий язык.

На Мэри было платье из тонкой фламандской шерсти, поэтому она не чувствовала холода, хотя в туннеле температура была намного ниже, чем наверху. Сегодня она надела ту же пару туфель, что и в тот день, когда шла увидеться с графом Эссексом перед прошлым новым годом. С тех пор она не надевала их, потому что еще одну такую пешую прогулку она бы не вынесла. Больше всего, помимо привидений, она боялась упасть в яму, но туннель был основа-

тельным и никаких ям в полу, похоже, не было. К удивлению Мэри, других дверей тоже не оказалось. Она прошла мимо маленьких углублений, изредка встречавшихся то там, то здесь. В них стояли выточенные из камня скамейки, на них можно было посидеть и отдохнуть так, чтобы другие проходившие по туннелю тебя не видели.

Мэри только что вышла из одного из таких углублений, когда вдруг появился призрак. Далеко впереди замаячил свет, то ли белый, то ли серебристый, который слабо мерцал. Она спрятала фонарь под своими юбками, прижала свободную руку к губам и вгляделась в темноту. Сердце у нее сильно забилося. Привидение увеличилось в размерах и запрыгало, зигзагами направляясь к ней, как быстрый неустойчивый шар огней святого Эльма*.

Мэри не закричала. Ее сердце как будто бы остановилось, а ноги словно приросли к земле, но затем ее охватила паника. Она тяжело задышала и бросилась назад в углубление, чтобы уйти с дороги привидения. Но неожиданно она споткнулась о скамейку, ее фонарь закрутился в руке, ударился о камень рядом с ней и погас.

— Черт! — проревел из темноты мужской голос. — Стой!

Мэри вскочила на ноги и вся съежилась, но ничто не накинулось на нее и даже не проскользнуло мимо. Дух послушался команды мужчины! Дрожа, Мэри села. Изо всех сил напрягая в темноте глаза и прислушиваясь, она различила, как что-то острое и твердое царапает пол в нескольких ярдах справа от нее. Затем она услышала тяжелое дыхание. Внезапно от стены отделилась рука с фонарем. Из даль-

* Огни святого Эльма — электрические разряды, предвещающие шторм.

него угла появился мужчина, идущий по направлению к ней.

— Мальчик, — произнес четко голос по-французски. — Маленький дьявол, в чем дело?

Затем последовало несколько ругательств, но на этот раз на немецком, пока человек шел по туннелю. А потом он произнес на английском:

— Все в порядке, продолжай. Что это было? Крысы?

Она шагнула вперед, наклонилась и протянула свои руки. Пудель Мальчик тут же подбежал к ней и сунул свой нос в ее протянутые ладони.

— Это я, — сказала она по-французски высокой темной тени, возвышавшейся впереди.

Мужчина споткнулся, ударился головой о потолок, а фонарь в его руке подпрыгнул.

— Не выроните его, — попросила она, — мой уже погас.

Человек секунду стоял, прислонившись к стене и не дыша, затем высоко поднял фонарь и пошел вперед. На его лице были недоверие и восторг. Свободной рукой он потер голову и отодвинул прядь волос, упавшую на глаза.

— Мой бог, это чудо.

— Во имя неба, откуда вы пришли?

— Из «Голубого кабана».

Он указал в направлении, откуда появился, что, по его мнению, было лишним.

— А вы? Неужели из Мертонга!

Когда Мэри утвердительно кивнула, он сказал:

— Ричмонд говорил мне о вашем безумном намерении, но я никогда и не мечтал...

Он сделал шаг к ней, пока говорил, и нагнулся, чтобы зажечь ее фонарь, валявшийся в пыли, от своего. Он наклонил голову. По тону его голоса Мэри не могла определить, улыбается ли он по-прежнему.

— Мне дал ключ от туннеля один из моих людей, который квартирует в Сен-Альдате. Когда я в последний раз был с ним в «Голубом кабане», он сказали, что есть тайный проход. Там хозяин трактира складывает бочки. Что-то похожее на контрабанду, подумал я тогда.

Он поставил ее фонарь на край скамьи, а свой на пол.

— Я закрыл дверь в гостинице. Если откроется какая-нибудь другая дверь, то от потока воздуха огонь начнет мерцать. Мальчик, — приказал он, — оставайся.

Мальчик плюхнулся на пол и положил голову на лапы, его нос был развернут в направлении, откуда пришла Мэри.

Руперт снял плащ и расстелил его на скамье.

— Прошу, мадам, садитесь.

Она послушалась и взглянула на него.

— А вы?

Принцу сложно было стоять в туннеле, ему приходилось постоянно пригибаться.

— Нет, я хочу смотреть на вас.

Он стащил свои латные рукавицы и стал внимательно вглядываться в ее лицо. Его глаза одновременно выражали и недоверие, и радость.

— Я отправился сюда из трактира, чтобы посмотреть, что здесь прячет хозяин. Бочки с порохом, нагроможденные одна на другую, представляют собой не очень-то приятную картину. Вместо них я нашел вас. Это чудо, это судьба.

Их глаза встретились, и Руперт внезапно спросил:

— Вы не боитесь?

— Нет.

Мэри изумил свой ответ, но она действительно не боялась.

— Встретить мужчину и его любимца в адском мраке под холмом не является чем-то нормальным для

меня, но мне... почти уютно. Мне будет еще уютнее, если вы сядете.

Принц послушался, бросил свои перчатки на пол и присел на них в той же позе, как год назад в монастырском саду в Вассенаер-Хофф. Как и тогда, Мэри протянула свою руку, он взял ее и крепко сжал.

— Я люблю вас, но я не могу говорить вам об этом. Это убивает меня. Иногда я думаю, что если бы имел возможность бывать наедине с вами одну хоть секунду каждый день и говорить вам эти слова, я мог бы умереть счастливым, но затем...

— Не говорите о смерти!

Он поцеловал ее пальцы.

— Извините.

— Каждый раз, когда вы отправляетесь в кампанию, вы должны приходить ко мне и прощаться со мной.

— Моя любовь, — произнес он по-французски. — Я не всегда знаю...

Мэри отняла свои пальцы и приложила руки к его щекам.

— Обещайте.

Руперт поднялся с пола и сел рядом с Мэри, затем обнял ее и прижал к себе с такой силой, что чуть было не задушил ее. Он наклонился к ней, и его резкий шепот проник в ее сознание.

— Почему вы не моя?

Мэри прижалась к нему, утонув в его объятиях. Лицом она прильнула к его груди. Руперт глубоко и хрипло вздохнул и освободил ее, нежно коснувшись ее волос, лица и шеи.

— Почему нас не поженили, когда мы были юными? Мы ведь могли быть женаты, вы могли бы быть моей. Если бы только вы вышли замуж за меня, а не за Пемброка. Мне было шестнадцать, я был готов, я уже все знал тогда.

Ошеломленная, она посмотрела на него.

— Я всегда думала, что вы были высокомерным мальчишкой.

— Я имею в виду женщин. Я бы сделал вас такой счастливой!

— Вы стали таким высокомерным мужчиной. Только небо знает, почему я люблю вас.

Он замер.

— Вы любите меня?

Мэри подняла палец и прижала его к верхней губе Руперта, затем медленно обвела им вокруг его рта и подбородка. Он смотрел на ее лицо. Его большие глаза светились, как будто ее слова зажгли в них огонь, который никогда не мог погаснуть.

— Я люблю вас, — призналась она.

Для Руперта это было мгновение торжества. Он владел ее сердцем и никогда не мог вообразить, что она скажет об этом в таком месте. Эта изысканная женщина, принадлежавшая к миру элегантности и высшей роскоши, находилась с ним в туннеле, в котором было сыро, как в тюрьме, и где единственным удобством, которое он мог ей предложить, была защита его рук. Она забыла обо всем, и, когда ее палец нежно исследовал контуры его рук, он ощутил слабость. Образ Мэри проникал в его сердце и затмил память о любой женщине, которую он когда-либо знал. В то же самое время, наблюдая за ее лицом, пока она пальцами завершала движения, он увидел нечто такое, чего не замечал в ней до этого момента: доверчивость, а также что-то очень близкое к невинности. Новое, мучительное чувство пронзило его. Было ли возможно, что она не только любит его, но он к тому же является ее первой любовью? Однако ревность к ее союзу с Ричмондом имела такие глубокие корни, что он

не мог долго задержаться на этой мысли. Мэри взглянула на него так пылко, что Руперт поцеловал ее, прогнав подобные мысли.

Ее нежные и покорные губы ответили на поцелуй, но на этот раз он мог обвить руками ее гибкую талию и прижать к себе. Мэри доверилась ему, она закрыла глаза, и ее губы требовали продолжения. Ее дыхание участилось, ресницы затрепетали, он целовал ее до тех пор, пока не почувствовал, что ее тело напряглось то ли от желания, то ли сопротивляясь. Руперт не позволил ей отстраниться, через минуту он оторвался от ее губ, но продолжал обнимать, положив ее голову себе на плечо.

Принц немного подождал, его сердце сильно билось, затем он пробормотал:

— Вообразите, если бы мы поженились в Гааге, я бы выбросил всех из Принцен-Хоффа на неделю или на месяц, или на сколько бы вы захотели и затопил бы все каминны, потому что вы любите тепло, — он крепче сжал ее. — А мы бы обнаженные ходили рука об руку по всем комнатам.

— Обнаженные? — приглушенно прозвучал голос Мэри. Он пальцами откинул волосы с ее лица.

— И мы бы занимались любовью перед каждым из каминов, пока бы они не погасли. Ночью я укрывал бы вас тончайшим льном, а по утрам, когда бы вы просыпались, я бы поворачивался к вам, — он легко подвинул ее, чтобы Мэри могла смотреть ему прямо в лицо, и обнял ее руками за шею, — я бы медленно отодвигал простыню с вашей шеи, ваших плеч и вашей груди... — Его руки двигались одновременно с его словами, очень нежно касаясь ее кожи, и хотя желание переполняло его, он заставил себя следить за ее реакцией. В тот момент, когда его руки коснулись нежного углубления между ее грудей, он услы-

шал, как изменилось ее дыхание, и увидел, как она взмахнула ресницами.

— Мы лежали бы обнаженными в объятиях друг друга весь день, вы были бы моей.

— Обнаженными, — прошептала Мэри.

Руперт наклонил голову и поцеловал ее.

Внезапно они услышали скрежет. Поднялся Мальчик. Руперт взглянул и увидел, что собака насторожилась, указывая носом в ту сторону, откуда пришла Мэри.

— За вами идут, — сказал он тихо, — вы должны возвращаться.

Мэри как будто пробудилась ото сна. Он коснулся ее губ.

— Вставайте. Берите фонарь и идите.

Принц помог ей подняться, поставил свой фонарь ближе к каменной стене и набросил на него плащ, затем вместе с Мальчиком спрятался.

— Я буду ждать здесь, в темноте, до тех пор, пока вы не окажетесь в безопасности.

Она встала и посмотрела на него. В золотистом свете фонаря ее лицо казалось совсем бледным. На другом конце туннеля послышался слабый звук приближавшихся шагов.

У Руперта возникло болезненное предчувствие, что Мэри не сможет вовремя выйти или скажет что-то, что выдаст их обоих. Но Мэри просто с минуту смотрела ему в глаза, затем повернула голову, подняла фонарь и пошла. Спустя несколько секунд она уже пропала из виду.

Принц сел на скамью, положил руку на голову Мальчика, чтобы успокоить его, и прислушался. Он слышал звук ее шагов и голоса, но не мог различить слов, хотя до него безошибочно донесся ее веселый голос, затем вдаль закрылась дверь, и наступила тишина.

Руперт снял плащ с фонаря, чтобы тот не погас. Мальчик поднялся, но принц еще долго сидел на скамье, опершись локтями о колени. В этом темном пыльном прохладном алькове в подzemелье находилось место, где он завоевал ее и держал в своих руках. Но у него не было ни малейшей надежды, что это когда-либо повторится снова.

Этой ночью Джеймс пришел Мэри. Она почувствовала, что он нуждается в ней больше, чем прежде. За ужином он поверил ей свое беспокойство и тревогу о последних планах Карла. Его тревожило то, что заговор роялистов в Лондоне мало чему научил их короля. Карл и королева собирались устроить заговор в Ирландии, и похоже, что они планировали вовлечь в него отчима Мэри, католика, графа Антрима.

В эту ночь Мэри ничем не могла поднять настроение мужу, но она попыталась принять его тело с чувственностью, хотя продолжала думать о том моменте, когда призналась Руперту. Его мучительные прикосновения и слова, которые он говорил, помогали ей понять, что значит настоящая близость с женщиной. И если со временем она позволит нежности Руперта разбудить ее тело, вероятно, она станет полноценной женщиной.

Когда Джеймс пришел в ее спальню, Мэри разговаривала с ним очень ласково и, когда легла, попыталась подготовить себя к тому, чтобы получить удовольствие от его прикосновений. Она не будет думать о Руперте, она не поддастся этому соблазну. Возможно, так бы и вышло, если бы ее муж не двигался слишком быстро. Любовный акт принес ей обыч-

ные робость, смущение и стыд. Когда после Джеймс сидел на краю ее постели, она прикрыла глаза, потому что в них стояли слезы.

— Мне так жаль, — произнесла она.

Ричмонд вздохнул, протянул руку и похлопал ее по колену.

— Мне тоже, но что мы можем поделать. Я лишь надеюсь, что его величество признает, что лондонский заговор принес большой вред, и передумает.

Глава 16

В начале июля, когда принц Руперт вывел из Оксфорда военный отряд, чтобы встретить королеву, герцог и герцогиня Ричмонд отправились с ним. Руперт согласился на это с неохотой, потому что он и его люди отправились в путь, чтобы обезопасить дорогу для королевы и освободить ее от отрядов Эссекса, если бы они встретили таковые. Однако герцогиня хотела поехать навстречу королеве. А герцог не разрешал ей ехать одной, король дал на это свое согласие. В конце концов принц согласился, но с условием, что они останутся на безопасном расстоянии позади его авангарда.

В дороге Мэри его почти не видела. Иногда он мелькал где-то далеко впереди них на своем большом черном коне. Вечером она также не встречала его, потому что он сразу же шел спать, хотя каждый вечер присылал Джеймсу сообщение о том, где его можно найти, и, где бы они ни располагались, они всегда обнаруживали, что все приготовлено для них по его приказу.

Джеймс был рад уехать из Оксфорда на некоторое время и радовался, что видит принца в действии. Мэри же никак не выказывала, что думает по этому поводу. Когда они наконец увидели его, она нашла, что

принц изменился. Он стал живым, энергичным, но тем не менее вел себя настороженно. Когда он приближался, то глазами передавал ей тайное приветствие, если Джеймс смотрел в другую сторону. Руперт всегда был предельно внимателен, когда вопрос касался его отряда или же сельской местности, по которой они проезжали. Мэри слышала его громкие команды или смех его людей. Он был частью их, они следили за каждым его жестом и выполняли все его требования. Его друг — офицер сэр Ричард Крейн рассказал Джеймсу, что однажды, когда Руперт брился утром, к нему подъехал кавалерист и сообщил, что в поле появилась группа врагов и они готовятся к атаке. Бросив все, Руперт в считанные секунды вскочил в седло и велел всем следовать за собой. Его отряд бросился в атаку и разбил врага.

— И заметьте, с тех пор мы и следа от них не видели, — закончил Крейн с ухмылкой.

Один раз, когда случайно Руперт оказался рядом с ними, Мэри спросила:

— Вы когда-нибудь думаете о своих друзьях и о тех, кого любите перед битвой?

— Нет, — он оторвал свой взгляд от деревни на верху холма, к которой они приближались, и внимательно посмотрел на нее.

— А о чем же вы тогда думаете?

— Мадам, — произнес Джеймс рядом с ней, — не будете ли вы любезны оставить его высочество...

— О врагах, — ответил Руперт.

— А в битве?

— О том же самом.

Когда принц умчался, Джеймс заметил:

— Длямышленной женщины вы временами задаете неуместные вопросы.

— Длямышленного мужчины вы временами неуместно прерываете разговор. Я только собиралась

спросить, почему он был небрит сегодня утром. Теперь мы никогда об этом не узнаем.

Герцог расхохотался.

За исключением того, что у него была возможность насладиться случайным часом в солнечной компании Мэри, Руперту было ненавистно, что он везет ее на встречу к королеве, по двум причинам. То, что она и Ричмонд находились в военном отряде, доставляло ему постоянное беспокойство, и чем ближе они подъезжали к месту встречи, тем большую пропасть он ощущал в душе от мысли, что Мэри теперь все время будет занята. Он негодовал из-за возвращения Генриетты-Марии.

Тем не менее встреча в Страдфорде-на-Эйвоне была чрезвычайно радостной. Руперт никогда не видел королеву такой цветущей и счастливой, и когда он сказал ей, что король собирался встретить ее на поле битвы в Эджилле, куда он отвезет ее так скоро, как ей только будет угодно, она покраснела и глаза ее засветились гордостью. Он пошутил по поводу ее титула генералиссимуса, но королева надула губы и выглядела такой обиженной, что принц перевел разговор на другую тему по поводу огромного количества оружия и боеприпасов, которые она привезла с собой, и Генриетта-Мария засияла от удовольствия.

В живописном старом городке был устроен настоящий маленький двор, при котором королева приняла одну из еще живых дочерей Уильяма Шекспира. Генриетта-Мария забросала Мэри Вильерс вопросами о доме, который ждет ее в Мертоне, и была довольна, услышав название колледжа. Глаза королевы загорелись, когда Мэри сказала, что она присмотрела старый теннисный корт на Мертон-стрит.

— Он единственный в Англии, если не считать в Гемптон-корте, и думаю, что нам не следует им пре-

небрегать. Крыша протекает, поэтому играть там можно только в хорошую погоду, но покрытие корта в хорошем состоянии, — объяснила Мэри.

— Я так довольна, что приехала летом. Это гораздо лучше, чем зима. Мы сможем гулять за городом. Там есть сады.

— Есть несколько маленьких прямоугольников зелени, которые называют квадрами*, — сказал Руперт, — даже герцогиня Ричмонд не сможет превратить их в сады, но вы сможете бродить по полям с лордом Джермином и его ребятами, которые будут охранять вас.

— Или будем в пределах города прогуливаться на Мегпай-Лейн в рыночные дни, — заметила Мэри.

Королева подняла брови и посмотрела на нее немного испуганно.

— Вы увидите, Оксфорд небольшой, мадам, однако, я думаю, мы сможем использовать все, что он в состоянии предложить нам, если, конечно не будем слишком привередливы. Я уже износила несколько пар обуви на мостовых Оксфорда и ни чуточки об этом не жалею.

Генриетта-Мария кокетливо поморщилась.

— Я пока не стану судить об Оксфорде, но предупреждаю вас: я проделала весь этот путь не для того, чтобы стать сельской жительницей.

— О, какая жалость, а у нас есть хорошенький маленький пони с попоной, на котором вы можете прокатиться к роще Магдалены и, вероятно, даже доехать до речки. Лорд Джермин уже пообещал мне, что научит вас ездить на нем. Я распоряжусь продать его каким-нибудь достойным сельским жителям.

Королева рассмеялась.

* Квады — внутренние дворики для прогулки студентов в Оксфорде.

— Как же мне не хватало ваших добрых шуток, моя дорогая. Вы дали мне почувствовать, что я действительно вернулась домой.

Когда королева наконец пятнадцатого июля вернулась домой, наступило время для празднеств, для организации которых Мэри сделала все, что только могла. Оксфорд с энтузиазмом встречал королеву. Мэри знала, что город разделен на два лагеря. Он стал новой сильной королевской столицей. Почти все серебряные и золотые тарелки давно были переплавлены и превращены в монеты. Карл приказал, чтобы каждый горожанин в возрасте от шестнадцати до шестидесяти лет работал один день в месяц в системе земляных укреплений, окружавших город, или же платил каждый раз штраф размером в шиллинг. Немногие могли позволить себе такую сумму, и они проклиная все на свете целый день. Некоторые из них прокрадывались ночью обратно, чтобы разрушить то, что они построили днем. Многие горожане, склонявшиеся перед приказами короля днем, втайне симпатизировали парламенту и возлагали свои надежды на него. Однако когда Генриетта-Мария вернулась к королю, Оксфорд отбросил заботы и праздновал.

У короля состоялся продолжительный прием в банкетном зале церкви Спасителя, который сопровождался величественной музыкой. В соборе прошла благодарственная служба, на которой Генриетта-Мария не смогла присутствовать, но она потом ходила в католическую часовню молиться. В королевских апартаментах в храме Христа был дан блистательный прием и еще один, для узкого круга, в Мертоне. Во время всех этих приемов Мэри мало видела принца Руперта и то только в толпе.

Если бы не воспоминания о минутах, которые они провели наедине в туннеле, находившимся между Мертоном и «Голубым кабаном», она бы вряд ли это вынесла. Теперь кухня и кладовая в колледже были заполнены слугами. У Мэри не было возможности снова попасть в то место, поэтому их темное убежище было закрыто для нее. В действительности, когда бы она ни подумала об этом, туннель казался ей нереальным, как страна теней, в которую она случайно попала, чтобы встретить принца подземного царства и услышать, как он требует ее душу. Однако затем она с бьющимся сердцем вызывала в памяти прикосновение рук Руперта и звук его голоса, такого реального, живого, заставлявшего ее подчиняться.

Во второй вечер Мэри провела несколько часов, сидя напротив Руперта за столом в обеденном зале. Во главе стола сидели Карл и Генриетта-Мария, чье приподнятое настроение от воссоединения с королем было заметно всем гостям, когда они смотрели на них. Руперт задал Мэри несколько вопросов о старых портретах, висевших под высокими окнами. Но беседовать через стол было почти невозможно, потому что все вокруг тоже разговаривали. Над Рупертом висел недавний портрет сэра Эдмунда Вернея, и Мэри не могла смотреть на это гордое лицо с орлиным носом и темными голубыми глазами без боли в сердце, зная, что он погиб под Эджхиллом. Белезис, один из командиров Руперта, был также изображен на портрете. Он выглядел роскошно в красном костюме, отделанном серебром. Мэри могла взглянуть на изображенный художником маленький решительный рот Белезиса, полуприкрытые глаза и изящные руки, а потом посмотреть на край стола, чтобы сравнить творение художника с оригиналом, который же-

вал ножку цыпленка и смеялся над остроумными замечаниями ее кузины леди Энн Делкейт, графини Мортон, придворной дамы королевы. В зале также находился портрет, но, к облегчению Мэри, не перед ее глазами, а позади, покойного брата Джеймса, Джорджа Стюарта, сеньора де Обиньи. Во время их неловкой беседы она увидела, как Руперт взглянул на портрет, находившийся за ее спиной, слегка вздрогнул и опустил глаза, не задавая вопросов.

Позднее, когда гости расходились, на лестнице собралась огромная толпа. Король и королева стояли почти в самом низу, беседуя с группами гостей, и каждый вынужден был останавливаться. Мэри находилась за королем и королевой наверху первого марша элегантной каменной лестницы. Руперт стоял рядом в конце верхнего марша лестницы, повернувшись лицом в противоположном направлении. Она не могла смотреть на него. Одиночество и чувство потери в последние дни в этот момент овладели ею еще сильнее, потому что он находился в одном шаге от нее. Внезапно Мэри почувствовала слабость. Она стояла рядом с широкими перилами и, чтобы не упасть, положила на них руку. Секундой позже она почувствовала прикосновение. Руперт просунул палец в узкое отверстие между двумя завитушками рядом с ее рукой.

Если бы они не смотрели друг на друга, то в толпе вряд ли кто мог заметить проникновенное послание любви, путешествовавшее от одной руки к другой через каменные перила. Все ее тело охватила дрожь. Мэри молча стояла, глядя вниз, туда, где все, ничего не замечая, болтали друг с другом. Внезапно под влиянием этого прикосновения она осознала, что бы значило, если бы она была *его*.

В третий вечер после их возвращения в Оксфорд Джеймс Стюарт был удивлен, когда ему доложили об очень позднем визите принца Руперта. Он и Мэри еще не успели переодеться и играли в триктрак в своих покоях. Они тут же вышли в большую гостиную, чтобы приветствовать принца.

Он был в придворной одежде, поэтому они не сразу догадались, почему он пришел к ним без приглашения. Руперт поклонился им и извинился перед Джеймсом.

— Некоторое время назад я получил от вашей леди строгие инструкции прийти попрощаться, в какую бы кампанию я ни направлялся. Я сожалею, но завтра времени у меня совсем не будет, поэтому я зашел сейчас.

Он улыбнулся Мэри, которая была не в состоянии ответить на его улыбку.

Мэри ненавидела прощания. Чтобы пощадить ее, Джеймс спросил:

— А куда вы уезжаете, ваше высочество?

— В Бристоль.

Джеймс кивнул. Король не говорил ни о чем кроме Бристоля с тех пор, как вернулась королева.

— С какими силами?

— Четырнадцать полков пехоты, несколько отрядов драгунов и кавалерии, плюс пушки, но... — запнулся он, — вам, пожалуй, неинтересны все эти детали, я только упомяну, что одной из моих бригад командует лорд Грендисон.

Уильям Вильерс, виконт Грендисон был ирландским кузеном Мэри, который сражался под Эджиллом. Она редко видела его, но его хорошо знали герцог Бэкингам и принц Руперт. Принц ценил его как друга.

— Наоборот, нам будут очень интересны детали, — возразил Джеймс, затем добавил, чтобы подбодрить

их обоих. — А сейчас моя жена вряд ли сумеет сообразить что-либо, если вы сначала не объясните, чего хотите добиться. Прошу вас, садитесь и до того, как уйдете, набросайте свой план действий.

После секундного раздумья принц сказал, что ему нужна бумага и что-нибудь, чем можно рисовать. Мэри принесла свой лучший мелок для рисования и большой лист бумаги.

Пока она ходила, Джеймс спросил:

— Скажите мне честно, его величество дал вам достаточно людей и экипировки для того, чтобы взять Бристоль?

— Я не могу ответить на этот вопрос. У меня около пяти с половиной тысяч солдат... Мой брат Морис также присоединится ко мне со своими корнуэльцами. Посмотрим.

Затем Мэри вернулась. Пальцы принца забегали по бумаге, держа отточенный кусочек красного мела. Джеймс слышал, что он прекрасно рисует. Это был один из невероятных навыков, которые он приобрел в тюрьме. Рисуя, принц сказал:

— Мы должны взять Бристоль, мы не можем дольше оставлять в руках парламента второй по значению порт в стране. Нашим армиям на западе нужны поддержка и припасы, и мы должны успеть прежде, чем парламентский флот высадит там свои войска. Вы видите, город расположен в стороне от Севернского морского рукава между реками Эйвон и Фром. К несчастью, вокруг города находится естественный ров, наполненный водой.

— Мы слышали, как вы перебрались через ров, наполненный водой, в Личфильде, — вставил Джеймс.

Принц коротко рассмеялся.

— Если бы я мог... там внешняя линия укреплений вокруг города, а где их нет, есть рвы, земляные укрепления и форты. Я не могу сказать, что Морис и я смо-

жем сделать до тех пор, пока с высокого холма не осмотрим местность. Однако отсюда может по суше приблизиться артиллерия. Это дает преимущество, — он поднял глаза от бумаги. — Командира, обороняющего Бристоль, зовут Натаниэль Фьенн, по-видимому, я встречался с ним у Поувикбриджа, хотя наша теперешняя встреча может несколько затянуться. Я даже подозреваю, что мы можем взять город только атакой с нескольких сторон.

Джеймс задал еще несколько вопросов и приказал принести шерри, к которому принц был неравнодушен, но герцог не мог не чувствовать напряжение Руперта и знал, что тот в отчаянии от того, что должен ехать. Принц обнял его. Это тронуло Джеймса почти до слез. Он подавил их, затем встал и отошел в сторону, чтобы позволить жене также произнести слова прощания. Мэри почти ничего не говорила после прихода принца Руперта, что было редким явлением, но она взяла себя в руки и весело начала болтать о том времени, когда он вернется, какой прием в честь него дадут король и королева и как Оксфорд заполнят вернувшиеся с победой солдаты. Но голос Мэри звучал напряженно, и Джеймс не мог не думать о том, что это странный неестественный способ прощаться с человеком, который, возможно, отправляется на встречу смерти.

Когда принц Руперт склонился над ее рукой, она наконец на мгновение коснулась свободной рукой его кисти. Они стояли у дверей, поэтому Джеймс не слышал слов, которые она пробормотала перед тем, как расстаться с ним.

Герцог снова сел за стол и посмотрел на карту, размышляя о том, какой сложной окажется осада.

— Я думаю, что это будет самое сложное задание из тех, которые у него были. Он принимал участие во многих осадах, но никогда не руководил ими. Это

будет решающая битва в его карьере. Я удивляюсь, почему так часто забываю, какой он молодой, — сказал он.

Джеймс услышал звук у двери и, оглянувшись, увидел, что Мэри собирается выйти из комнаты. Ее рука уже лежала на задвижке.

— Я устала, — быстро произнесла она, — я буду нужна королеве завтра рано утром.

Он, не говоря ни слова, поднялся, и она вышла.

После того как герцог вернулся в свою комнату и медленно упаковал игру в триктрак в лакированный ящичек, он сел перед столом, смотря перед собой невидящим взглядом. Так он провел целый час перед тем, как пойти спать. На следующее утро он прибыл ко двору совсем измученным и обнаружил, что после отъезда принца многое изменилось.

Глава 17

Было раннее утро среды двадцать шестого июля. Руперт объезжал одну из бригад своей пехоты, расположившейся к северу от Бристоля, в то время как большие пушки наверху холма над ним, не прекращая, обстреливали внешнее укрепление города. Воздух вокруг него трещал, и далеко внизу дым окутывал бегущие фигуры людей среди фортификаций у подножия склона. За ними он мог видеть открытое пространство и прекрасный город, расположенный на Бристольском холме в центре. Здания, шпили и башни из бледно-серого камня стояли, как гордые свидетели большого богатства крупного портового города. К востоку, там, где реки встречались друг с другом, до того, как разойтись бастионом для защитников, возвышался старый замок. На западе далеко вправо располагался широкий Севернский морской рукав, который отливал свинцом в лучах восходящего солнца. Руперт мог различать тусклое мерцание реки Эйвон, по которой парламентский флот посылал свои корабли к болотистой местности, заросшей вереском у причалов ниже города.

В понедельник они с Морисом расположили армию в Дардхем-Даун и послали полковнику Натаниэлю Фьенну предложение сдаться, на что полу-

чили отказ. Во вторник Руперт созвал военный совет и убедил каждого, что вопрос о длительной осаде даже не стоит. Бристоль должен быть взят молниеносным штурмом. Морис и его корнуэльцы должны были атаковать на следующее утро со стороны болотистой местности на юге. А Руперт и его три бригады штурмовать форты и земляные укрепления с севера и запада. Он согласился, что все они рискуют.

В три часа утра Морис атаковал, не ожидая сигнала, о чем они договорились заранее. Он начал битву, за которой Руперт сначала наблюдал с высокого холма. Войскам Мориса на юге приходилось тяжело, поэтому бригадам с других сторон необходимо было найти или же проделать брешь в линии обороны и пройти сквозь нее либо же смести какие-нибудь земляные укрепления и сделать все это под сильным обстрелом вражеского форта. Лорд Грендисон погиб в первой же атаке, и его заместитель лейтенант-полковник Мойл принял на себя командование бригадой Грендисона, среди которой теперь скакал Руперт, наблюдая за ходом сражения.

Внезапно принц увидел своего друга Уилла Легге, майора своего подразделения кавалерии, который мчался к нему по обстреливаемому пространству.

— Ваше высочество, — закричал Уилл, как только его стало слышно. — Полковник Уэнтворд провел своих людей вон там, — он указал направление, одновременно принуждая свою лошадь остановиться, — с ним был полковник Вашингтон и еще несколько офицеров. Даю вам слово, что они сделали прорыв в земляных укреплениях, достаточно большой для пехоты и кавалерии.

— Лейтенант-полковник Мойл! — закричал Руперт.

— Ваше высочество? — Мойл направил свою лошадь вперед.

— Отправьте людей вниз по холму, а я прикрою вас со своей гвардией. Майор Легте, — сказал он, — я иду вслед за ребятами вместе с вами, и пусть дьявол заберет наших противников.

Руперт прищпорил жеребца, спускаясь с холма по направлению к позициям своей гвардии в то время, как пушки наверху и внизу одновременно заговорили. Выстрелы с вражеских бастioned отдавались в ушах, подобно рою ос. Теперь наконец удача начала улыбаться им. Ему не нравилось днями ждать, когда перед ним была поставлена конкретная задача, которая искушала его и требовала, чтобы он быстрее ее выполнил. Затем внезапно поверхность холма перед его глазами поплыла, голова его лошади мотнулась, в воздухе появился запах крови, и животное под принцем сильно вздрогнуло. Когда он почувствовал, что лошадь под ним падает, он освободил ее и прыгнул на землю. Раздался тяжелый удар. Когда животное упало, принц отошел в сторону, пока лошадь была в судорогах, и подождал несколько секунд. Животное затихло. Он подошел к ее голове, положил руку на шею и сразу же увидел, что пуля попала в глаза.

Солдаты, маршировавшие позади него, чуть заколебавшись, остановились. К принцу подскочил побледневший офицер. Руперт стоял прямо, потом пошел к правым шеренгам по направлению к своей гвардии.

— Ваше высочество, вы не ранены? Могу я... — офицер от волнения чуть было не свалился с лошади.

— Нет, приятель, вы ничего не можете сделать. — Затем Руперт приказал: — Доложите сэру Ричарду Крейну и пришлите мне лошадь. Выполняйте.

Офицер помедлил, но, поймав его взгляд, помчался, как стрела. Руперт продолжал идти, а позади него некоторые из солдат поворачивались

и убегали. Он даже не обернулся, чтобы сделать им выговор.

Руперт снова сел на коня и пустил его галопом вниз по холму у своей гвардии. Он видел, что люди Уэнтворта хлынули в брешь между фортификациями и городом и направились к гаваням вдоль реки Фром, где высокие мачты толпились, подобно голому лесу под небом, в котором сверкали молнии. Когда он сам приблизился к бреши, к нему подбежал офицер с просьбой дать разрешение поджечь корабли, но он ответил:

— Черт побери, нам нужен город, а не груда пепла.

Затем продвижения стали более рациональными, люди Белезиса и Мойла теперь подошли совсем близко к городу. Враг в фортах еще стрелял, хотя и робко, потому что теперь был изолирован и боялся, что начнется рукопашная, когда их захватят. Тем временем защитники города открыли шквал огня из нескольких точек. Морис и корнуэльцы еще не достигли своей цели на юге. Оставался только один путь: скоординировать отряды своих людей и направить их против оборонявшихся. Руперт должен быть вместе с ними.

Он послал Морису сообщение, чтобы тот прислал к нему тысячу корнуэльцев, а сам быстро направился к самым опасным местам. Следующие два часа у Руперта не было реального представления о ходе битвы. Он был слишком занят. Повсюду, куда бы он ни прибывал и где бы ни вел свои войска в атаку, все беспрекословно слушались его. И даже если они проигрывают эту битву, то это будет не их вина. Они сражались, как титаны.

В конце, когда сам Морис прибыл с подкреплением, ребята из полка Грендисона пробились через ворота Фром и вошли внутрь города. Некоторое время спустя после этого полковник Фьенн дал знать, что готов обсудить условия капитуляции.

Был четверг. Джеймсу Стюарту следовало находиться при дворе, но ожидание новостей из Бристоля делало атмосферу такой напряженной, что он почувствовал, что королю не будет от него никакой пользы в это время. Джеймс также решил, что наступил момент поговорить с женой. И если он состоится днем, то, возможно, прольется свет на вопросы, которые он желал бы выяснить.

В это утро, однако, герцогиня долго не поднималась с постели. Он спросил и обнаружил, что она не заболела, а читает, и что в этот день королева не просила ее присутствовать в Мертоне. Около одиннадцати часов, несколько раз прорепетировав фразы, которыми он хотел начать разговор, герцог решил больше не откладывать и поговорить с ней. Джеймс был искусным политиком, и для него стало естественным применять свои многие таланты, когда он имел дело с Мэри, но сегодня он одновременно надеялся и боялся того, каким может оказаться результат. Он предпочел бы услышать от своей жены, что ее по-прежнему не интересует принц Руперт. С другой стороны, если она признает, что ее чувства изменились, то у него не находилось ни малейшей идеи, как действовать дальше, услышав подобное признание.

Когда герцог постучался и его пригласили войти, он застал жену в постели с книгой. На ее плечи была накинута голубая вышитая накидка, а ее блестящие рыжевато-золотые локоны разметались по спине.

Увидев Мэри, все заботливо приготовленные фразы выскочили у него из головы, и герцог с улыбкой задал ей свой обычный вопрос:

— Что вы читаете?

— Джона Мильтона.

— Леди из церкви Христа? Мильтон объявил себя сторонником парламента.

Она рассмеялась, не закрывая книгу.

— Для чрезвычайно интеллигентного мужчины вы делаете неподходящие комментарии.

Ричмонд был не в игривом настроении, и одна из приготовленных заранее фраз мгновенно пришла ему на помощь.

— У вас была причина не показывать мне платок принца Руперта, который он дал вам в Гааге?

Мэри изумленно посмотрела на него, затем произнесла:

— Боже мой, нет. Энн...

Герцог вздрогнул, когда карлица Мэри появилась с другой стороны постели. Он не думал, что в комнате присутствует кто-то еще.

— Энн покажет вам. Он среди других, вон там.

Пока Энн Гибсон открывала шкаф, Мэри сказала:

— Вы хотите взять его? У вас потерялись все ваши носовые платки? Я никогда не могла выяснить, куда они у вас исчезают.

Герцог отрицательно покачал головой. Он украдкой посмотрел на полки и увидел там целую кучу аккуратно сложенных платков. Карлица мгновенно нашла нужный платок и вернулась, чтобы развернуть его перед ним. Платок выглядел дорогим и был хорошо постиран. Он ни в коей мере не походил на сентиментальную реликвию. Ричмонд постарался не пасть впросак, задавая следующий вопрос:

— Почему вы не вернули его?

— Я не знала: то ли мне его дали на время, то ли это подарок. Если это был подарок, тогда, зная щедрость принца, я бы обидела его. Если же мне его дали на время, то я подумала, что будет лучше дать ему взамен какой-нибудь платок, тем более что это могло слу-

жить подарком на Рождество. Мне пришло в голову, что принц Руперт, возможно, понятия не имеет о том, как мы суетимся перед Рождеством. Должно быть, мы единственные люди в королевстве, кто так хлопочет, и что, возможно, он не принесет никаких подарков, что потом смутило бы его. Я не могла преподнести ему настоящий подарок, чтобы не привести его в еще большее смущение. Носовой платок оказался превосходной находкой. По крайней мере, я так подумала. Вы не согласны?

Натолкнувшись на такую оборону, Джеймс мог только пойти в следующую атаку:

— А его подарок вам?

Мэри приподняла брови, и он продолжил:

— В нем содержалось сообщение?

— Да, на первой странице. Вы читали его, как и все, насколько я помню.

— А кроме этого?

— Он не дал мне ничего, кроме того, что вы можете видеть, если откроете том. Он в книжном шкафу в большой гостиной, рядом с вашими Крузо и Уордом.

— Вы знаете, почему я задал вам эти вопросы?

— Да, вы, кажется, хотите знать, — она на мгновение задумалась, подыскивая нужную фразу, как он делал все утро, и пришла к идентичному выводу, — не ухаживает ли принц Руперт за мной?

— И он?

Она улыбнулась.

— Если бы это было так, то должна вам сказать, ему мешало бы то, что он любит вас.

— А я его, — сказал Ричмонд, не подумав.

— У вас есть еще вопросы? — спросила она, беря томик Мильтона.

— Нет, я предпочел бы, чтобы вы были откровенны со мной и более шли мне навстречу, мадам.

Ее карлица все еще находилась рядом, складывая платок, чтобы уложить его в шкаф. Герцог уже стоял в дверях, когда через комнату до него донесся голос Мэри.

— Джеймс.

Он повернулся и увидел, что она привстала на постели и протянула к нему руку.

— Идите сюда. Я хочу кое-что сказать вам.

Карлица выбежала, когда он вернулся. Мэри взяла руку мужа и посмотрела ему прямо в лицо, взгляд у нее был проникновенным и взволнованным.

— Джеймс, я ваша.

Эти слова пронзили его, но он просто отпустил ее пальцы, наклонился и поцеловал в лоб. Когда Ричмонд снова оказался в дверях, он повернулся и сказал:

— Я боюсь, что вы слишком умны, по крайней мере, для половины человечества.

Она издала короткий смешок.

— И боюсь, намного более невинна, чем другая половина.

Придя в гостиную, Джеймс минуту размышлял, не может ли и то, и другое быть правдой одновременно. Безошибочно он вычислил томик Шекспира и достал его с полки, пролистал, а затем положил назад.

Каким бы ни было положение вещей, он имел право рассчитывать на благородство принца и всегда верил в это.

Оставшись в спальне одна, Мэри закрыла томик Мильтона и положила на него руки, чтобы успокоить в них дрожь. «Я твоя», — эти слова были правдой, несмотря на суматоху, царившую в ее чувствах,

причиной которой был Руперт. Она не нарушила своих брачных клятв Джеймсу, тем не менее в голове ее мужа стали зарождаться подозрения. Это наиболее жестоко ранило ее. Если Джеймс когда-либо поверит, что между нею и Рупертом что-либо было, это погубит его счастье и их будущее. Она всегда могла опереться на Джеймса и охотно платила за его преданность тем, что исправно выполняла свои супружеские обязанности, которые он заслуживал. Если король и двор придут к убеждению, что у них с Рупертом любовная связь, Джеймс будет унижен, еще хуже, все его заслуги перед королем окажутся бесполезными, потому что король и королева в ярости прогонят Мэри. Присутствие же самого Джеймса при королевском дворе станет тоже нежелательным, потому что на него падет проклятие его неверной жены.

Мэри заставила себя продумать любую возможную реакцию короля. Все они были ужасны. Карл воспримет незаконный союз Мэри и Руперта как угрожающий альянс, сфабрикованный прямо под его носом. Король был верным и преданным мужем и знал, что Джеймс является таким же для Мэри. Он будет в ужасе, если посчитает, что она изменила мужу, он будет негодовать из-за Джеймса, будет шокирован ее бесстыдством и никогда больше не станет доверять ни ей, ни Руперту. Королеву тоже глубоко ранит мысль о секретном сговоре Мэри с Рупертом, потому что она сразу припомнит поведение Мэри в Гааге и решит, что это долговременная любовная связь, и придет к заключению, что ее саму использовали.

Король и королева враждебно отнеслись бы к этой любовной интриге, потому что в глазах любого она бы бросила тень на трон. Оскорбленные и взбешенные, Карл и Генриетта-Мария могут заподозрить Руперта и Мэри в каком-либо заговоре, а здесь ей дей-

ствительно есть что скрывать... Ее переписка с Эссексом! Если станет известно, что она дала знать парламенту о том, что король попытается арестовать пятерых его членов в Лондоне? А ее вторая записка, призывавшая к примирению до того, как Руперт снова появится в Англии, взбесит и самого Руперта. Карл может дойти до того, что потребует ареста Руперта и ее тоже, потому что заговор королевского племянника и приемной дочери короля был направлен на то, чтобы он капитулировал перед парламентом.

Не в состоянии сидеть спокойно, Мэри вскочила с постели. Она должна успокоить Джеймса и развеять его подозрение. Ее брак и положение в обществе, даже жизнь Руперта и ее собственная зависят теперь от ее осмотрительности и смелости.

Новости из Бристоля пришли в Оксфорд в то время, когда Мэри находилась с королевой и ее леди в Мертоне. Их принес Генри лорд Джермин, командир гвардии королевы, красивый джентльмен около сорока лет, который не делал большого секрета, что восхищается королевой, хотя его поведение было строго выдержано в соответствии с рыцарским кодексом. Это была как раз та ситуация, которые нравилась Генриетте-Марии. Воспитанная при дворе, где сексуальное поклонение возвысилось до произведения искусства, она находила, что английскому двору не хватает воображения и живости. Теперь, когда король был снова в ее постели, она получала удовольствие и снова наслаждалась своими женскими чарами. Лорд Джермин знал, как надо подыгрывать ей без намеков на то, что он всего лишь слуга, дрожащий под ее каблуком. Мэри видела все это, но не умалила пренебре-

жением ни королеву, ни Джермина — они оба вели себя безупречно. В действительности, она даже больше симпатизировала Джермину, чем королеве, потому что он был твердым сторонником принца Руперта.

Когда Джермин попросил об аудиенции и был проведён в апартаменты королевы, Мэри, у которой было много забот, и не подозревала, с какими сообщениями он приехал. Они все были в любимой комнате Генриетты-Марии, расположенной над аркой Фиц-Джеймса в середине здания колледжа. На каждой стороне комнаты находилось по два прелестных окна, выходивших на красивые зеленые дворики, а солнечный день снаружи наполнял отделанную деревянными панелями комнату теплом.

— Нам здесь так удобно, — сказала королева, — что мне совсем не захотелось переходить в приемную, мы позволим лорду Джермину увидеть, какой у нас тут беспорядок.

Джермин вкрадчиво вошел и терпеливо ожидал, чтобы сообщить новости, которые попросил разрешения принести королеве. Депеши, только что полученные королем, сообщали, что Бристоль пал и войска его величества держат теперь в своих руках порт, его пушки, четырнадцать торговых кораблей и четыре парламентских корабля, которые объявили о переходе на сторону короля.

— А сокровища! — воскликнула Генриетта-Мария. — Есть ли там сокровища?

В течение года добыча денег занимала первое место в голове королевы, но даже в своем новом, очень опасном положении Мэри едва не удержалась от того, чтобы перекричать свою госпожу:

— А принц Руперт?

Джермин был слегка позабавлен вопросом.

— Я полагаю, что имеется сотня тысяч фунтов звонких монет и по условиям капитуляции будут до-

ставлены еще сто сорок тысяч фунтов за то, чтобы город не грабили.

— Принц Руперт никогда бы не стал его грабить! — невольно воскликнула Мэри.

— А почему нет? — возразила королева. — Чего они еще заслуживают?

— Во всяком случае, — продолжил Джермин — полковнику Фьенну и его командирам разрешили покинуть город, взяв оружие и пожитки, но остальную часть войска выпустили без оружия.

— Вы не могли бы сказать нам, кого мы потеряли? — спросила Мэри тихим дрожащим голосом.

Он бросил на нее взгляд, полный искренней симпатии, и она немного успокоилась.

— Пали около пяти сотен наших, среди них, — он нервно оглядел комнату, надеясь, что может начать перечисление, не причинив кому-нибудь из присутствующих жестокого горя, — лейтенант-полковник Мойл и один из полковников генерала Белезиса Генри Ландсфорт. Пуля попала ему прямо в сердце. Генерал Белезис сам ранен, но есть надежда, что он выживет.

Раздались восклицания, которые прервали Джермина на некоторое время, затем он продолжил:

— Принц Морис потерял двух своих полковников Сленнинга и Треваниона, — здесь он чуть покалебался, посмотрел на Мэри и продолжил с нежным сожалением: — Мне очень жаль сообщить вам, что Уильям Вильерс лорд Грендисон пал в первой атаке.

Мэри посмотрела на него, схватившись рукой за горло.

— Он был храбрецом, — выдавила она, затем присела на ближайший стул и наклонила голову. Казалось, что не было битвы, в которой или она, или Джеймс не потеряли бы одного из родственников.

— А принц Руперт? — наконец спросила королева. Сокрушенная теперь горем и страхом, Мэри отвернулась к окну, прижав руку к стеклу.

— В одной из атак лошадь под ним пала, но он не ранен.

Мэри чуть не задохнулась. Джермин продолжил:

— Битва была очень тяжелой, принц предвидел это и предупредил военный совет. Но они во всем поддерживали его. Полагаю, что именно один из офицеров принца Мориса сказал: «Одно имя Руперта — это уже половина победы».

Королева, слышавшая о разногласиях в военном совете ее мужа перед Эджиллом, явно сочла, что короля могут третировать таким сравнением. Ей это совсем не понравилось. Она сказала тоном генералиссимуса:

— А кому мы обязаны благодарностью за то, что он проделал брешь во вражеской позиции?

— Я думаю, что полковнику Вентворту, мадам.

— Его величество и я заверяем, что он получит все почести, которые заслуживает.

— О, — вмешалась Мэри, — но армии под Бристолем вел принц Руперт.

— А мой муж является капитаном-генералом их всех, — вспыхнула королева в ответ. — Если бы он был там, исход был бы тем же, если не лучше. Сколько взяли пленных? — спросила она Джермина.

— Боюсь, что этого я не могу сказать, мадам. Большая часть гарнизона в Бристоле перешла на нашу сторону.

— Ах, — королева захлопала в ладоши. — Так будет и со страной. Так будет и со страной, когда парламент наконец выучит урок, — она подумала минуту, затем торжественно произнесла: — Мы были правы, демонстрируя силу. Я все время была права, и мой муж тоже придерживается этого мнения.

Мэри снова наклонила голову и закрыла глаза. Руперт был жив, и она должна благодарить Бога за это. Просить более от судьбы было бы богохульством.

Дома вечером, повторяя весь разговор Джеймсу, Мэри почувствовала некоторое облегчение, упомянув об исходе под Бристолем, не вызывая напряжения, которое некоторое время длилось между нею и мужем. Это напряжение исчезло, когда ради нее Джеймс рассказал о дальнейших подробностях из депеш, которые пришли к королю, и они с печалью побеседовали о ее кузене Грендисоне.

Она передала Джеймсу бездушные замечания королевы о битве за Бристоль.

— Создалось впечатление, что наши потери ничего не значат для нее до тех пор, пока мы побеждаем. Я страшусь ее поведения.

— Я понимаю, что вы имеете в виду. Я заметил, как она настроена на войну, в тот момент, когда мы встретились с ней в Страдфорде-на-Эйвоне. Раньше с королем можно было поспорить на военные темы, теперь он, кажется, убежден, что это ниже его достоинства.

— Убежден в чем? Ситуация меняется день ото дня. Он кажется тверд только в одном: не вести переговоры с парламентом.

Джеймс улыбнулся.

— Не отчаивайтесь, попытайтесь держаться чуть в стороне. Вы причинили бы ему столько же вреда, сколько и королева, если бы напрямую начали подталкивать к жалкому пути примирения, если он пойдет на это, то сам должен прийти к этой мысли.

— Сейчас и наступил такой момент. Бристоль — это настоящий триумф, король вернул себе главный порт,

новый морской флот и безопасный проход для своих армий к Уэльсу, Девону и Корнуэллу.

— Последнее, вероятно, несколько преувеличено, однако вы становитесь таким же проницательным стратегом-любителем, как и я. Только удивляюсь, почему, — сказал он немного грустно.

Мэри посмотрела на бледное серьезное лицо Джеймса и призналась себе, что он меняется в лице при одном упоминании о принце Руперте. У нее была власть над этим мужчиной, и она не хотела ранить человека, который все годы их брака окружал ее теплом, защищал и был безгранично терпим. Она могла разбить ему жизнь. И лишь страх разоблачения мог оправдать ее поступок.

Она продолжила, но уже более спокойным тоном:

— А я удивляюсь, почему король так упрям в этом вопросе. Он отказался от разговора со специальными представителями парламента, но его можно убедить поговорить с парламентским лордом-генералом.

Джеймс с недоверием приподнял брови, но Мэри сказала:

— Парламент, может, и не в состоянии понять позицию короля, а граф Эссекс, возможно поймет. Он достойный человек. Не пытался ли король переговорить с ним?

От воспоминания о своих двух попытках поговорить с Эссексом у нее участилось дыхание. Однако Джеймс слишком погрузился в размышление, чтобы заметить эти изменения в ее голосе. Наконец он спросил:

— Разве вам неизвестно, что одна была?

— Нет!

— После битвы под Поувикбриджем принц Руперт послал графу Эссексу письмо, предлагая закончить войну быстрее, вступив в бой, чтобы силы были равны, либо же сразиться один на один, — он саркастиче-

ски ухмыльнулся, — вероятно, это несколько средневековый метод, но, так или иначе, Эссекс отклонил вызов.

— А как сейчас оценивает графа парламент? Нам это известно?

— По-разному. Когда он делал вылазки к Оксфорду, мы слышали, что в Лондоне его называли бездельником. После того как он захватил Ридинг, его популярность выросла. Я согласен с вами, — сказал он неожиданно, — что это возможно, однако ничего нельзя сделать до тех пор, пока король не устроит военный совет по возвращении принца.

Герцог помедлил, явно ожидая, что Мэри спросит, когда он состоится, но она не задала вопроса и холодно ожидала, когда он продолжит свою речь. Ричмонд бросил на нее благородный взгляд и заключил:

— Мы нуждаемся в принце Руперте здесь, только он способен убедить короля, что мы можем заключить мир с честью.

Глава 18

Принц Руперт не вернулся сразу в Оксфорд, вместо этого король Карл решил поехать в Бристоль. В своих депешах после битвы он назначил Руперта губернатором захваченного города, но принц вскоре написал, прося совета. Начальник принца Мориса на западе, маркиз Хертфорд, желал получить этот пост для сэра Ральфа Хоптона, одного из своих командиров, и оба этих джентльмена были разочарованы решением короля.

— Руперта, кажется, совсем не интересует его собственное назначение, — сказал король по секрету герцогу Ричмонду перед тем, как уехать из Оксфорда, — но он не отказался от назначения, без сомнения, чтобы не обидеть меня. Сэр Ральф лежит больной в Бристоле, залечивая раны. Я написал ему, что хотя и очень высоко ценю его заслуги, но не могу отменить назначения Руперта.

— А как с маркизом Хертфордом, ваше величество?

— Я полагаю, что должен увидеть его лично и увериться, что никакой трещины не образовалось из-за этого... этого недопонимания. Когда я приеду, я предложу Руперту назначить сэра Ральфа Хоптона вице-губернатором. Я уверен, он поймет, что это верное решение, и оно удовлетворит Хертфорда, если я это

представляю в правильном свете. Затем прямо на месте я соберу военный совет по поводу наших следующих диспозиций. Я уже получил множество предложений от разного рода советников в Оксфорде... за некоторым исключением.

Сказав это, он улыбнулся Ричмонду, потому что тот относился к одним из тех редких людей при дворе, которые не приставали к нему с уговорами. Для Карла было в некотором роде облегчением уехать в Бристоль, чтобы разобраться в вопросах войны, поговорив со специалистами.

— Как вы знаете, есть два возможных пути на ближайшее будущее. Один из них пожинать плоды... плоды недавней победы и затем отправиться маршем на Лондон.

Джеймс Стюарт опустил глаза, сознавая, что это явно была честолюбивая идея королевы, и король не мог знать, что он думает по этому поводу.

— Другое предположение исходит от тех, кого я могу назвать моим... моим военным лагерем, и я также рассматриваю его. Они склоняются к тому, чтобы захватить Глочестер, тем самым обезопасив то, чего мы достигли на западе.

— Сир, есть еще третий путь, который может поспорничать с первыми двумя: начать переговоры с парламентом, потому что они подавлены потерей Бристоля.

Король снисходительно улыбнулся герцогу.

— Это похоже на вас, упоминать мне обо всех сторонах вопроса, и я благодарю вас за это. Едва ли подобная мысль может прийти к моему победоносному племяннику, но я не могу быть уверенным в этом, пока не доберусь до него.

Джеймс, казалось, собирался сказать что-то еще, но вместо этого задал вопрос:

— Мы уже получили какое-либо послание от парламента о нападении на солдат гарнизона? Меня обра-

довало, что принц Руперт оправдан, для него это будут счастливые известия.

Король покачал головой.

— Это дело — пятно на чести моего племянника, которое можно устранить, только услышав доклад полковника Натаниэля Фьенна парламенту.

Карла смутили новости: защитникам Бристоля было разрешено покинуть город на следующий день после их капитуляции, но они отправились раньше, чем приказал Руперт, и по дороге некоторые из его солдат, потеряв над собой контроль, налетели на них с оскорблениями, хотя защитники Бристоля не спровоцировали их. Когда об этом доложили Руперту и Морису, они и несколько офицеров, обнажив шпаги, бросились отгонять своих солдат. Король вполне представлял, как взбесило тогда Руперта, и теперь только Натаниэль Фьенн мог снять с него обвинение, подтвердив, что в нападении нельзя было винить Руперта.

Джеймс выглядел разочарованным.

— Когда он пишет нам, то никогда не упоминает о военных вопросах, как будто он отправился на увеселительную прогулку. За исключением письма с соболезнованиями, которое мы получили, касательно лорда Грендисона.

Карл, пораженный, прервал его:

— Он находит время посылать вам такие письма? Это настоящая дружба.

— Да, — подтвердил Ричмонд спокойно, — и я ее действительно ценю, однако он упомянул об этом деле в своем последнем письме. И я понял, как сильно это мучает его.

Карл кивнул, затем ободряюще улыбнулся.

— Мы услышим хорошие известия об этом деле, я в этом уверен, ни та, ни другая сторона не могут сомневаться в честности Руперта.

Принц Руперт приехал в Оксфорд в августе, только чтобы посетить гарнизоны, что означало, что он едва собирался показываться на своей квартире в городе. Королевский военный совет в начале месяца в Бристоле решил предпринять попытку захватить Глочестер, для чего король традиционно планировал осаду. После смерти Ландсфорда в Бристоле Руперт унаследовал его пехоту, которую присоединил к своей коннице и ста пятьдесят гвардейцам. Ему требовалось время на их тренировку, поэтому он был склонен поручить проведение осады Патрику Рутвену, королевскому полевому маршалу под Эджхиллом, имевшему теперь титул лорда Форта. Однако потребность в Руперте оказалась настолько велика, что почти все время ему приходилось следить за осадными работами вокруг Глочестера, как будто он сам должен был проводить всю операцию.

Мэри впервые встретила с Рупертом после его возвращения из Бристоля в покоях королевы в Мертоне, где толпа людей, включая лорда Дигби и королеву, мирно болтали. Облегчение и радость от того, что она видит Руперта, и напряжение, вызываемое тем, что ей нужно было скрывать это от каждого, были слишком велики для Мэри. Случилось, что она выглянула в окошко и увидела, что он проходит мимо дома привратника со стороны Мертон-стрит и идет по двору. Затаив дыхание, она следила за тем, как он проходит по внутреннему дворику с зелеными насаждениями, и, когда его стало не видно, она еще одну или две минуты оставалась сидеть в том же положении, прижав лоб к стеклу и пытаясь унять сердцебиение.

Когда объявили об его приходе, Мэри знала, что он, должно быть, спросил о том, кто присутствует,

потому что могла заметить, как он напряженно пытается не смотреть в ее сторону. Его приняли вежливо, даже несколько экспансивно, но она спрашивала себя, заметил ли он изменения в поведении королевы. Генриетта-Мария негодовала из-за того, что он не поддержал ее идею о немедленном вторжении в Лондон, хотя он так же поступил, когда речь шла об осаде Глочестера. Дигби был вежлив, как всегда, хотя сам поддержал инициативу королевы. Когда Руперт повернулся к ней, Мэри забыла обо всех присутствующих.

— Прошу вас, не двигайтесь, мадам, — сказал он, когда она приготовилась выйти к нему из оконной ниши. — При этом свете вы особенно красивы, позвольте мне выразить вам мое нижайшее и пылкое почтение.

Она что-то пробормотала, когда принц склонился над ее рукой и сжал ее пальцы.

— Могу я воспользоваться своей привилегией друга и присоединиться к вам там, где вы сидите?

Леди Энн Делкейт, которая находилась рядом с Мэри, сразу же освободила свой стул и удалилась. Принц вежливо поблагодарил ее, и они сели лицом друг к другу, так что присутствовавшие в комнате могли видеть лишь их профили, но их разговор был слышен почти каждому, если бы кто-то вдруг пожелал к нему прислушаться.

Они поговорили сначала о смерти лорда Грендисона, и Руперт повторил свои соболезнования, которые он уже прислал в письме. Вскоре Мэри перевела разговор на другую тему, потому что почувствовала, что это потеря больше значила для него, чем для нее, так как Грендисон приходился ему другом. Она спросила Руперта, где он сейчас больше всего занят, а он спросил ее, что она сделала за прошлый месяц.

— Я очень благодарен герцогу за письма, — сказал он, а после паузы добавил: — Но я не получил ни одного, написанного вашей рукой.

Мэри затаила дыхание. Это был один из тех вопросов, на которые у нее уже имелся готовый ответ. Ей нужно было поскорее произнести его, пока все не вылетело у нее из головы.

— Мой муж единственный подходящий корреспондент для таких случаев. Когда я пишу, я всегда чувствую, что начинаю флиртовать.

— Я получил только одно такое послание от вас, но, вероятно, я не лучший судья.

— Я уверена, что вы давно выбросили его.

— Нет, — ответил принц очень тихо, — его нет необходимости даже искать, мадам. — И он быстро приложил пальцы к своему сердцу.

Мэри посмотрела на него с испугом, но окружающие никак не прореагировали на это, даже если и слышали его замечание, то, должно быть, приняли его за ничего не значащую галантность.

— Мне хотелось бы, чтобы вы больше берегли себя. Но могу только надеяться на это, потому что во время вашего отсутствия мы слышали ужасные вещи. Говорят, что рядом с вами в Глочестере разорвалась граната, а камень, свалившийся со стены, ранил вас в голову.

Она могла сразу же заметить, что это напомнило ему об их первой встрече. Однако его голос не смягчился, в нем послышалась горечь.

— Эта война за вас. Ничто не идет в счет. Меня слегка задела в Ридинге, и кто-то хотел сломать мне шею в Глочестере, я со шпагой в руках подавил мятеж своих же людей, и про меня говорят, что я поджег где-то деревни вместе с мужчинами, женщинами и детьми.

— Не обращайтесь внимания, — вставил Дигби, который придвинулся ближе к ним. — В данный момент

вас можно обвинить только в том, что вы праздно сидите в Оксфорде.

Мэри заметила вспышку в глазах Руперта, которую она уже однажды видела в Дувре. Он собрался было встать. Она протянула руку, чтобы коснуться его кисти. Дигби это видел, но она ничего не могла с собой поделать.

— Милорд, — обратилась она к нему веселым голосом, — беседу веду я, почему бы вам не внести вашу блистательную лепту в разговор кого-либо другого, чем праздно стоять рядом с нами?

Она посмотрела на Дигби с предостережением и увидела, что его глаза в ответ округлились.

— И мне причитаются извинения за то, что меня прервали.

Дигби переводил глаза с нее на принца, готовый смириться, но тут вмешалась королева:

— Милорд, оставьте герцогиню заниматься расспросами, вы нужны нам здесь. У нас вопрос, связанный с лошадьми. Если пони можно вообще считать лошадью.

Королеве не нравились разногласия во время своих приемов, если только их не провоцировала она сама.

— Мое глубочайшее почтение, — сказал Дигби Мэри, поклонившись одновременно ей и принцу, и удалился.

Принц посмотрел в окно и проворчал:

— Это невыносимо.

— По крайней мере, клевете по поводу Бристоля дан обратный ход. Свидетельство Натаниэля Фьенна оправдало вас, и, уверяю вас, ваше высочество, никто в королевстве не может сомневаться в этом, — сказала она.

— Спасибо, — ответил принц, все еще глядя в окно.

— Вы уже видели сегодня моего мужа? Он ждет вас уже много дней.

— Видел, он был настолько добр, что пригласил меня к вам сегодня вечером.

— Мы надеемся, что вы придете. Вы свободны?

— Спасибо, — ответил Руперт, и ее сердце забилося, а затем упало. Ей следовало так много сказать ему до этого, но она не имела ни малейшего представления о том, как и где она могла бы это сделать. Казалось, что он уловил ее беспокойство и бросил на нее пристальный вопрошающий взгляд.

Мэри попыталась перевести разговор на другую тему.

— Как принц Морис?

Руперт слегка поклонился.

— Он теперь генерал. На юго-западе он занят осадой Эксетера и охраной портов в Девоне и Корнуэлле.

Она тепло улыбнулась ему, освободившись от напряжения. Ей не было нужды беспокоиться, что их услышат, когда они говорят о таких вещах.

— Вы должны гордиться им. Ваш дорогой брат настоящий образец доблести.

Руперт был слишком растроган, чтобы ответить, и, конечно же, разговоры вокруг них на минуту смолкли, будто выражая искреннее уважение.

— Но чтобы мы все не заважничали, — продолжила Мэри, — позвольте мне вернуться к более веселой теме. Как поживает ваш несравненный фокусник Мальчик?

— Он внизу, у лестницы, в ожидании, что вы будете с ним играть.

— О, я не видела его...

Мэри в смущении остановилась, но никто не заметил этого, кроме принца. Потом произнесла слабым голосом:

— Он у привратника?

Принц поднялся.

— Желаете ли вы, чтобы я привел его, или же предпочтете спуститься вниз. У меня совсем мало времени, поэтому если вы хотите...

Она тут же поднялась.

— Какая прекрасная идея. Мадам, — обратилась она к Генриетте-Марии, — вы позволите пуделю его высочества прийти сюда и поприветствовать меня?

Королева надула губы.

— Он может напугать моего нового щенка, я уверена в этом. Нет, я так не думаю, однако... — она неопределенно махнула рукой, — вы можете привести его на лестничную площадку, но оставьте дверь открытой, или мы здесь задохнемся.

— Тогда я прощаюсь с вами, ваше величество, — сказал Руперт. Тетя ответила ему с тщательно отрепетированной грацией, и одного из пажей королевы отправили бегом отправили по лестнице, чтобы привести Мальчика. Единственным человеком, бросившим на Мэри странный взгляд, когда она выходила из комнаты, был лорд Дигби, но она догадалась, что он пытался придумать еще одно остроумное замечание о животных принца, но они смогли уйти до того, как Дигби успел блеснуть остроумием.

Мэри не имела возможности поговорить с Рупертом о чем-нибудь важном, находясь рядом с дверями, поэтому она начала:

— Как Мальчик пережил эту войну? Он, должно быть, пробежал тысячи миль вместе с вами и побывал на сотне квартир.

Они дошли уже до площадки наверху каменной лестницы, и Руперт ответил:

— Возражений у него не было. Моей самой большой заботой было найти надежных людей, чтобы

они держали его в помещении, если он не бежал за мной, но в дальние поездки я никогда его не брал.

Теперь их уже не было слышно в комнате королевы, и принц продолжил:

— Почему бы вам не спуститься вместе со мной, мадам?

— У нас так мало времени. Я должна тут же вернуться в комнату королевы.

— Почему?

Мэри повернулась к нему лицом, а ему, чтобы говорить с ней, пришлось встать спиной к комнате, находящейся за ними.

Она сделала попытку придать своему лицу веселое выражение, но сомневалась в том, что ей это удастся.

— Вы помните, я говорила, как важно для меня, чтобы никто не мог поставить под сомнение мою верность мужу?

— Да. Но что это значит? — выражение лица принца начало меняться.

Мальчик примчался к ним, обежал вокруг и остановился, царапая лапами каменный пол. Мэри опустилась на колени и обняла пуделя за шею, в то время как он тяжело дышал ей в ухо.

Принц, наблюдавший за ними сверху, спросил:

— Что случилось?

Ей пришлось поднять лицо от Мальчика.

— Мне никогда не приходило в голову, что мой муж станет первым, у кого возникнут подозрения.

Руперт побледнел.

— Что? Он?...

Мэри пристально посмотрела на него, чувствуя себя несчастной от того, что сказала это. Мальчик выскользнул из ее рук и уселся на верхней ступеньке, напряженно наблюдая за ней.

— Мой бог, неужели он подумал обо мне самое худшее? Он не мог! — воскликнул Руперт.

Она медленно поднялась и дрожащей рукой пригладила свое платье. Паж появился внизу на лестнице, быстро наклонил голову, когда поднялся до их уровня, и убежал. Они молча подождали, пока он пройдет в комнату, затем Мэри очень спокойно сказала:

— Нет, с каждым вашим письмом он привязывался к вам сильнее и уважал все больше. Нет, он просто наблюдает за мной.

Голос Руперта охрип.

— Что он сказал вам?

Мэри покачала головой.

— Ничего определенного, но мне не следует усиливать его подозрения. Я не хочу причинять ему боль. Это значит, — горло у нее сжалось, и она тяжело вздохнула перед тем, как смогла продолжить, — мы с вами не можем видеться наедине.

— Господи Боже, — произнес он по-французски, — но мы ведь никогда и не виделись, исключая того места. — Он топнул ногой, заставив Мальчика вскочить. Потом продолжил тем же тихим напряженным тоном: — Однажды мы случайно встретились под этим домом.. Это было предопределено судьбой, и вы говорите, что я не должен видеть вас.

— Я не говорю вам, что мы не должны встречаться так, как сегодня...

— Сегодня? Упаси меня бог от другой подобной встречи, — он спустился на две ступени, затем повернулся к ней.

— Вы можете не приходить к нам сегодня вечером, если вам тяжело, — сказала она.

— О, конечно же, я приду сегодня вечером. Десять тысяч чертей не смогут меня удержать. Речь идет о моей чести, мадам, а также о чести вашего мужа.

Мэри не могла ни ответить ему, ни пойти прочь. Его отчаяние парализовало ее. Через мгновение принц сказал:

— Но я должен освободить вас. Ваша минутка вдали от ваших друзей уже подошла к концу.

— Эти слова привели Мэри в бешенство, но когда она заговорила, голос у нее споткнулся на одном слове.

— Кажется, вы забыли о *моей* чести, однако я не могу. Если даже для того, чтобы защитить ее, я должна разбить свое сердце.

Она отвернулась и пошла от него. Это было все, что Мэри могла сейчас сделать.

Джеймс Стюарт, тепло приветствовавший принца Руперта в своем доме в этот вечер, имел сильное подозрение, что его высочество находится под воздействием горячительного. Таким он видел его в первый раз, однако спустя несколько минут Джеймс решил, что легкое опьянение добавляет очарованию его гостю, потому что помогает ему расслабиться. Принц захватил с собой свою любимую обезьянку, которую Джеймсу не пришлось приветствовать, потому что у обезьянки не было имени и, следовательно, ее нельзя было представить. Принц заранее извинился перед герцогиней Ричмонд, потому что та не любила обезьян.

Безупречно приветствовав ее, он продолжил:

— Что я могу сказать, она исчезает, а потом появляется около меня. Не хотите ли вы снова изгнать ее в книжный шкаф, ваше желание для меня приказ.

Мэри отрицательно покачала головой.

— На целый вечер? Это было бы жестоко. Не будете ли вы любезны отнести ее к каминной полке и постоять там, пока я смогу к ней привыкнуть.

Принц так и сделал. Опершись одной ногой, о край камина, а рукой — о богато украшенную каминную полку, он смотрел на обоих с улыбкой, на которую нельзя было не ответить, потому что обезьянка устроилась на его плече, спрятав свою маленькую головку в его волосах.

— Спасибо, ею в последнее время часто пренебрегали. У меня не было возможности поиграть с ней, а она всегда очень рада, когда встречается с кем-либо себе подобным.

Джеймс рассмеялся, вручая принцу кубок с вином.

— Себе подобным? Ваше высочество, если бы вы могли видеть себя, когда все это говорите, вы бы поняли абсурдность своего замечания.

Принц покачал головой, и обезьянка опустилась по его руке до кисти.

— Однако я могу. Она — мое зеркало.

Он повернул голову и улыбнулся созданию, которое тихо сидело и в ответ внимательно смотрело на него своими блестящими глазками. Принц сделал глоток вина и продолжил:

— Вы поразились бы своим чувствам, если провели бы час или два с животным, дразня друг друга и играя.

Руперт оторвал взгляд от обезьянки, и та, ухватившись за кружева его рукавов своими крошечными лапками, обвила его руку хвостом и повисла у него на кисти.

— Не могу сказать, со мной подобного не случилось, — ответил Джеймс, все еще смеясь.

— У меня также, — согласилась Мэри, присаживаясь на безопасном расстоянии. — Не могли бы вы объяснить это уникальное чувство, возникающее у вас, более ясно.

— Хорошо, вы, должно быть, осознаете связь, которая может возникнуть у вас с животными. Это при-

ходит, когда вы остаетесь с ними наедине после того, как поиграли с ними несколько часов. Впервые это ощущение появилось у меня, когда я был еще совсем ребенком, а затем оно подтвердилось у меня вот с этой малышкой. Внезапно наступает момент, когда вы смотрите на нее и... — он остановился, подыскивая слова, и Джеймс понял, что он совсем не шутит. — Я могу только сказать, что вы глядите на ее мордочку, и думаете: Это я, а я — это она. Ощущение было такое, что она чувствует то же, что и я.

— В момент такого замечательного союза, — заметила Мэри легким, ироничным тоном, — не ощущаете ли вы себя большой человекообразной обезьяной?

Руперт с шутливым видом состроил ей гримасу и рассмеялся.

— Извините, но я говорю серьезно, мадам, подобное случается с этой обезьяной, вот и все. Я осмеливаюсь сказать, что такое может произойти и с другим животным.

— А с Мальчиком это случается? Чувствуете ли вы себя клубком белой шерсти, а он себя безумцем шести футов и четырех дюймов роста?

Джеймс запротестовал, но принц рассмеялся еще громче, так что обезьянка сбегала вниз по его телу на пол и бросилась к книжному шкафу, где устроилась на верхней полке, что-то щебеча им и показывая белые острые зубки под черными губами.

— Нет, — ответил принц, когда снова смог дышать, — с Мальчиком это — любовь.

— О, — только и выговорила Мэри, а после паузы добавила: — Я легко могу вообразить, что подобное чувство идентификации может иметь место и с лошадью, потому что когда кто-нибудь скачет верхом, он чувствует себя частью животного. Вы же большую часть своей жизни проводите подобным способом.

— Это верно, но мы не идентифицируем друг друга ни в малейшей степени. С лошадьми это тоже любовь.

— Должно быть, вам было очень обидно потерять вашего великолепного скакуна под Бристолем, — заметил Джеймс, испытывая острую боль при мысли, что все его прекрасные берберские лошади в Кобэм-холле теперь находятся в руках парламента.

Принц наклонил голову и произнес:

— Но терять людей... нет никакого сравнения.

Во время ужина обезьянка оставалась главной темой разговора, потому что, к удивлению Джеймса, Мэри позволила малышке находиться у стола. Она не хватала яства, но оставалась перед тарелкой принца, глядя то на одного, то на другого и принимая еду только из рук принца. Он бормотал что-то, подавая ей кусочки, и крошечная лапка хватала их из его рук, поворачивая свое личико под белой маской от одного к другому. Затем она аккуратно поедала то, что ей давали, свесив свой хвост с его плеча.

— Дорогуша, маленькая ты моя, — ласково произнес принц на немецком. — Я думаю, этого достаточно.

Мэри была утомлена всем этим, Джеймс до некоторой степени тоже. Она сказала:

— Вы всегда выражаете ей свою привязанность, вы, должно быть, раз двадцать ласково обратились к ней за последние пять минут.

Принц приподнял брови.

— Я не могу иначе, ей нужна ласка. Если я не буду обращать на нее внимания, она обидится.

— О, какая чепуха.

Принц вздохнул, положил свой нож и поманил обезьянку, положив свои пальцы на блюдо.

— Иди сюда, моя любовь, — проговорил он по-французски.

Животное медленно двинулось вперед.

— Кушай, моя маленькая, — он взял кусочек фрукта и протянул ей. — Вот, моя любовь.

Ответом со стороны обезьянки послужило то, что она чуть-чуть отодвинулась.

— Моя любовь, — повторил он более нежно, и создание сразу же повернулось, подбежало к краю стола, накрытого скатертью, забралось под нее и улеглось под ней, свернувшись клубочком. Джеймс и принц рассмеялись над этим, а также над смущением Мэри. Спустя минуту она тоже улыбнулась и спросила:

— Вы возьмете ее в Глочестер?

Принц покачал головой.

— В Глочестере будет совсем не до смеха.

Через минуту Мэри продолжила:

— Я не знаю, поняли ли вы, что в то время, когда вы и король присутствовали при осаде, королева чувствовала себя очень беспокойно. Я бы сказала, что она ревновала короля к вам.

На лице принца мелькнуло раздражение.

— Она забыла, что приказы я получаю от него, поэтому влияние в этом случае идет в другом направлении.

— Точно, — тактично ответила Мэри, хотя Джеймс мог сказать, что она считает замечание принца неискренним.

— Я думаю, если вы сумеете убедить его величество на денек покинуть осаду и приехать повидаться с ней, может, она успокоится? Пусть она с ним разыгрывает из себя генералиссимуса, сколько будет ее душе угодно.

— Если честно, то я сам об этом подумывал, — ответил принц, — попытаюсь это устроить на следующей неделе.

— Ее величество еще более, чем раньше, склонна давать советы королю и комментировать военные

действия. Она пытается помочь, но уже целая толпа других советчиков занимается тем же самым, — заметил Джеймс.

Принц пожал плечами.

— Это неизбежно, если война продолжается так долго, как эта. Подобное всегда случается. Все дилетанты, даже не являясь военными, начинают говорить: «Если бы это только случилось тогда» или же «Если бы этого тогда не случилось, мы бы сделали все лучше». Затем они говорят: «Если бы только этот человек не сделал этого» или же «Если бы другому разрешили это сделать, то мы бы теперь уже победили». Если вам придется воевать самому, то я не советую вам прислушиваться к подобной чепухе.

Видя, что они слегка застигнуты врасплох, он продолжил:

— С осадой, подобной осаде Глочестера, ситуация совершенно ясная, враг находится внутри, а вы вне стен города и пытаетесь войти в него. Если кто-то скажет вам: «Мы бы сделали то-то и то-то», вы можете только указать ему на город и сказать: «Идите и делайте, если считаете, что сможете достичь успеха». Это легко, им придется приняться за работу самим, и если их идея бессмысленна, то они заткнутся. Однако в кампании или в серии сражений, или во время продолжительной войны ситуация неясна. Память людей может быть не точной, и они обвинят того или другого в том, что случилось в прошлом. Например, я могу сказать, что нам следовало использовать возможность взять Лондон после того, как мы наказали Эссекса под Эджхиллом, но мы не сделали этого, и теперь бесполезно обсуждать, что могло бы быть. Все, что я хочу сделать, это разбить Эссекса на следующей неделе и войти в Лондон неделю спустя. Вот разговор, к которому бы я прислушался.

— Рада сказать, — пробормотала Мэри, — что и мы также к нему бы прислушались.

Он взглянул на нее, а затем усмехнулся.

— Я не слишком громко кричал?

— Я полагаю, мы должны простить вас, у вас так редко бывает возможность повысить голос.

Руперт рассмеялся, и оставшаяся часть вечера прошла очень весело. Джеймс, по крайней мере, раза три поддержал идею Мэри о том, чтобы Руперт отправил короля в Оксфорд на следующей неделе.

Когда принц уходил, он казался еще пьянее, чем до того, как к ним пришел, тем не менее он все еще в состоянии был контролировать себя. Он пожал руку каждому при прощании, сказав:

— Вы мои самые лучшие друзья, пусть все, что я делаю, не будет недостойно вас.

Мэри находилась наедине с королевой и читала ей стихи. У ее величества несколько дней была мигрень, теперь она выздоравливала и не желала никакого шума вокруг себя. В колледже было тихо и спокойно, солнышко пригревало, и королева планировала, если почувствует себя получше, немножко покататься в повозке с пони. Глубоко польщенный лорд Джермин учил ее теперь, как ездить на нем, сопровождая все это поддразниваниями и смехом.

— Он из кожи лезет вон ради вас, — заметила Мэри, поднимая глаза от томика Эндрю Марвела, — он так старается, что иногда я даже не позволяю себе смеяться над ним. Я думаю, когда он помогал вам выйти из повозки на днях, он выглядел так, как будто влюблен в вас.

— Конечно, он влюблен, нам бы не было так смешно, если бы это было не так. Что вам приходит в голову, Молл, неужели вы думаете, что я потеряла свою власть?

— Нет, я думаю, как долго продлится его очарование, если он не вправе надеяться на взаимность.

Королева улыбнулась.

— Зло сказано, очень зло, но что бы вы ни говорили, тут ничего не поделаешь. Он должен страдать молча, вот и все.

— А он не молчит, подумайте о стихах, которые он декламирует от случая к случаю. Небрежно, как будто они только что пришли ему в голову, хотя мы знаем, что он, должно быть, заучил их прошедшей ночью.

Королева рассмеялась.

— Его усилия заметны, я допускаю, но тон, которым он декламирует, не подходит ему, он слишком мужествен, я едва могу удерживаться от веселья, когда он читает.

— А цветы, которые он приносит вам, награждаемый лишь вашей улыбкой? Что вы скажете о том, чтобы написать для него стихотворение в ответ?

Королева села, головная боль у нее прошла.

— Молл, какая же вы несносная.

— Стихотворение будет анонимным, и мы адресуем его «джентльмену» или же «прекрасному джентльмену», как вы захотите.

Глаза королевы сверкнули, предвкушая злословие.

— Не навлекай на меня беды, это проделка слишком опасна, и, десять к одному, у нас нет стихотворения, чтобы передать ему. Где мы его найдем?

— Сейчас, может быть, и нет, но я могу его написать, и он поймет, что оно прибыло к нему по вашей

просьбе. Он никогда, никогда не признает этого, но нам будет смешно наблюдать за его реакцией. Подумайте, а вдруг он тоже сочинит ответ в стихах, и на этот раз это будут его собственные стихи. Не может же он без конца заимствовать произведения других авторов.

Королева встала и начала ходить по комнате, вертя на руке рубиновый браслет. Взгляд ее был устремлен в пол.

— О нет, это слишком деликатно, пусть это останется между нами, мы никогда не сможем, вероятно... — Затем она остановилась. — А стихотворение можно адресовать ему, используя инициалы.

— Или же зашифровать их для большей таинственности. Например «Дж. Х.» — Джермину Хенри.

— О нет, это слишком явно. А если «Дж. Г.» — Джермин Гарри.

Мэри пожала плечами.

— А как он поймет, что это предназначалось ему?

— В любом случае у нас нет стихотворения, — сказала королева, — и я не знаю, зачем мы дразним друг друга, говоря об этом.

— А что вы скажете вот об этом? — Мэри вытащила листок свернутой бумаги из книги Марвела и вручила его королеве.

Генриетта-Мария тяжело задышала и тут же развернула его.

— Оно написано не вашей рукой.

— Нет, — сухо ответила Мэри, — я подумала, что пусть лучше будет так.

— И оно было у вас все это время? Вы написали его специально для меня, чтобы меня рассмешить? Какое же вы забавное озорное создание.

Она подняла руку и начала декламировать.

— Давайте послушаем, как оно звучит.

*Мой дорогой объект любви,
О муках в сердце у меня
Если б догадывался ты,
Ты бы ответил, знаю я.
Моим тревогам уделить
Ты смог б сочувствие свое,
И нет нужды мне говорить,
Что я люблю, ведь видно все.
Все действия, все мои слова
Показывают, я влюблена.
Ради тебя я забыла
Всех, блистающих при дворе,
Но не клятвами подтвердила
Предпочтение свое тебе.*

— О, это так умно, мое предпочтение, так оно и есть. О, да тут продолжение. — Королева перевернула страничку и начала быстро читать.

— Мадам, должна вам сказать, это очень хорошо, и даже слишком хорошо для печального лорда Джермина.

Генриетта-Мария бросила на Мэри пронизательный взгляд.

— Или, может быть, вы влюблены в него сами.

— Я поклянусь вашему величеству чем угодно, что я не влюблена в лорда Джермина.

Мэри не поднимала глаз от пола, пока королева читала, сердце у нее болезненно билось. Предыдущей ночью она наконец написала о Руперте, охваченная любовью и желанием, которые не давали ей спать до рассвета. Она велела Энн переписать стихотворение, а затем сожгла оригинал. Показав его королеве, она преследовала только одну цель: перевести пронизательный взгляд ее величества на другое, если вдруг она что-то заметила в тот день, когда Руперт был с визитом в Мертоне. Если Генриетта-Ма-

рия подумает, что Мэри тайно увлечена лордом Джермином, она не догадается, что у ее придворной дамы есть более опасный секрет.

— Мне нравится вот это — заметила королева.

*С тех пор, как ухаживанье твое
Склонило меня к любви,
Ты не выходишь все еще
Из мыслей и головы.*

— Я не уверена, что получилось очень хорошо, — призналась Мэри.

— Нет, хорошо, все прекрасно, кроме одного: я нахожу, что не могу заставить себя сыграть подобную шутку с каким-либо джентльменом. У меня нет вашей природной склонности к насмешкам. Однако оставьте мне стихи на день или два, чтобы я насладились ими на досуге.

Мэри встала.

— Я сожалею, мадам. Если стихотворение не может послужить этой цели, то лучше спрятать его у меня, где оно никому не сможет причинить вреда.

Слегка поколебавшись, королева отдала его назад, затем она дразняще улыбнулась.

— Если я когда-либо упомяну Дж. Г. в вашей компании, мы обе будем знать, что это значит, а никто другой не догадается. И все же я не совсем уверена в том, что два этих маленьких листочка не значат для вас больше, чем для меня.

Когда Мэри вернулась домой в тот вечер, она подошла к шкафу, в котором хранила свои перчатки, заперла стихотворение в плоском кожаном ящичке для перчаток и поместила его на полку. Оно послужило своей цели. Она написала любовное стихотворение после всех настояний Энн, и королева видела его. Что касается ее самой, она никогда не сможет пере-

читать его снова. То, что она написала, не излечило ее, а сделало ее потерю более глубокой. Она сочинила стихотворение не для того, чтобы тайно передать его Руперту. Она теперь знала, что он не склонен к поэзии, несмотря на его изобретательность с сонетами Шекспира и на то, что он хранил ее обгоревшее стихотворение о дружбе. Еще до того, как она написала этот стих, она поклялась себе, что он никогда его не увидит. Да и в любом случае приватное свидание между ними было теперь немислимым.

Они были такими разными, что иногда Мэри удивлялась, как они могли полюбить друг друга. Но она знала, что Руперт верит в это, потому что он различает любовь и то состояние, которое он пытался объяснить и в котором одно создание может соответствовать другому, подобно отображению в зеркале. Любовь между неравными вызывает мощную страсть, которая связывает обоих, возникает родство душ, когда смотришь в глаза другого и признаешь: я — это ты; ты — это я.

Мэри спрашивала себя, будет ли у нее когда-нибудь возможность снова заглянуть в глаза Руперта и часами смотреть в них. Она могла бы стать зеркалом его души, а он ее. Возможно, подобный акт будет означать отречение от любви, или же любовь существует не для того, чтобы возникал союз двух абсолютно совершенных созданий. Мэри почувствовала испуг, когда подумала об этом. На нее напал почти религиозный страх.

Шерил Сойер

ГЕРЦОГИНЯ

ВОЗЛЮБЛЕННАЯ ПРИНЦА

Выпускающий редактор *Е. Новикова*

Технический редактор *С. Камышова*

Корректоры *Л. Ким, И. Румянцева*

Дизайнер обложки *Д. Минеев*

Компьютерная верстка *А. Ворониной*

ООО ТД «Издательство Мир книги»,
Адрес: 111024, г. Москва, ул. 2-я Кабельная, д. 2, стр. 6

Отдел реализации:
Телефоны: (495) 974-29-76, 974-29-75. Факс: (495) 742-85-79
E-mail: commerce@mirknigi.ru

Каталог «Мир Книги» можно заказать по адресу:
111116, г. Москва а/я 30 «МИР КНИГИ»,
тел.: (495) 974-29-74 e-mail: order@mirknigi.ru

Подписано в печать 26.11.2007.
Формат 84х108 1/32. Печать офсетная.
Гарнитура НьюБаскервиль. Печ. л. 9,0. Усл. печ. л. 15,12.
Тираж 16 000 экз. Заказ № 0729210.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

